

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

ДЪТИНЕЦЪ

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

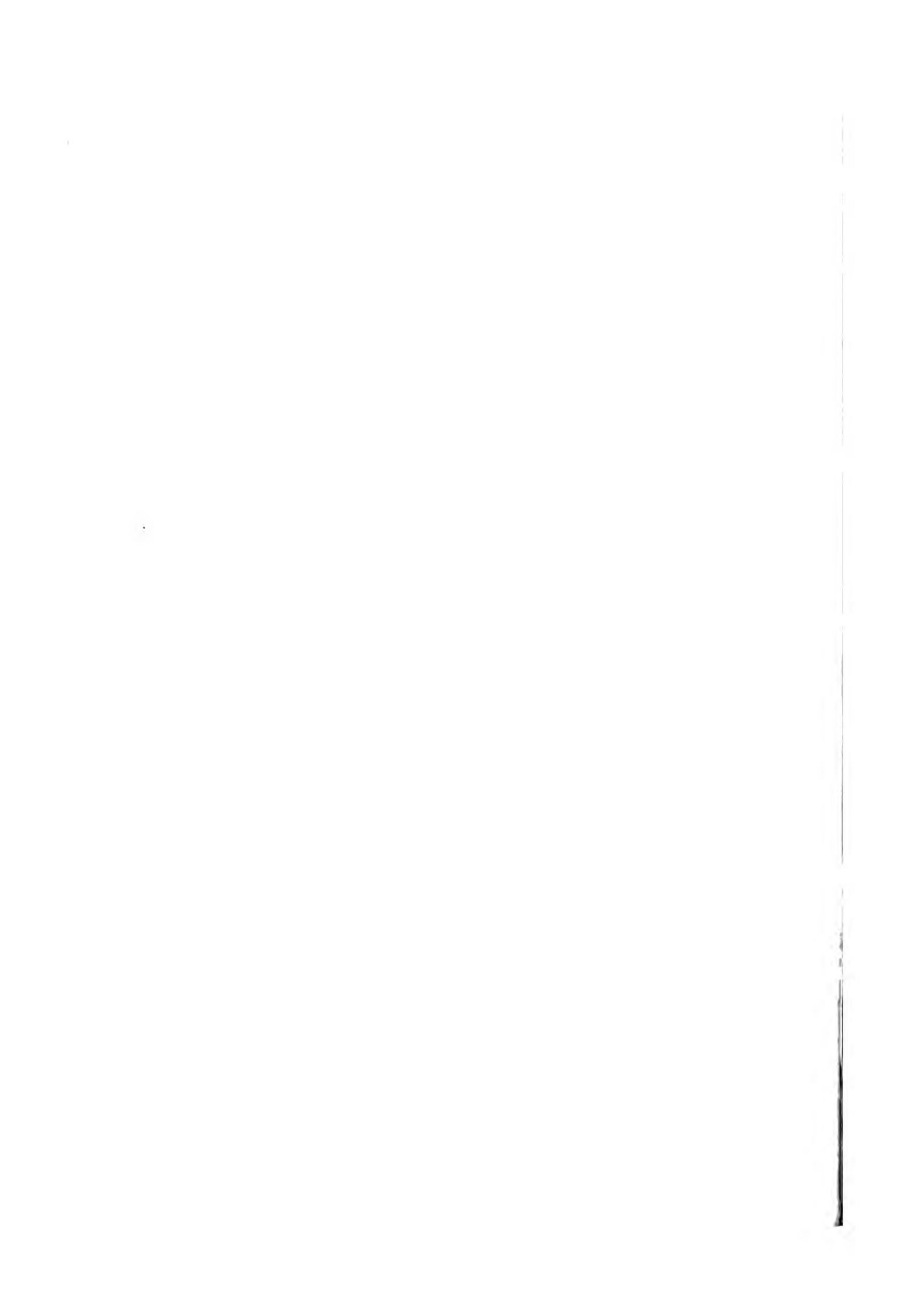
- М. ВОЛОШИНЪ. — Заклятіе о Русской Землѣ. — Стихи.
ИВ. НАЖИВИНЪ. — Федеративный социализмъ Васьютка. — Разсказъ.
П. П. ИЗВОЛЬСКІЙ. — Къ вопросу о соединеніи Церквей.
Проф. Т. ЛОКОТЪ. — Большевиизмъ и культура.
П. Н. КРАСНОВЪ. — Задачи Россійской Арміи.
Проф. Д. ПЕСТРЖЕЦКІЙ. — Оплата труда рабочаго въ Совѣтской Россіи осенью 1921 г.
ИВ. НАЖИВИНЪ. — У разбитаго корыта.
М. БУДАНОВСКІЙ. — На столахъ. — Разсказъ.
РЕЙХЕНХАЛДЕЦЪ. — Письмо въ редакцію „Дѣтинца“.

БЕРЛИНЪ — 1922

303109965-

ДѢТИНЕЦЪ

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ :

- М. ВОЛОШИНЪ. — Заклятіе о Русской Землѣ. — Стихи.
ИВ. НАЖИВИНЪ. — Федеративный социалистъ Васютка. — Разсказъ.
П. П. ИЗВОЛЬСКІЙ. — Къ вопросу о соединеніи Церквей.
Проф. Т. ЛОКОТЪ. — Большевизмъ и культура.
П. Н. КРАСНОВЪ. — Задачи Россійской Арміи.
Проф. Д. ПЕСТРЖЕЦКІЙ. — Оплата труда рабочаго въ Совѣтской Россіи осенью 1921 г.
ИВ. НАЖИВИНЪ. — У разбитаго корыта.
М. БУЛАНОВСКІЙ. — На столахъ. — Разсказъ.
РЕЙХЕНХАЛЛЕЦЪ. — Письмо въ редакцію „Дѣтинца“.

БЕРЛИНЪ — 1922

PG2414 3415

Alle Rechte vorbehalten.

С. А. Г. Г. Г.

РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ Е. А. ГУТОВА
BERLIN S. 14, DRESDNERSTRASSE 82-83

Заклятіе о Русской Земль.

Сорокъ день опостясь,
Пойду перекрестясь
Изъ дверей въ двери,
Изъ воротъ въ ворота
Утренними тропами
Во чисто поле на бѣль-горючь камень.

Стану я на востокъ лицомъ,
На западъ хребтомъ,
Оглянусь на всѣ четыре стороны,
На семь морей, на два океана,
На семьдесятъ семь племенъ,
На тридцать три царства,
На всю землю Святорусскую.

Не слыхать людей,
Не видать церквей,
Ни бѣлыхъ монастырей,
Ни крестовъ, ни дворцовъ,
Ни дворовъ, ни хлѣбовъ, —
Лежить Русь
Разоренная, окровавленная, спаленая . . .

По всему полю дикому, великому
Кости бѣлыя,
Кости сухія, пустыя,
Мертвыя, желтыя,
Саблей стѣчены,
Пулей мѣчены,
Коньми топтаны.

Ходитъ по полю желѣзный Мужъ,
Бьетъ по костямъ
Желѣзнымъ жезломъ:
«Съ четырехъ сторонъ, съ четырехъ вѣтровъ
Дохни духъ, засвисти въ кость!»
Не вѣтеръ гудитъ.
Не колосъ шуршитъ, —
Плоть шелеститъ,
Кости шуршатъ,
Жизнь разгорается.

Какъ съ костью кость сходится,
Какъ плотью кость одѣвается,
Какъ жилой плотъ зашивается,
Какъ мышцей плотъ собирается —
Такъ встань, Русь, поднимися,
Оживи, соберись, сростись,
Царство къ царству, племя къ племени!

Куетъ кузнецъ
Золотой вѣнецъ,
Обручъ кованый:
Царство Русское собирать, сковать, заклепать,
Крѣпко на крѣпко,

Туго на туго,
Чтобъ оно, Царство Русское, не разсыпалось,
Не расплавилось, не расплескалось.
Чтобы мы его, Царство Русское,
Въ гульбѣ не разгуляли,
Въ пляски не расплясали,
Въ торгахъ не расторговали,

*Въ питъль не роспили,
Въ словахъ не разговорили,
Въ хвастнѣ не расхвастали!
Чтобъ оно, Царство Русское, рдѣло, зорилось
Жизнью живыхъ,
Смертью святыхъ,
Муками мученыхъ!..
Будьте слова мои крѣпки и лѣпки,
Сольче соли, жгуче пламени.
Которыя слова не преговорилъ — будьте назади!
Которыя не договорилъ — будьте впереди!
Слова замкну, а ключи въ море — Океанъ опуцу!*

М. Еолошинъ.

Федеративный социалистъ Васютка.

И. А. Бунину.

Подъ звонкими, задумчивыми сводами вѣкового парка въ небольшомъ имѣнницѣ «Пантюки» стоялъ гулкой непривычный шумъ: слышались громкіе, возбужденные голоса людей, смѣхъ, стукотня топоровъ, врубавшихся въ сочные стволы, вжиканье пилъ, иногда хрусть и шумъ паденія какого-нибудь изъ деревьевъ-великановъ. Желто-зеленая иволга, розовые копчики, рябые дрозды, яблоки, малиновки, пѣночки, крапивники, тысячами водившіеся въ этихъ зеленыхъ, солнечныхъ чертогахъ, примолкли и, ничего не понимая, испуганно перелетывали съ вѣтки на вѣтку. И аистъ, уже много лѣтъ жившій на сухой вершинѣ трехобхватной, заоблачной липы, стоявшей надъ стариннымъ, шоколаднымъ отъ времени домикомъ съ покосившейся терассой и радужными стеклами, присмирѣлъ и, поджавъ ногу и тревожно осматриваясь, думалъ: опасно это или нѣтъ?

То окрестные мужики рубили паркъ. Зачѣмъ они дѣлали это, они не знали, такъ какъ на постройку эти старыя деревья не годились уже, а дровъ у нихъ и у самихъ въ этомъ лѣсномъ краю было много. Но Гришка Голякъ крикнулъ сдуру на сходѣ подъ горячую руку, что рубить надо, вотъ всѣ и пошли рубить — одни съ

нѣкоторымъ даже удовольствіемъ, потому что это было ново, дерзко и потому, что свѣжій весенній воздухъ побуждалъ къ движенію, другіе — и въ томъ числѣ и самъ уже пришедшій въ себя Гришка, — съ большой опаской, а третьи прямо ворча: лучше бы погулять Ѳомину-то, передъ пахотой, а эти черти выдумали не знамо что... На кой лядъ это старье-то? Дупло на дуплѣ... И, придя на усадьбу, они стали всячески отвиливать отъ работы: кто точилъ зазубренный, тупой, какъ водится, топоръ на случайно найденномъ въ буйной молодой крапивѣ барскомъ точилѣ, кто слонялся по разграбленной усадьбѣ, по всѣмъ этимъ старымъ, полнымъ косматой паутины кладовкамъ, сараямъ, погребамъ и по этимъ стариннымъ, какъ то жутко-звонкимъ теперь, опустѣвшимъ, засыпаннымъ рваной бумагой и битымъ стекломъ комнатамъ шоколаднаго домика...

Усадьба эта принадлежала послѣднему представителю стариннаго, совсѣмъ обѣднѣвшаго рода, Ивану Ивановичу Тарабукину. Когда-то большое, имѣнье это все было разбито на хутора и распродано крестьянамъ-хохламъ, а за владѣльцемъ остались только эти послѣднія сорокъ десятинъ усадьбы, спрятавшейся отъ новаго міра подъ зелеными сводами этого рѣдкостнаго парка, на берегу свѣтлой и сонной Ужи. Иванъ Ивановичъ почти всю жизнь свою провелъ въ этомъ своемъ умирающемъ родовомъ гнѣздѣ, великолѣпно зналъ всѣхъ мужиковъ въ округѣ, не сторонился ихъ, но и не лебезилъ и не заискивалъ предъ ними. Въ 1905 г. они попытались было выкурить его изъ Пантюковъ, но какъ-то до конца дѣла не довели, ограничившись лишь сожженіемъ риги да вырубкой небольшого участка лѣса. Съ тѣхъ поръ Иванъ Ивановичъ совсѣмъ замкнулся, тѣмъ болѣе, что въ это же время его постигли и еще два тяжелыхъ удара: въ Манчжуріи былъ убитъ японцами его единственный сынъ, офицеръ, а единственная дочь, эта милая, нѣжная хохотунья Маруся, вдругъ оказалась замѣшанной въ дѣлѣ покушенія на одного изъ великихъ князей и была сослана въ Сибирь...

И старикъ замкнулся въ своемъ шоколадномъ домикѣ надъ свѣтлой Ужей, проводя все свое время за чте-

ніемъ любимыхъ имъ книгъ по русской исторіи и по исторіи церковной, а отдыхая, долго, долго, повѣсивъ старую, бѣлую голову, съ отежшими, грустными глазами, ходилъ по длиннымъ стрѣльчатымъ аллеямъ дѣдовскаго парка, которыя были также тѣнисты, также звонки, также прекрасны уже въ то время, когда по нимъ солнечными, росистыми утрами и золотыми, задумчивыми вечерами ходилъ, бывало, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, большой другъ дѣда Тарабукина, одно время гостившій на «Пантюкахъ» у своего пріятели. Въ шоколадномъ домикѣ онъ жилъ въ угловой библіотекѣ, большой комнатѣ съ итальянскимъ окномъ, которая изъ уваженія къ памяти поэта была оставлена въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее покинулъ: стояла въ углу та же широкая орѣховая кровать подъ шелковымъ, коричневымъ, стеганымъ одѣяломъ, и не догорѣвшая свѣча въ темнокрасномъ мѣдномъ шандалѣ на ночномъ столикѣ, и овальный столъ подъ вязаной скатертью у огромнаго, въ крупныхъ, полинявшихъ цвѣтахъ дивана, и зеркало съ пухлыми амурами, и небольшой письменный столъ съ выгнутыми ножками и выкрошившейся перламутровой инкрустаціей. На-право на стѣнѣ висѣли двѣ выцвѣтшихъ старинныхъ акварели, изображавшія одна парфорсную охоту англичанъ въ красныхъ фракахъ за лисицей, а другая какого-то очень сердитаго адмирала съ подзорной трубой, а на-лѣво всю стѣну до самаго потолка занималъ огромный книжный шкафъ, тѣсно набитый всякими старинными книгами на нѣсколькихъ языкахъ. А на радужно переливавшемся стеклѣ окна поэтъ, вѣроятно, перстнемъ неуклюже нацарапалъ: *А. Пушкинъ, 27 Юля 1832 г.* Люди рѣдко заглядывали послѣдніе годы въ эту комнату и тамъ весело и безопасно жили только цѣлые выводки мышей, поднимавшихъ по ночамъ необыкновенную возню и пискъ, вплоть до того момента, когда съ грохотомъ сапоговъ и лязгомъ оружія сюда ворвалась толпа возбужденныхъ, ошалѣвшихъ людей, подъ предводительствомъ Ваньки Зноева, здоровеннаго матроса съ дьявольскими скулами на точно лакированномъ и пьяномъ лицѣ и съ двумя тяжелыми револьверами у пояса. Въ одинъ мигъ была растерзана драгоцѣнная библіотека, все было

разграблено и исковеркано, а на запылившемся во время погрома стеклѣ, поверхъ едва уже замѣтныхъ царапинъ великаго поэта, какой-то грамотѣй жирно и увѣренно вывелъ толстымъ пальцемъ поганое слово — зачѣмъ, неизвѣстно...

И, когда за рѣчкой, въ с. Устьѣ завылъ неизвѣстно зачѣмъ набатъ, и мутнобагровое зарево отъ горѣвшихъ за паркомъ хуторовъ — прежде всего на крестьянъ-хуторянъ обрушился гнѣвъ возставшаго народа, — поднялось въ небо, и донесся до тихой усадьбы гомонъ опьяненныхъ чѣмъ-то новымъ крестьянъ, разносившихъ эти хутора, и беспомощно заметались въ зловѣще дымномъ небѣ встревоженные птицы, Иванъ Ивановичъ вспомнилъ свою нѣжную, милую Марусю и старое сердце его сжала знакомая, холодная тоска. И, когда Ванька Зноевъ, ворочая своимъ дьявольскими скулами — точно онъ грызъ какія-то огромныя бычьи кости, — торжественно прочиталъ ему безграмотный приговоръ, въ которомъ ему, врагу народа, кто-то милостиво даровалъ жизнь, но требовалъ, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ старой усадьбы, онъ отвѣтилъ короткимъ и спокойнымъ отказомъ и пояснилъ:

— Мнѣ некуда ѣхать...

Матросъ, а за нимъ и всѣ эти раньше такіе знакомые и понятные мужики пришли почему-то въ неистовую ярость и стали махать кулаками и ржавыми винтовками и орать, что онъ не смѣетъ сопротивляться волѣ возставшаго народа, — такъ выражался Ванька, — что достаточно онъ чьей-то кровушки попилъ.

— Мнѣ некуда уйти... — повторилъ старикъ тихо, но настойчиво. — Некуда, понимаете?

— А, еще разговаривать!

Стукнулъ револьверный выстрѣлъ, всѣ стали молотить что-то мягкое и теперь еще въ опустѣвшей, съ выбитыми стеклами столовой видны эти брызги на стѣнахъ и темное пятно на давно некрашенномъ полу, которое тревожно обходятъ лѣнливо слоняющіеся по дому мужики, ушедшіе отъ ненужной работы въ тревожно шумя-

щемъ теперь старомъ паркѣ. И шуршать они ногами въ пожелтѣвшихъ и пахучихъ страницахъ изъ истерзанныхъ ими старинныхъ книгъ...

II.

Около заоблачной, прямой и золотой сосны, одиноко стоявшей на красивой, солнечной, пахнущей молодой, примятой травой лужайкѣ, усердно трудилось четверо крестьянъ. Съ возбужденныхъ лицъ ихъ струился потъ, рваныя ситцевыя рубашки — съ мануфактурой-то нынче ого!.. — прилипали къ разгорѣвшемуся въ работѣ, остро пахнущему потомъ тѣлу, но они были какъ-то особенно, непохорошему веселы и усиленно, хотя и безсознательно, поддерживали одинъ въ другомъ этотъ новый, ухарскій, отпѣтый тонъ. И болѣе, чѣмъ всегда, ругались самыми непотребными словами, точно старались этимъ потокомъ всякаго похабства и грязи залить въ себя что-то...

— Ну, Васютка, дѣйствуй!.. — этимъ новымъ, подчеркнуто-веселымъ тономъ крикнулъ Матвѣй, только что оженившійся мясоѣдомъ мужикъ, ловкачъ съ холодными, ястребиными глазами на сухомъ лицѣ, который всю войну отсидѣлъ на желѣзной дорогѣ, въ артели носильщиковъ, и, какъ говорятъ, заработалъ отъ биржуазовъ здоровыя деньги. — Что приунылъ-то?... Стараться должонъ — леварюція!..

— А что, ребята, вѣдь всамдѣлѣ нашъ Васька за всю леварюцію ни хрѣна не сдѣлалъ... — вставилъ притворно серьезно, «для смѣху», бѣлобрысый, худенькій солдатишка Михайла, почти всю войну бывшій въ бѣгахъ, а теперь оравшій не меньше даже Ваньки Зноева. — Вѣдь, это вродѣ измѣны выходить, а?

— А знамо дѣло... — согласился Никита, матовый, чахоточный, съ огромнымъ кадыкомъ и злыми, огромными и водянистыми глазами ткачъ съ недалекой фабрики, которая стояла теперь за отсутствіемъ хлопка и топлива. — За нимъ поглядывать надо — они всѣ, унтерцеры-то эти, старый режимъ уважаютъ...

— Ну, ну, не разстраивайся! — сумрачно отвѣчалъ Васютка, здоровый парень невысокаго роста, съ тихимъ, пріятнымъ лицомъ въ бѣломъ пушку и съ какими-то не то сонными, не то мечтательными глазами. — Выискался какой тожа... Проорали фабрику-то, черти паршивые! Вотъ теперь и попрыгай...

— А что, тебя не спросили?.. — зло отвѣчалъ Никита. — Проорали!... А что ты въ этомъ понимать можешь?

— И понимать тутъ нечего... Былъ хозяинъ, — сколько народу на ей кормилось и миткаль гривенникъ аршинъ былъ, а теперь и матеріи нѣтъ никакой, и народъ зря шалается... Комитетчики тожа, дерьмо собачье...

— А что, по твоему, къ хозяину пойти, въ ножки поклониться? «Не оставьте, молъ, ваша милость, безъ васъ пропадемъ...» Такъ что ли? — запальчиво возражалъ Никита. — Вотъ агранизуются рабочіе по всѣмъ отраслямъ, все наладятъ, сырье подвезутъ и пойдетъ работа...

— Агранизуемся... — вяло возразилъ Васютка, который до смерти не любилъ этихъ новыхъ, надрывныхъ разговоровъ. — Агранизуемся... Дѣло-то, братъ, вести, не кудрями трясти!... Узнаешь...

— Я и говорю, что не иначе, какъ контрлеварюциверъ... — подлилъ масла въ огонь Матвѣй, смѣясь деревяннымъ смѣхомъ, причемъ его холодные, ястребиные глаза остались безучастны. — Такъ по кой же песь ты сюда, на усадьбу, пришелъ? Пошелъ бы лучше на тарабукинскую могилку поплакать...

— Куда люди, туда и мы... — еще лѣнивѣе отозвался Васютка и со всего маху всадилъ топоръ въ сердцеви́ну уже крѣпко подрубленной со всѣхъ сторонъ сосны. — Ну, наддай!...

Топоры усиленно и жадно застучали въ полную весеннихъ соковъ, пахучую древесину. Мужиками овладѣлъ азартъ: а ну, разомъ, живо!... И вотъ гдѣ-то въ середнѣ что-то коротко пискнуло и оборвалось.

— Берегись!

Всѣ отскочили въ сторону и подняли возбужденныя, потныя лица вверхъ. Верхушка великана чуть за-

мѣтно трепетала и вдругъ легонько пошла въ сторону. Мужики, галдя, смѣясь и толкая одинъ другого, бросились прочь, толстый стволъ сочно хрустнулъ, соскочилъ съ огромнаго пня, въ воздухѣ что-то коротко прошумѣло и, треща сучьями, могучая сосна разметалась по молодой травѣ среди золотыхъ созвѣздій только что распустившихся одуванчиковъ... Птицы тревожно взметнулись надъ паркомъ и аистъ перемѣнилъ ногу и безпокойно оглянулся — не хотѣлось ему улетать отъ своей подруги, плотно сидѣвшей на яйцахъ...

— Молодца! — сказалъ Матвѣй. — Теперь и покурить можно...

Всѣ равнодушно усѣлись на гладкій, золотой стволъ поваленной сосны и скоро задымились въ сіяніи вешняго утра вонючія «собачьи ножки». Въ старомъ паркѣ немолчно стоялъ этотъ новый, возбужденный шумъ...

— Гляди-ка, ребята, что это? — воззрился вдругъ бѣлобрысый Михайла. — Пичужки, что ли, какія...

Онъ подошелъ къ вершинѣ сосны, надъ которой съ тревожными, хриплыми криками порхали два рябинника, — тамъ, на травѣ, валялось выпавшее изъ вѣтвей гнѣздо съ уже мертвыми, безобразными, голыми и головастыми птенцами. Только одинъ изъ нихъ былъ еще живъ и тоскливо искалъ чего-то по сторонамъ своей нескладной, костлявой головой.

— Вишь ты, тоже мразь какая...

Заинтересовавшись, лѣниво подошли и другіе. Михайла взялъ живого птенца за голову и поднялъ. Тотъ, безобразный и несчастный, смѣшно заболталъ неуклюжими ногами.

— А-а, не любишь!... — замѣтилъ Михайла. — То-то, братъ...

Всѣ засмѣялись.

— Э, дуракъ!.. — недовольно проговорилъ Васютка. — Брось...

— Все равно здохнетъ... — отвѣтилъ тотъ. — Куда ихъ, дерьма?..

И вдругъ онъ сильно взмахнулъ рукой и птенецъ безобразнымъ комочкомъ полетѣлъ вверхъ, жирно шлепнулся о землю и изъ него брызнули внутренности. . . Въ густой жимолости и шиповникѣ, гдѣ скрывалась старая блѣдно-розовая бесѣдка, съ когда-то бѣлыми, а теперь пѣгими колоннами и съ остатками помпейской живописи — козлики, ленты, амуры, цвѣты. . . — въ отсырѣвшемъ куполѣ, тревожно хрипя, перелетывала и вертѣлась парочка пестрыхъ рябинниковъ. . .

Работать не хотѣлось, — и потому, что томило сознание ненужности всей этой возни, и просто хотѣлось посидѣть и погрѣться спокойно на солнышкѣ, покурить, почесать языки, — и мужики снова одинъ за другимъ усѣлись, кто на стволѣ сосны, а кто прямо на травѣ. И такъ какъ говорить было не о чемъ, Матвѣй снова привязался къ Васюткѣ.

— Да, это, братъ, не мадель. . . — говорилъ онъ лѣниво. — Эдакъ ничего не стоитъ и подъ отвѣтъ попасть. . . Кто ригу барскую сжегъ, кто самого Тарабухина билъ, кто парники эти ломалъ, кто что, а ты вродѣ какъ въ сторонѣ. Не мадель, братъ. . .

Васюткѣ было лѣнь связываться и его вообще давнымъ давно утомили и всѣ эти новые разговоры, и вся эта безпокойная, непривычная жизнь; онъ, пріятно щурясь отъ солнца, молча лежалъ брюхомъ на травѣ и смотрѣлъ, какъ въ путаницѣ этихъ зеленыхъ корридоровъ идетъ суета муравьевъ и всякихъ букашекъ. И подумалось ему непріятно: а вѣдь, въ самомъ дѣлѣ ничего не сдѣлалъ. . .

И разомъ встали въ памяти эти послѣдніе, сумасшедшіе мѣсяцы, въ теченіе которыхъ онъ чувствовалъ себя точно подвѣшеннымъ на ниточкѣ надъ какою-то головокружительной пропастью, или точно въ лѣсу дремучемъ и безкрайномъ: иди куда хошь, а идти некуда, всюду жуть, всюду страхъ. . . И все перевернулось и стало вверхъ ногами: раньше ему говорили, что нѣмецъ врагъ, что надо съ нимъ биться до послѣдняго, что было хоть и страшно, но понятно, а теперь наоборотъ и русскіе какіе-то, и сами нѣмцы, вдругъ появив-

шіся въ нашихъ окопахъ со своей ломаной рѣчью, колбасой и съ жгучимъ коньякомъ, теперь всѣ говорили, что нѣмцы пріятели, что надо не стрѣлять въ нихъ, а сходиться и разговаривать. А по ночамъ по окопамъ, по полю, всюду кто-то все бумажки раскидывалъ, въ которыхъ говорилось, что надо бить не нѣмцевъ, а офицерамъ своихъ, которые въ чемъ-то его, Васютку, обманули, что надо скорѣе идти домой, гдѣ мужики уже дѣлаютъ господскія земли, — все это было ново, непріятно и жутко. И появились эти новыя, и потому непріятныя слова: какіе-то, песъ ихъ знаетъ, пролетаріи, буржуи опять, Карлсъ-Марлсъ, интерцентралъ... — такъ незнамо что городятъ... Но такъ какъ всѣмъ солдатамъ война осточертѣла до невозможности, всѣмъ надоѣла эта грязь, холодъ, вши, раны, голодъ, всѣмъ хотѣлось скорѣе домой, къ бабѣ, на печку, жить привычной, изстари, не нами налаженной, а потому и нетрудной жизнью, то всѣ дѣлали видъ, что вѣрятъ этимъ всѣмъ новымъ разговорамъ: „и въ самдѣлѣ пора кончатъ — ну, ихъ къ черту... Мы калуцкіе, до насъ нѣмецъ не дойдетъ...“ И Васютка, который очень стосковался по деревнѣ и по черноглазой Аненкѣ, подлаживался подъ этотъ новый тонъ: онъ пересталъ стричься — хотя вошь и одолѣвала, — пересталъ застегиваться, не отдавалъ чести офицерамъ, хотя первое время это и было совѣстно, и когда оралъ всѣ, то и онъ смѣяся оралъ, самъ не зная, что: долой и шабашъ!.. Но когда вдругъ стрѣлки убили на его глазахъ командира полка, когда потомъ пришла вѣсть, что Керенскій да какой-то, песъ его знаетъ, Жучковъ*) — солдаты тихонько говорили, что оба изъ жидовъ, — самого царя арестовали, то Васютка всѣмъ своимъ крестьянскимъ нутромъ почувалъ большую темную бѣду и совсѣмъ струсилъ, хотя никакъ не показывалъ этого...

Тутъ началось нѣчто невообразимое: солдаты распродавали кому-то пушки, палатки, койки, лошадей, — Васютка самъ продалъ навязанныхъ ему това-

*) Такъ въ народѣ зовутъ Гучкова.

рищами пару здоровенныхъ жеребцовъ изъ парка, за два рубля двадцать копѣекъ обоихъ, — халаты больничные, шанцевой инструментъ, все, и тысячными толпами хлынули по домамъ. Это было точно страшный сонъ какой-то... Безчисленные толпы людей, съ винтовками и мѣшками, голодные, вшивые, оборванные, больные, штурмовали уже разбитые поѣзда, выбивали послѣднія окна, цѣплялись на паровозы, сидѣли на буферахъ, громоздились на крыши вагоновъ и морозными непогожими днями и ночами неслись въ даль, летѣли въ сонномъ изнеможеніи цѣлыми гирляндами подъ колеса и подъ откосы, обмораживались, изъ-за всякаго пустяка стрѣляли одинъ въ другого, убивали офицеровъ, молодыхъ юнкеровъ, старыхъ начальниковъ станцій, путевыхъ сторожей, телеграфистовъ, растерзали за одно какое-то слово молоденькую сестру милосердія, грабили дома и лавки и неслись, неслись все впередъ и впередъ... И Васютка, заразившись этимъ изступленіемъ, ничего, какъ и всѣ, невидящій сумасшедшими глазами, вымотанный до дна души, такъ-же летѣлъ къ дому, безъ кокарды, безъ погонъ, лохматый, дикій, точно боясь опоздать на что-то очень важное. И, когда, какимъ-то чудомъ попалъ онъ, наконецъ, въ свою деревню, онъ немного отдышался, немного пришелъ въ себя, но — ненадолго и снова сталъ въ изступленныхъ мужицко - солдатскихъ толпахъ носиться изъ усадьбы въ усадьбу, изъ города къ попамъ на погостъ, а оттуда на фабрику, и вездѣ они ломали, грабили, жгли, убивали — жизнь сорвалась съ какихъ-то вѣковыхъ петель, и со страшнымъ грохотомъ все полетѣло куда-то въ дикой мѣшанинѣ... Васютка рѣшительно ничего не понималъ, но ему было неспокойно, нехорошо, жутко: жутко и то, что дѣлается, жутко и то, что онъ отъ всѣхъ явно отстаетъ: а вдругъ, всамдѣлѣ, это-то и есть теперь настоящее? А вдругъ онъ что-то проглядѣлъ, чего-то не понялъ? А вдругъ, всамдѣлѣ, съ него потомъ спросятъ? Вѣдь не съ проста же все это дѣлается, не зря же...

— Да, за имъ, значить поглядывай... — тянулъ Матвѣй.

— Это теперь самый опасный народъ... — поддакивалъ Михайла.

И, ковыряя сухой былинкой въ лабиринтахъ травы, Васютка вдругъ лѣниво сказалъ:

— А вотъ возьму да и убью попа...

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, не разъ слышалъ, что попы обманщики и что съ ними надо расправиться.

Дружный хохотъ — новый, неискренній, наигранный, — пестро взорвался надъ зеленой лужайкой.

— Буде, дура, молоть-то!.. — презрительно бросилъ Никита. — То-же, убью...

— А вотъ и убью!.. — упрямо повторилъ Васютка.

И вдругъ изъ зеленой чащи, гдѣ стояла въ жимолости и шиповникѣ старая блѣдно-розовая бесѣдка, вывалилась тяжелая фигура Ваньки Зноева, скуластаго матроса съ браунингами. Рѣшительно никто его не уважалъ, никто не любилъ, а наоборотъ всѣ презирали этого тупого горластаго дармоѣда, нечистаго и на руку, и на языкъ, но всѣ теперь его боялись, чувствуя за нимъ какую-то огромную силу, и который швырялъ теперь ихъ по жизни, какъ щепки, безвольныхъ, ополоумѣвшихъ, запуганныхъ.

— Это что-же, товарищи? — крикнулъ еще издали съ неудовольствіемъ Ванька. — Не на гулянки вѣдь пришли... Чего прохлаждаться-то?

— А какія-такія дѣла тутъ? — лѣниво отозвался Васютка, все ковыряя сухой былинкой въ муравьиныхъ ходахъ и забавляясь тревогой маленькихъ работниковъ, не понимавшихъ, что это будоражить ихъ жизнь. — Затѣяли пустяковину-то...

— Что? — сразу налился тотъ какою-то злою силой. — Ежели совѣтъ постановилъ вырубить, то какое твое дѣло рассуждать? Это знаешь, какъ называется?.. Народъ смучать?! — все болѣе и болѣе разгорался онъ. — Мы для васъ, можетъ, сколько крови пролили, а вы... Вставай, иди...

Слова вылетали изъ его точно луженой глотки огромныя, угловатыя, полныя дикой, слѣпой силы. И

даже стрѣляному волку, Никитѣ, стало не по себѣ, а про крестьянъ и говорить ужъ нечего. Они отлично знали, что все дѣло заварилъ дуракъ Гришка Голый, а ентотъ вотъ оретъ про какой-то совѣтъ, — чертъ ихъ въ душу разбереть, проклятыхъ! Какъ бы, въ самдѣлѣ, чего не вышло... И они поднялись и, взявшись за топоры, пошли къ огромнымъ липамъ, стройнымъ кругомъ обступившимъ блѣдно-розовую бесѣдку съ козликами, амурами и лентами. А Васютка, сотни разъ видѣвшій смерть въ окопахъ, и совсѣмъ оробѣлъ: жуликъ, конечно, а вонъ какую силу забрали... Можетъ, это и есть теперь настоящее?.

— Чего же орать-то? — ворчалъ Матвѣй, — Вѣдь идемъ... Что, ай и покурить ужъ стало нельзя?..

Онъ ненавидѣлъ этого „кулиганта“, какъ говорилъ онъ, и втайнѣ завидовалъ ему, увѣряя, что тотъ много офицеровъ въ Кронштатѣ и Выборгѣ порѣзалъ и что у него теперь золота всякаго, каменье, денегъ, можетъ, на цѣлый миліонъ будетъ... Но и онъ повиновался...

— А Васютка вотъ попа убить похваляется... — усмѣхнулся, поддѣлываясь, Михайла. — Застрѣлю, говорить...

— Ну, гдѣ ему, сопляку! — презрительно бросилъ матросъ. — Вотъ слова разныя выражать, это ихъ дѣло. А потомъ, глядишь, отвѣчать за нихъ придется...

— Ну, Господи, благослови... — насмѣшливо проговорилъ Никита, берясь за топоръ, и рубнулъ по темному стволу. — Берись, ребята...

— Несподручно безъ пилы-то... — замѣтилъ Матвѣй.

И бѣлыя щепки заблестѣли на темной землѣ.

Васютка былъ сумраченъ и озабоченъ: вонъ стержецъ, что говорить! Неужели онъ, въ самдѣлѣ, проморгалъ что? Диковина!.. Хошь-не-хошь, а тянись...

Ванька зычно кричалъ уже на мужиковъ гдѣ-то неподалеку, въ звонкой стрѣльчатой аллеѣ, какъ-то особенно увѣренно завязывая свои мерзкія ругательства, а надъ солнечной зеленой поляной, надъ упавшей красивой сосной, гдѣ валялось выпавшее гнѣздо съ птенцами,

безпокойно кружилась парочка нарядныхъ дроздовъ-рябинниковъ и хрипло переговаривалась о чемъ-то непонятномъ, но страшномъ. На высокой липѣ все стоялъ аистъ и все недовольно осматривался: и улетѣть за кормомъ подругѣ нельзя, и оставаться какъ будто опасно, да къ тому же не сегодня-завтра выдупятся и дѣти.. И онъ сдѣлалъ тревожный кругъ надъ усадьбой, и снова сѣлъ, и слушалъ тревожный гулъ парка, и смотрѣлъ, какъ легкій вѣтерокъ гналъ и кружилъ внизу старыя, пожелтѣвшія бумажки, листочки, вырванные изъ сочиненій Вольтера, Дидро, Шекспира, Гетэ, Шиллера, Толстого, Винэ, Руссо, Гельвеція, Байрона...

III

О. Александръ Альбенскій былъ изъ страшно бѣдной семьи одного захудалаго дьячка изъ Заволжья. Съ невѣроятными усиліями и лишеніями пробился онъ дебрями семинаріи, и женившись на дочери стараго, веселаго о. Евстигнѣя — любившіе его окрестные помѣщики-охотники звали его о. Настигаемъ, — на этой маленькой, худенькой, сѣренькой, но доброй и очень не глупой, Евгеніи Евстигнѣевнѣ, заступилъ мѣсто ушедшаго за штатъ вдоваго тестя, красненькаго, слезливаго старичка въ вѣчной тоскѣ по косушкѣ, за что и звали его мужики Косушкинымъ. Потомъ о. Настигаи Косушкинъ въ свое время померъ, а у о. Александра наплодилось много дѣтей и въ скромномъ домикѣ его свила себѣ прочное гнѣздо привычная ему нужда. Помѣщики всѣ пораззорились и поразбѣжались, а мужики не долюбивали замкнутаго, сѣренькаго попа, который не бражничалъ съ ними, не водилъ пріятельской компаніи, а жилъ душой какъ-то въ сторонкѣ, на отшибѣ, и потому доходы съ его небольшого и небогатаго прихода были очень скудны. Предъ Господомъ о. Александръ старался держать себя почище, но большихъ трудовъ это ему не стоило, — не было у него какъ-то вкуса къ грѣху. Ссориться съ людьми онъ не любилъ, легко уступалъ имъ во всемъ,

а если иногда и заѣдетъ къ нему по пути становой или земскій докторъ, ну, выпьетъ съ ними безъ всякаго удовольствія, для компаніи только, нѣсколько рюмокъ, а на утро голова болитъ, во рту скверно — какая въ этомъ радость? Такъ озорство одно... И стыдился онъ немножко, что больно часто у попадьи дѣти рожаются — и довольно-бы, анъ нѣтъ, глядишь, и еще новый является...

Но года шли. Сѣренькій, незамѣтный, нелюбимый паствой попикъ о. Александръ замѣтно въ трудахъ — онъ своими руками обрабатывалъ небольшой участокъ церковной земли, — и въ заботахъ о своей огромной, голодной, разутой и раздѣтой семьѣ старѣлъ. И, когда въ концѣ страшной войны нахмурилась деревня и глухо зашумѣла, о. Александръ заробѣлъ и еще болѣе затаился. И разъ, во время великаго выхода, когда онъ торжественно-просто началъ привычное возглашеніе: „Великаго, Самодержавнѣйшаго Государя нашего, Императора Николая Александровича всея Россіи..“, изъ толпы прихожанъ вдругъ поднялся злой голосъ чахоточнаго Никиты, который давно уже грозился нашкодачить:

— А поди ты съ твоими самодержавнѣйшими ко всѣмъ чертямъ, батька! Довольно!

И — спрятался за спины смутившихся мужиковъ...

О. Александръ тоже очень смутился, съ трудомъ окончилъ литургію и, придя домой, долго ходилъ по поющимъ половицамъ своей небольшой столовой и, наконецъ, остановился у стола, за которымъ у самовара сидѣла тоже затуманившаяся Евгенія Евстигнѣевна, и тихо сказалъ:

— А вѣдь дѣла-то, мать, плохи, а?

— Богъ милостивъ... — печально и серьезно отозвалась постарѣвшая и ставшая очень набожной матушка.

— Такъ-то оно такъ, а не ладно...

И, томимый тяжелымъ предчувствіемъ, онъ еще болѣе замкнулся и ушелъ отъ людей. Онъ совсѣмъ отдалился отъ своей попадьи, строго и истово повелъ

чинъ церковный, твердо постился и сталъ много и вдумчиво читать священныя книги, — смятенная душа искала тихаго пристанища... И мысль: «что съ ними въ случаѣ чего будетъ?» часто не давала ему спать цѣлыя ночи. А тутъ еще Сережка, сынъ, неглупый, но разбитной мальчишка, сталъ публично говорить эти новыя, дурацкія рѣчи о чемъ неподобало...

И вотъ лавина сорвалась и закружилась великая страна дикими хороводами безумья и крови. Конечно, Ванька Зноевъ первымъ дѣломъ арестовалъ о. Александра и мужики, галдя, таскали его неизвѣстно зачѣмъ и въ волость, и въ какой-то комитетъ, но тамъ великодушно отпустили его, потребовавъ только, чтобы онъ немедленно перешелъ на сторону народа; о. Александръ и радъ бы былъ перейти, но онъ не зналъ, какъ это надо дѣлать. Потомъ въ вихряхъ ненависти и мести пришли большевики и снова о. Александра таскали и въ волость, и въ комитетъ, и въ какую-то чрезвычайку, но молитвы попадьи, должно, помогали; хоть и съ трудомъ, но отовсюду его отпускали и онъ снова возвращался къ своей блѣдной, исплаканной матушкѣ и ко всей этой оравѣ оборванныхъ и голодныхъ ребятъ, которые всѣ собрались теперь дома, ибо всѣ духовныя училища были признаны биржуазной глупостью и закрыты. Только Сережки дома не было — дуралей все по митингамъ этимъ разрывался и пьянствовалъ, а откуда бралъ деньги, неизвѣстно... Нужда въ домѣ была нестерпимая; питались не только уже отрубями, но часто даже очистками картофеля; молока не было, потому что Ванька Зноевъ корову реквизирировалъ въ пользу какихъ-то пролетарскихъ дѣтей. Но все это переносилъ о. Александръ покорно и твердо, тѣмъ болѣе, что Господь посылалъ ему, видимо, большую радость: по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе захлебывалась въ безправіи и крови когда-то великая, православная Русь, молящихся въ церкви все прибывало и прибывало. И не вѣрилось о. Александру, и не вѣрить было нельзя, фактъ былъ на лицо: какъ-то сторонкой, украдкой, точно стыдясь, пробирались въ храмъ теперь даже тѣ, которые раньше считали точно ниже себя отстоять

объдню... Интеллигенція появилась, смущенная, новая точно какая-то, не задорная уже, какъ прежде, а при- тихшая, мягкая, — докторъ пришелъ, акушерка, при- казчикъ изъ коопераціи... Солдаты молиться начали... Крѣпко, крѣпко задумался народъ!... И съ задняго крыльца, когда попозднѣе, стали навѣдываться гости къ о! Александру: кто картошки принесетъ полмѣрки, кто творожку, кто яичекъ, а кто и мучки или крупы на кашу. И стоятъ, и жалуются, и вздыхаютъ, и пла- чутъ... И еще усерднѣе и горячѣе молился теперь предъ народомъ о. Александръ, еще торжественнѣе и проникновеннѣе возносилъ онъ къ престолу Всевышняго моленіе свое о «великой, Богохранимой Державѣ Рос- сійской», и чуялъ радостно смущенной душой, что смиловался Господь надъ землей Русской, что спасеніе тайно идетъ уже, но никакъ не могъ повѣрить себѣ, думалъ, что ошибается...

Въ старомъ, сонномъ Окшинскѣ, въ губерніи, из- давна почивали подъ древними сводами Княжого мона- стыря честныя мощи святого мученика Авраамія. И вотъ совѣтская власть, много печатавшая въ своихъ листкахъ, что никакихъ мощей не бываетъ, что все это одинъ обманъ поповскій, вдругъ назначила всенародное вскрытіе раки мученика, дабы предъ лицомъ всѣхъ обличить вѣковѣчный обманъ. Несмѣтныя толпы народа собрались къ древнему монастырю, и примостились фотографы со своими ящиками гдѣ повыше, и злодѣи съ красными звѣздами, не снимая даже картузовъ, открыли раку и дерзко стали срывать одинъ за другимъ священные покровы. И вотъ, наконецъ, увидѣлъ народъ: желтыя кости лежатъ, волосъ нѣсколько да остатки истлѣвшей одежды... Совѣтчики торжествовали, но засіялъ огромной радостью и народъ, — точно вѣтеръ весенній пробѣжалъ по толпѣ, и ударили монашенки во всѣ колокола, и разомъ поднялся небывалый крест- ный ходъ и съ тысячеголосымъ, восторженнымъ «Христось воскресе!», блестя золотомъ хоругвей и ста- ринныхъ иконъ, потянулся вокругъ бѣлыхъ, зубчатыхъ стѣнъ монастырскихъ, не разъ видѣвшихъ въ былыя времена злые наскоки полчищъ татарскихъ... А къ

ночи прибѣжалъ въ деревню, домой, старенькій Аонасій, отецъ носильщика Матвѣя, и тотчасъ же потрусилъ порадовать о. Александра великою свѣтлою вѣстью...

— Слава Богу, батюшка, слава Богу... — говорилъ старикъ, сіяя. — Самъ своими старыми глазами удостоился видѣть великое чудо Господне, самъ... Подняли крышку, анаемы, пелены шелковыя снимали, глядь, а тамъ кости однѣ гнилыя да одежда истлѣвшая!

— Ну? — нахмурился немного о. Александръ.

— Помиловалъ Господь, спасъ... — продолжалъ старикъ умиленно. — Не далъ, Батюшка, мордамъ табашнымъ надъ святыней надругаться: ушли честныя мощи на глазахъ у всѣхъ въ землю на двѣсти верстъ, а подъ поганое рыло ихъ подсунулъ Господь — кости гнилыя! И радости было въ народѣ — Господи Ты, Боже мой!...

— Неисповѣдимы пути Твои, Господи!... — задумчиво и тихо сказалъ о. Александръ и перекрестился.

И зашумѣлъ о чудѣ Господнемъ лѣсной край мужицкій и, когда ударили сегодня къ обѣднѣ, въ церкви яблоку упасть было негдѣ и старики потребовали, а о. Александръ не могъ отказать, чтобы былъ отслуженъ молебенъ святому мученику Авраамію. И съ какимъ чувствомъ, съ какимъ проникновеніемъ возгласилъ нынѣ о. Александръ святыя, торжественныя слова:

— О великой, Богохранимой Державѣ Россійской и о спасеніи ея Господу помолимся!

И въ заключеніе богослуженія благословилъ онъ святымъ крестомъ свою старую и въ то же время какую-то совсѣмъ новую паству и истово, не торопясь, далъ всѣмъ приложиться къ кресту Господню. А, выйдя изъ храма, встрѣтилъ онъ Прокофія, отца Васютки, бывшаго церковнаго старосту, невысокаго, чистаго, уютнаго мужичка съ рыжей окладистой бородой, и легонько пожурилъ его, что ни за что, ни про что срубили они паркъ господскій, погубили зря такую красоту.

— Да что, батюшка, съ подлецами сдѣлаешь? — развелъ тотъ растерянно руками. — Плачешь, а по ихъ дѣлаешь... А то и застрѣлять, стервецы, и деревню спалать, имъ что, каторжному отродью?...

И о. Александръ благословилъ старика на терпѣніе и только было завернулъ за ограду, къ житницамъ, какъ вдругъ видитъ, стоитъ Васютка, его ученикъ бывшій, — хорошій такой былъ мальчонка, ласковый... — и въ него изъ ружья мѣтится.

— Что ты, Васютка, озоруешь? — сказалъ благодушно о. Александръ. — Такъ вѣдь и до бѣды не дале...

Вдругъ ярко треснуло солнечное небо, все опрокинулось и исчезло и только въ груди-ли или еще гдѣ тонко-тонко зазвонилъ маленькій серебряный колокольчикъ, и долго, долго такъ... И потихоньку замеръ...

Со всѣхъ сторонъ народъ сбѣжался къ холодѣющему тѣлу о. Александра, надъ которымъ уже билась въ душевной истомѣ худенькая, сѣренькая, обносившаяся Евгенія Евстигнѣвна. А поодаль стоялъ съ винтовкой въ рукахъ и съ трясущейся челюстью Васютка и по кривой улыбкѣ его, и по всему лицу видно было, что парень точно изъ глубокаго сна просыпается. И постоялъ онъ, и щелкнулъ затворомъ, вводя для чего-то новый патронъ въ стволъ, и, повѣсивъ голову, пошелъ куда-то. На скопленіе народа уже озабоченно летѣлъ грузный, налитый чѣмъ-то Ванька со своими дьявольскими скулами.

— Что такое?! — кричалъ онъ уже издали. — Въ чемъ дѣло?... Разойдись!... Расходись, говорятъ... Что такое?...

А къ вечеру, въ тиши серебристыхъ весеннихъ сумерекъ, когда блеялъ за рѣкой дикій барашекъ и вальдшнепы вели надъ безбрежными лѣсами свои любовныя карусели, бабы сбились по заваленкамъ и слышны были ихъ осторожно пониженные, злые голоса:

— Нѣтъ, бабоньки, повѣсить ихъ мало — а вотъ карасиномъ-бы облить да зажечь али, къ примѣру,

живымъ въ землю закопать, али пилой деревянной пополамъ перепилить, это вотъ такъ! А повѣсить что? Это имъ, подлецамъ, ни во что...

И, когда, гремя гармошками, проходила мимо молодежь, бабы опасливо замолкали, или быстро мѣняли разговоръ:

— А слышали, въ Хоробровѣ-то, подь городомъ, одна дѣвка робенка съ рожками родила и со змѣинымъ жаломъ? Охъ, бѣдѣ быть, большой бѣдѣ!

И вздыхала древняя, сѣрая вся бабка съ помутившимися глазами:

— Еще мало намъ, безбожникамъ, мало!.. Святитель Христовъ Микола, Авраамій мученикъ, Матушка, Заступница, молитесь Бога о насъ...

А въ тихой разбитой усадьбѣ, среди погубленныхъ великановъ, въ шоколадномъ домикѣ у притолоки, тяжело опустивъ бѣлую голову, стоялъ Гаврилычъ, бывшій камердинеръ стараго Тарабукина, а нынѣ комиссаръ его усадьбы, а у окна, чуть осеребренная сумерками, больно, надрывно рыдала веселая хохотунья Маруся, недавно восторженно прилетѣвшая изъ сибирской ссылки, но уже опалившая свои крылышки на страшномъ огнѣ, пожиравшемъ Россію... И вечерній вѣтерокъ бродилъ по опустѣвшимъ комнатамъ, гдѣ страшно чернѣло на затоптанномъ полу кровавое пятно, и печально шелестѣли пожелтѣвшіе листки растерзанныхъ старинныхъ книгъ...

IV.

Прокофья, какъ громомъ, пришибъ выстрѣлъ сына. Онъ долго ругалъ его и сукинымъ сыномъ, и стервецомъ, и кулигантомъ, и все мучительно добивался понять, для чего это Васька сдѣлалъ, на что это нужно, что это съ парнемъ случилось, но не могъ Васютка объяснить этого потому, что и самъ не понималъ теперь, какъ это вышло, потому что тотъ процессъ его темной, первобытной мысли, что все это, можетъ быть,

настоящее, что онъ куда-то опаздываетъ, отъ кого-то въ чемъ-то важномъ отстаеъ, теперь, когда онъ точно проснулся, и самому ему былъ совершенно непонятенъ, чуждъ, дикъ. И онъ только, чтобы отвязаться, сказалъ, что былъ онъ пьянъ и ничего толкомъ не помнить. И Прокофій ухватился за это объясненіе — сынъ, вѣдь, жалко, а о. Александра, царство ему небесное, все равно не воскресишь... И онъ подольстился къ Ванькѣ Зноеву, отвезъ ему будто займы два мѣшка муки и тотъ озабоченно и сурово слеталъ на его лошади въ городъ и все дѣло обладилъ: Васютку допросили для виду и оставили въ покоѣ. У осиротѣвшей же семьи о. Александра дѣла тоже поправлялись: Сережка, старшій, семинаристъ 5 класса, былъ назначенъ комиссаромъ народнаго просвѣщенія по уѣзду и поддерживалъ семью не только деньгами, но и продуктами, ѣздилъ не иначе, какъ на парѣ съ колокольчикомъ, какъ, бывало, земскій, шапку на-бекрень, красный бантъ на кожаной курткѣ, и не долюбивалъ, когда мужики ему не кланялись или кланялись недостаточно почтительно: онъ видѣлъ въ этомъ неуваженіе къ народной власти, контръ-революцію и саботажъ. Мужики же звали его заглазно Сергунькой и стервецомъ и, когда онъ велѣлъ ребятишкамъ закону Божию въ школѣ больше не учиться и молитвъ не читать, если не хотятъ, и въ церковь не ходить, грозились ему отшибить пустую башку на-прочь...

И для того, чтобы остепенить парня, Прокофій рѣшилъ прибѣгнуть къ давно испытанному и вѣрному по мужицкой догадкѣ средству: женить его. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что старуха у Прокофья стала прихварывать и работницу въ домъ было нужно. Невѣста на примѣтѣ была ладная, Аненка, дочь Митрея Кораблева, состоятельнаго мужика изъ сосѣдняго Чернышева. Братъ ея, Мишутка, тоже, какъ и Ванька Зноевъ, былъ матросомъ балтійскаго флота и много всякаго добра домой привезъ, но теперь держался очень степенно, всю зиму по праздникамъ надѣвалъ шубу изъ чернубурой лисы съ камчатскимъ воротникомъ, на всѣ пальцы перстни золотые надѣвалъ съ камнями

и любилъ солидно потолковать съ мужиками, что вотъ, дескать, матросы ошиблись маленько, что безъ буржуазіата народу жить нельзя, что буржуазь чловѣкъ мужику нужный. Старикъ его, Митрей, отъ народа не отставалъ, но и впередъ не лѣзъ, и при разграбленіи тѣхъ же „Пантюковъ“ увезъ къ себѣ кресло кожаное, зеркало съ амурами изъ комнаты Пушкина, двѣ лопаты и вѣялку старую, но всѣ замѣтили, что все это добро онъ аккуратно сложилъ въ амбарѣ и въ ходъ не пускалъ, а такъ какъ за нимъ издавна установилась прочная репутація хорошаго хозяина и тонкаго политика, то и всѣ стали маленько опасаться... Ванька Зноевъ и рвалъ, и металъ противъ соціалъ-предателя Мишутки, но, учитывая переломъ въ настроеніяхъ мужиковъ, которые, разграбивъ барскія усадьбы и вкусивъ отъ коммунизма, стали опредѣленно задумываться, не очень напиралъ: чортъ ихъ въ душу знаетъ, какъ еще эти сиволапые все дѣло обернуть? Да своя рубашка къ тѣлу и ближе...

Сватовство было короткое и скоро ударили по рукамъ. Мишутка пошутилъ-было, что надо бы сговоренныхъ вѣнчать по-совѣтскому, безъ попа, но Прокофій даже и шутокъ такихъ не хотѣлъ.

— Ну, мы не псы и не жида нехрещенные, милай... — хмуро сказалъ онъ. — Лучше ужъ по старому, по хорошему, — эдакъ-то, пожалуй, оно вѣрнѣе будетъ...

И, покончивъ съ дѣломъ, новые сваты стали за чаемъ, понизивъ голоса, медлительно и осторожно, снова и снова говорить о тяжелыхъ временахъ... Васютка же сидѣлъ со своей невѣстой, кругленькой, бойкой, черноглазой Аненкой подъ окошкомъ, прислушивался къ разговору стариковъ и внизу живота у него какъ-то тяжело сосало, какъ сосало, бывало, въ то время, какъ ротный зашумитъ на него за какую-нибудь провинность.

— А слышалъ, сватушка? — низко, осторожно, заговорщически говорилъ старый Митрей, высокій, худой старикъ съ всегда больными глазами и сѣдень-

кой, козлиной бородкой. — Баять, государя-то анпиратора опять увезли, а куды — пишутъ — неизвѣстно...

И послѣ нѣкотораго молчанія Прокофій, сердито посапывая, отвѣчалъ осторожно:

— Все врутъ, стервецы! „Неизвѣстно куды...“ — все знаютъ, только отъ нашего брата, мужика, скрываютъ...

И замолчали... И опять еще тише продолжалъ Митрей:

— А слышалъ, болтаютъ, будто, ужъ объявился за Волгой, — ходитъ, будто, по народу, глядитъ. Одинъ старикъ на базарѣ въ городѣ рассказывалъ: пришолъ, говоритъ, и къ намъ — такъ въ лапотгахъ, за плечами сумка, какъ есть странникъ... — поглядѣлъ на житье наше горькое, поплакалъ да и пошелъ...

— Прямо поплакалъ?!.. — удивился Прокофій и слышно было, что въ горлѣ у него что-то умиленно, тепло дрогнуло.

— Поплакалъ, поплакалъ... — убѣжденно повторилъ Митрей. — Да какъ же, братецъ ты мой, не плакать, а? Погляди-кась, что съ Расеей-то издѣлали, а? Кто всѣмъ верховодитъ? Одни жида-рястанты! Развѣ это мысленное дѣло, а? Да... — продолжалъ онъ послѣ небольшого молчанья. — А какъ вышелъ онъ за околицу, одинъ старичокъ посмѣлѣе догналъ, быдто, его да и спрашиваетъ: ваше дескать, анпираторское величество, не изволь, дескать, гнѣваться, а мы тебя узнали. Такъ ужъ не таись, дескать, откройся: долго ли намъ еще эту муку терпѣть? А тотъ посмотрѣлъ на него эдакъ сумно да и говоритъ: потерпѣть еще надо, други, потому не исполнилось время... Да. Промежду прочаго и про Гришку про этого, про Распутинова, старикъ освѣдомился — не вѣрь, говоритъ, старичокъ, никакого Гришки и званья около меня не было, а были только, что по положенью, графы да князья да сенаторы! Я, гритъ, и генераловъ-то къ себѣ не всѣхъ допускалъ, а съ разборомъ, а ты толкуешь: Гришка... Не было Гришки никакого, а придумали все это жида,

чтобы меня сперва погубить, а потомъ и всю Расею подъ себя забрать...

— Прямо не было?!.. — повторилъ умиленно Прокофій. — Ну, скажи же, пожалуйста, до чего хитры эти стервецы, а?!

Тутъ кто-то хлопнулъ дверью и разговоръ сразу оборвался. Васютка совсѣмъ оробѣлъ: вотъ оно, настоящее-то! И еще ярче поднялось въ немъ мучительное чувство вины и сознание, что отвѣчать придется.

— И вотъ попомни мое слово, сватушка... — сказалъ въ избѣ тихо Митрей. — Вотъ еще какъ нашему брату ж... драть будутъ!..

— И стойтъ, Митрей Гарасимычъ! И стойтъ!.. — горячо согласился Прокофій. — Потому не балуй, чертище... „Слабода!“ Да нѣшто можно нашимъ обломамъ слаботу давать? Онъ тебѣ все вверхъ тормашками поставитъ, онъ самъ себя загубитъ... „Слабода“!.. — зло и насмѣшливо повторилъ онъ.

— Что ты какой кислай? — сказала Аненка. — Пойдемъ, пройдемся, что ли...

Они пошли „въ проходку“, но Васютка не развеселился и, когда отошли они подальше, за житницы, гдѣ надъ полями трепетали и журчали въ солнечной вышинѣ жаворонки, Аненка съ досады принялась плакать: не хочешь, такъ и не нуждаются... Ишь, словно сычъ какой нахмурился, ходитъ..! Но Васютка обѣщался подарить ей цѣлую коробку душистаго мыла — съ фронта еще привезъ... — и Аненка скоро утѣшилась и стала къ нему ластиться и прижиматься...

Они скоро вернулись къ дому. Тамъ шелъ великій галдежъ: пришла со слободки голота эта самая, бѣдный комитетъ.

— Да, батюшка, Митрей Гарасимычъ, да нешто мы тебя смѣняемъ съ этой сволочью-то? ну?.. — оралъ своимъ надрывнымъ, сиплымъ голосомъ Гришакъ Голый, маленькій, испитой мужиченка съ печальнымъ лицомъ старой клячи. — Вѣдь ты намъ свой, а тѣ что? Трынъ трава!.. Сегодня шебаршатъ а завтра и нѣтъ ихъ...

— Да ужъ ладно, ладно... — солидно похохатывалъ польщенный Митрей. — Сказалъ ладно и крышка. Составили гумагу-то?

— А какъ же, какъ же... Все издѣлали, какъ ты велѣлъ... — надрывался Гришакъ, точно онъ о большомъ пожарѣ рассказывалъ. — Вотъ это, какъ ты приказалъ, списокъ мы составили, кому сколько муки нужно: вотъ Григорію Голому, мнѣ, то-есть, пудика бы четыре, Дарьѣ бобылкѣ, вотъ ей, — ткнулъ онъ въ кучу лохмотьевъ, которая, что-то скрипя, усердно кланялась, — пудовъ семь просить, Антону Кривому, ему вотъ, — опять пояснилъ онъ, кивнувъ на здоровеннаго рыжаго мужика съ единственнымъ, злобно-хитрымъ глазомъ, — девять пудовъ, и ему вотъ, Степану Ворожейкину, — указалъ онъ на послѣдняго представителя бѣдноты, полубарышника, полуконокрада, развертισταго мужиченку съ наглымъ безстыжимъ лицомъ, — пять пудовъ. Только всѣхъ и дѣловъ...

— Ладно... — сказалъ Митрей, принимая клочекъ трухлявой бумаженки. — А та, другая?

— И другая тутъ, вотъ она... — отвѣчалъ Гришакъ. — Сергунька стервецъ, составлялъ — ловко все обозначилъ... что вотъ, дескать, у гражданина деревни Чернышева, Митрея Гарасимовича Кораблева не хватаетъ муки для собственнаго прокормленія и для скотины итого всего двадцать восемь пудовъ... А вотъ печать нашего бѣднаго комитета...

— Ладно. Такъ будетъ гоже... — сказалъ Митрей. — Завтра по утру соберитесь къ моей житницѣ, всѣмъ и отпущу, кому какъ записано...

Голота начала кланяться и благодарить. И Гришакъ опять заголосилъ на всю избу:

— Батюшка, Митрей Григорьичъ, а мы хотимъ тебя уважить, потому такъ ты насъ удоблетворилъ такъ удоблетворилъ, что и словъ нѣту. Будь у насъ предзасѣдателемъ бѣднаго комитета... — въ поясъ поклонился онъ.

Митрей сдѣлалъ видъ, что удивился и сконфу-

зился, хотя всю эту механику подстроилъ по его наученію его же Мишутка, сынъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, ребята, спасибо за уваженіе, только мнѣ никакъ невступно... — отвѣчалъ онъ. — У меня у самого дѣловъ полонъ ротъ. Вотъ развѣ сына, Мишутку возьмете. Онъ къ тому же хорошо грамотень...

— Такъ что? И больно гоже... — заговорила бѣднота. — Просимъ Михайлу Митрича...

— Спасибо, земляки. Такъ ужъ и быть, послужу, дѣлать нечего... Ладно, ужъ постараемся... — небрежно кланяясь, говорилъ Мишутка, высокій, въ отца парень съ красивымъ, но прыщеватымъ лицомъ и завинченными усиками. — Ладно...

Митрей поднесъ бѣдному комитету по стаканчику самогона — Мишутка ловко приспособился варить его въ банѣ и мужики наразрывъ расхватывали все и хорошія деньги платили, особенно который съ нюхательнымъ табакомъ... И голота, безтолково и благодарно галдя и толкаясь въ дверяхъ, довольная, вышла изъ избы.

— А словно ты, сватушка, не дѣло затѣялъ, а? — играя пальцами по столу, степенно проговорилъ Прокофій. — За такія дѣла потомъ вѣдь и напрѣтъ можетъ...

— Э-э, полно, родимый! — махнулъ рукой Митрей. — Нынче кто смѣлъ, тотъ и съѣлъ...

— Такъ-то оно такъ, а все опаску имѣть не мѣшаетъ... Охота со всякимъ дерьмомъ возжаться...

— Какая тамъ охота... Не охота, а неволя... — отвѣчалъ Митрей. — Нужно себя отъ совѣтскихъ огагарантировать, потому никакого покою стервецы не даютъ, такъ и рвутъ, какъ волки голодные... А расчетъ у меня простой: ну, выдамъ я голотѣ этой самой даромъ пятнадцать - двадцать пудовъ муки; положимъ за это шесть тыщъ, ну пушай, даже и всѣ десять монетовъ, такъ?

— Ну?

— А они мнѣ гумагу вотъ выдали, что больше хлѣба у меня нѣту, — такъ?

— Ну?

— А я эти самые остатки — ихъ у меня пудовъ съ сотенку, Господь дастъ, набѣжить... — уже спокойнымъ манеромъ въ городъ биржуазамъ этимъ самымъ отвезу. Христомъ Богомъ молятъ: что хошь возьми, только привези! И возьму съ нихъ по четыре сотенки, скажемъ. Это что выйдетъ-то, Миша?

— Ну, что выйдетъ? Сорокъ тыщъ выйдетъ... — нехотя отозвался Мишутка, недовольный, что отецъ все выбалтываетъ, хотя бы и свату.

— Какъ видишь, сватъ, дѣльце кругленькое... А ежели еще выждать маленько, такъ цѣна еще подымится, потому голодъ въ городѣ — ужаси подобно! Покойниковъ зарывать не успѣваютъ. А въ особенности ребятишки эти, — такъ сотнями и валятся, что мухи осенью... А мужику теперь барышъ...

— Это-то такъ, пожалуй... — сказалъ Прокофій, завидуя, что онъ просмотрѣлъ такую выгодную комбинацію. — А къ чему въ предзасѣдатели-то?

— А потому, что это первая страховка теперь, милый человѣкъ... — отвѣчалъ Митрей. — Вотъ такъ же своякъ мой, Иванъ Ивановичъ, отъ Егорья, отгарантировалъ себя, и что же? У кого лошади реквизируютъ, а онъ спокоенъ, у кого по анбарамъ лазятъ, муку ищутъ, а онъ себѣ и въ усъ не дуетъ, у кого солдаты коровъ за рога со двора тащутъ, а ему хоть бы что, потому предзасѣдатель бѣднаго комитета!.. А вѣдь первый богачъ на всю волость...

— А какъ же совѣтскіе-то въ городѣ? Небось, узнаютъ, тоже, не гоже будетъ...

— Ну, братъ! И они тоже не пальцемъ дѣланы... Дѣлиться надо, дѣло извѣстное. А что касасяемо предбудущаго, то кто же, братъ, повѣритъ, что мы съ тобой коммунисты эти самые? Всякій разберетъ, что по нуждѣ лѣзли. Можетъ, еще похвалятъ да медаль золо-

тую на шею повѣсятъ, что ловко сволочей этихъ за носъ водили. . .

Васютка слышалъ все это. Старики, конечно, выкрутятся, а какъ вотъ ему съ попомъ быть? И на душѣ было нехорошо. . .

Черезъ нѣсколько дней и въ Устьѣ стала бѣднота поговаривать, что гоже бы Прокофія Васильича въ предзасѣдатели комитету выбрать: „отъ этихъ чертей жди муки-то: товарищи. . . товарищи. . .“, а хлѣба нѣту. А тутъ получи разомъ и готово дѣло. Коменданты, комитеты, комиссары, коперація — навывдумывали тожа, сволота! Вотъ погоди, дай срокъ, зададимъ мы вамъ перцу по талону да по купону да по карточкѣ!..“ А Прокофій раскидывалъ умомъ, какъ бы это подъ срубленный паркъ барскій подѣхать да подешевле его взять за себя: дрова-то въ городѣ стали и выговорить страшно!.. Но пока ничего не выходило. . . Онъ рѣшилъ переговорить съ Ванькой Зноевымъ и, ежели что, такъ взять его хоть въ долю, что ли. . .

V.*)

«Деревенскую обряду» справлять было трудно теперь — какое ужъ тамъ бражничанье, какіе смотрины, дѣвишники, поѣздки сватовъ, когда нѣтъ ни керосину, ни сахару, ни вина настоящаго, ни муки бѣлой? Горе одно... И сваты рѣшили все это оставить, но свадьбу за то справить ужъ какъ слѣдуетъ: у Прокофья Васютка былъ единственнымъ сыномъ, старшій былъ ужъ отдѣленъ, а Аненка — единственная дочь у Митрея. Денегъ сваты не жалѣли. Аненка купила себѣ новую накладную косу для вѣнца въ триста рублей, а за кровать отецъ отдалъ тысячу двѣсти рублей: вся точно серебряная, огнемъ горитъ, а матрацы эти любому фонбарону въ пору! Самогонки наготовили чуть не бочку,

*) Описанная въ этой главѣ свадьба — фактъ, имѣвшій мѣсто въ д. Инютинѣ Владим. уѣзда, въ началѣ войны. Дѣло было предметомъ разбирательства въ Подольскомъ волостномъ судѣ.

кабана да барана зарѣзали, куръ, утокъ, гдѣ-то раскопали чрезъ Ваньку Зноева и рому ямайскаго, и «парфеня», и какого-то, песь его знаетъ, допель-кюмель... Вотъ только рафинаду не нашли, но за то песку сахарнаго гостямъ въ чай сыпали чуть не уполовниками — пей не хочу! А былъ онъ плаченъ по сто рубликовъ за фунтъ...

Въ домѣ Прокофья, несмотря на раскрытыя настежь окна, жара стояла невыносимая. Гостей въ домъ набилось — руки не просунешь, а не то что... А подъ окнами, на луговинкѣ, народъ пьяный, а въ особенности бѣдность эта самая ура безперечь ораетъ, хозяевъ тѣшитъ. На почетномъ мѣстѣ, подъ иконами — потные, красные, стѣсненные, женихъ съ невѣстой; Васютка въ манишкѣ и при часахъ, а Аненка въ «ували» и цвѣтахъ бумажныхъ; она совсѣмъ разопрѣла, кофточка подъ-мышками нестерпимо рѣжетъ, а лицо ея деревянно и глаза круглы, какъ у дешевой куклы. Свахи съ красными бантиками на платкахъ изъ себя лѣзутъ, гостей подчуютъ. Среди гостей и старенькій кумъ Аѳанасій, что первый вѣсть о великомъ чудѣ Господнемъ у мощей мученика Авраамія покойному о. Александру принесъ, и комиссаръ Сережка, озорной, курносый паренъ съ золотистыми усиками, украсившій себя краснымъ бантомъ, и всегда точно динамитомъ заряженный Ванька Зноевъ, нацѣпившій на свою матросскую куртку для шику два офицерскихъ «Егоргія», и вся головка деревни — пиръ хошь куда!

Всѣ были уже крѣпко на-веселѣ, молодые устали уже цѣловаться прижатыми, точно деревянными губами подъ пьяные возгласы гостей «горько!» и не одна откровенная, грубая шутка заставляла молодыхъ краснѣть, а всю застолу грохотать утробнымъ, жирнымъ хохотомъ, отъ котораго дрожало пламя въ закоптѣвшей, воняющей «молніи» подъ потолкомъ. И, какъ водится, уже разъигрывались мужицкія соперничества, вспыхивали препирательства. И кто-то изъ толпы злобно привязывался къ чахоточному Никитѣ.

— «Буржуазы!» Тоже придумали, черти паршивые!

Выражаются... Скажи, пожалуйста, чѣмъ это такъ, вдругъ сталъ мужику буржуазъ этотъ самый вреденъ, а? Тѣмъ, что онъ мнѣ миткаль, скажемъ, по гривеннику аршинъ отпускалъ, тѣмъ, что онъ мнѣ чай по рупь восемьгривенъ давалъ, карасинъ по четыре копѣйки, сапоги лаковые за десять цѣлковыхъ парню отдавалъ, тѣмъ, что у его въ лавкѣ горами всего было навалено? А? Какой жа такой народу тутъ вредъ, а? Что теперя лутче издѣлали съ капераціей да съ комитетами этими самими, чтобы черти всѣхъ ихъ взяли, а?

И пьяный Никита, вращая своими страшными глазами чахоточнаго, глухо кричалъ:

— Какой вредъ? А то, что на этомъ дешевомъ чаю онъ миліены нажилъ. Или вотъ хошь Демина нашего возьми — восемь тыщъ человѣкъ у его на фабрикѣ собрано! Мы мучаемся, а онъ въ антаomobilѣ раскатываетъ! Нѣтъ, врешь, будя!

Мужиковъ точно взорвало.

— Миліены нажилъ? А кто тебѣ мѣшаетъ? И ты наживи!... — злобно летѣло со всѣхъ сторонъ. — И антаomobilъ этотъ самый заведи себѣ, коли онъ больно тебѣ нуженъ... Ишь ты, какъ глазъ на чужое-то разгорѣлся!... Товарищи тожа, въ бокъ вамъ вилы! Кто тебѣ мѣшаетъ: трудись, наживай и ты! А горло драть подурьи всякій могить... Нѣтъ, ты мнѣ скажи: кто тебѣ мѣшаетъ, ну?

— Погодите... погодите... — разводилъ Никита руками. — Дайте сказать... Погодите!

— Довольно годили! Довольно слушали! Теперь ты погоди... — вперевой кричали мужики съ злыми, красными лицами. — Въ антаomobilѣ... кофій пьютъ... Что, ай мы не знаемъ, что отецъ твоего Демина такой же мужикъ-вахлакъ, какъ и ты, былъ? Онъ самъ за три гривенника въ день на шасѣ камень молотомъ билъ. И не восемь часовъ работалъ, какъ вы, паршивые черти, дармоѣды, а со свѣтку до-темна. А потомъ, глядь, миліенъ, городской голова, вся грудь въ регаліяхъ царскихъ...

— Н-но... не выражаться!... — пьяно вмѣшался Ванька Зноевъ. — Это... старый режимъ!...

Но въ жару спора отъ него только рукой отмахнулись, какъ отъ назойливой мухи...

— Да... А сыну во-какую фабрику оставилъ... А сынъ, скажешь, не работаетъ? Врешь, братъ: ты еще глаза не протеръ, а онъ на своемъ антаomobilѣ-то ужъ на станцію дуетъ... Да... У его отца работало двѣ тыщи человѣкъ, а у его и всѣ восемь тыщъ кормятся... А и не работалъ бы, такъ не твое, а свое проживаетъ...

— Не свое, отцовское!

— Дурья голова: а отцовское-то чье? Что я на тебя, что-ли, спину-то гнуть буду? Накось, выкуси! Я на себя работаю, а потомъ ребятамъ все перейдетъ, своимъ, кровнымъ, — по крайности, все когда за упокой отца помянуть, а въ годинку, глядишь, велятъ попу и панафидку отслужить...

— Пстой, пстой!... — страстно перебивалъ другой. — «Народъ обижаютъ»... Какая же въ томъ обида, что моя дѣвчонка кажній мѣсяцъ мнѣ пятнадцать цалковыхъ приносила, а? Какъ, бывало, со своей работой управимся, такъ и ведешь ее въ контору: «Адамъ Иванычъ, сдѣлай милость, возьми мою Дуньку на работу...» И работала. А я въ лѣсъ, дрова имъ же возить...

— Да! Работала... — кричалъ Никита. — Работала... За полтину въ день!...

— Такъ что? И больно гоже! По крайности, свой, а не отцовскій хлѣбъ ѣла, отцу и легче... Двѣнадцать, пятнадцать цалковыхъ въ мѣсяцъ — вѣдь, это три пары сапоговъ!

— А теперь вы лутче издѣлали, лутче?... — надсѣдалась какая-то сивая борода. — Теперя ей ваши дураки комитетскіе четвертной въ день платютъ, а она разута, раздѣта ходитъ, потому сахаръ вонъ сто цалковыхъ, а сапоги и за тысячу не найдешь. А игдѣ

матерія? Карасинъ игдѣ? Игдѣ соль, спички? У-у, дьяволы неумытые!...

— «Биржуазы!» Вы, дьяволы, биржуазы-то! Ишь, чортъ, отработалъ шаля-валя свои восемь часовъ — знаемъ тожа, какъ теперь, безъ хозяина-то, вы работаете!... — манишку надѣлъ, тросточку ухватилъ и айда на метинхъ и давай слова всякія про хорошихъ людей, вродѣ того же Демина, выражать: «товарищи...» А мужикъ на васъ спину-то гни! Врешь, братъ!...

— А вы, вы не биржуазы? — растерявшись подъ этимъ злобнымъ напоромъ мужичья, изъ послѣднихъ силъ отгрызался Никита. — Накопаетъ картошки сто, двѣсти мѣръ да и гнетъ по полсотнѣ за мѣру... А мы съ голоду подыхай!...

— И подохнете, и подохнете!... — яростно летѣло съ всѣхъ сторонъ. — Ни хрѣна теперь добромъ отъ мужика не получите! Ни фика! Будя, побаловались!... Восемь часовъ — ишь какіе баре выискались, мать вашу за ногу!

— Дай срокъ: дадимъ мы вамъ по талону да по купону!... Будете до новыхъ вѣнниковъ помнить!...

— А вотъ смотрю я на васъ и дивлюса: здоровые, молодые, а все никакъ вмѣстѣ не уживетесь... — стараясь перекрычать всѣхъ, верезжала пьяная Марина, сваха, разбитная бабенка съ сѣрыми глазами на выкатѣ, промышлявшая продажей самогона, обращаясь къ Егору, сторожу на станціи, черному, смуглому, похожему на вороватаго цыгана, и къ его женѣ Аришкѣ, грудастой, круглолицей бабѣ, отъ которой сильно пахло новымъ ситцемъ и потомъ. Они не жили вмѣстѣ — сойдутся и опять разойдутся, сойдутся и опять разойдутся...

— Парочка: баранъ да ярочка!... — пьяно пробасилъ кто-то сзади.

— Да вотъ не живется вмѣстяхъ-то... — отозвалась Аришка. — Карахтеромъ не сходимся...

— А хотите, я васъ такъ сведу, что и водой не разольешь? — увѣренно и задорно предложила разбитная Марина.

— Ну? Нюжли можешь? — слышались отовсюду пьяные голоса. — Кто? Маринка-то? Марина она, братецъ, что твоя колдунья: хошь къ козѣ приворожить! Маринкѣ, а Маринкѣ, а ты бы мою бабу сократила какъ: кажнюю ночь лѣзетъ ко мнѣ на печку, сука ненасытная... Нѣтъ ли какого средствія, а? Замучила, стерва... А?

Но комиссаръ Сергунька, крѣпко хлебнувшій оглушающаго самогона, давно уже обижался, что мужики не обращаютъ никакого вниманія на него, представителя не только рабоче-крестьянскаго правительства, но и просвѣщенія, и потому онъ вдругъ рѣшительно позвонилъ ножикомъ о стаканъ. Шумъ сразу стихъ. Всѣ съ удивленіемъ воззрились на Сергуньку, который пьяно подымался съ лавки.

— Этотъ шибздикъ чего еще пыжится? — нетерпѣливо крикнулъ кто-то.

— Постой, не замай... Авось отколетъ какое колѣнце...

Сергунька взялъ полный духовитой раки стаканъ, обвелъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ и молодымъ баскомъ неувѣренно началъ:

— Граждане и гражданки свободнѣйшей во всемъ мѣрѣ республики! На улицѣ нашей, такъ сказать, праздникъ... весна... заря... и все что полагается въ такихъ случаяхъ... Да!

— А праздникъ, такъ и пей!.. — крикнулъ чахоточный Никита. — Чего бобы-то разводить?..

— Постой, Микита!.. Не тронь дерьмо — пуцай повоняеть!..

— Заря новой жизни... — упрямо продолжалъ Сергунька, чувствуя, что тѣло его становится невыносимо тяжелымъ, а полъ подъ ногами плавно качается изъ стороны въ сторону. — И мы всѣ, такъ сказать, собравшись вмѣстѣ, торжествуемъ... Но прежде всего, граждане и гражданки, должны мы, какъ въ старину наши враги и угнетатели, ...такъ и мы, по обычаю предковъ, такъ сказать... должны выпить, такъ ска-

зять, бокаль, но — совсѣмъ напротивъ: они за свое, а мы — за свое... Да. Sapiienti sat!.. И потому, оставивъ въ сторонѣ, такъ сказать, новобрачныхъ и все прочее... я предлагаю поднять бокалы въ честь нашего великаго совѣтскаго правительства и всѣхъ его представителей... Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!.. Ура...

— И во-вѣки вѣковъ... Аминь!.. — пробасилъ кто-то, подражая дьякону, и среди общаго хохота, довольный, Сергунька сѣлъ на свое мѣсто.

— Ишь, поповское отродье... Не вытерпѣлъ и здѣсь: дай свое возьму... — галдѣла пьяная, потная, икающая застолица въ мутномъ и вонючемъ воздухѣ. — Правду говорятъ: жеребьячья порода... И-го-го-го-го... — пустилъ кто-то по лошадиному при общемъ хохотѣ и вдругъ какая-то бабенка взвизгнула: — Гляди, гляди, православные: комиссаръ-то нашъ, должно, помирать хочетъ!..

Всѣ съ хохотомъ мутными глазами смотрѣли на Сергуньку, который вдругъ опустилъ голову на столъ и дергался всѣмъ тѣломъ, издавая какіе-то мучительные, хрюкающіе звуки.

— Ай, батюшки, да его съ души потянуло!.. — взвизгнула другая. — Блевать хочетъ!..

— Вотъ тебѣ и оратель!.. Ау!..

Двѣ чьи-то дюжихъ руки среди общаго смятенія у стола подхватили Сережку подъ-руки и безъ церемоніи поволокли къ двери. Голова его бессильно моталась, блѣдное лицо было бессмысленно, какъ у идіота, и что-то густое и вонючее хлестало изъ него порывами на затоптанный полъ.

— А-а, сопливый... — раздавались гадливые голоса. — Всю юбку опакостилъ! А туда же комиссаръ, вшивый чертенокъ... Волоки его вонь!.. Га-га-га-га...

Сережка исчезъ; грязь, оставленную имъ, наполовину подмыли, наполовину растоптали ногами, и пиръ продолжался.

— Кушайте, кушайте, гости дорогие!

— Горько!.. — хмѣльно орали въ чадной комнатѣ.

И Васютка съ Аненкой вставали и, поджимая губы, цѣловались. И въ глазахъ, что смотрѣли на нихъ изъ вонючаго тумана, все болѣе и болѣе разгоралось возжелѣніе... И еще болѣе опьянѣвшая, наглая Маринка, вся въ какомъ-то горячемъ чаду, опять липко приставала къ сторожу Егору и его грудастой Аришкѣ, сама совершенно не зная, ни зачѣмъ это она дѣлаетъ, ни что изъ этого выйдетъ.

— Такъ свести, что-ли, дружковъ, а? — пьяно подмигивая, повторяла она, наклоняясь то къ одному, то къ другому. — Ужъ такъ-то ли жить будете, ай люли-малина, — не оторвешь одинъ отъ другого... А?

— Говорятъ тебѣ, карахтеромъ не сходимся... — отвѣчала, смѣясь, Аришка, тоже вся въ горячемъ, томящемъ туманѣ опьяненія. — Пробовали сколько разовъ, не выходитъ...

— Анъ выйдетъ!.. — вызывающе задорно кричала Марина. — Еще какъ выйдетъ-то!..

— Да ну тебя, не томи!.. — кричалъ кто-то черезъ силу. — Говори, въ чемъ дѣло-то..

— Нельзя безъ согласу... — ломалась Марина и бараньи, безстыжіе глаза ея мерцали похотью. — Пусть скажутъ, что согласны, — за мной дѣло не станетъ...

— А мнѣ что? — согласился возбужденный поцѣлуями новобрачныхъ и сальными, крѣпкими шутками и намеками гостей Егоръ, блестя бѣлыми зубами и желто-черными цыганскими глазами и чуя въ воздухѣ что-то острое. — Я завсегда согласенъ... со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ... Ну, Аришка? А?

— Я отъ закону не прочь... — пьяно смѣялась Аришка, прикрываясь передникомъ и икая всей толстою грудью. — А только ужъ карахтеръ такой...

— Ну, Марина, благословясь да и за дѣло... — кричали гости. — Своди давай... Мы всѣ въ свидѣтеляхъ...

И Марина, перехвативъ отъ волненія воздуха, вдругъ сама не зная какъ выпалила:

— Средства простая, ну только чижолая... Надо все, что полагается по супружецки, при всѣхъ издѣлать...

Всѣ очумѣли.

— Чего?!..

— А такъ... при всѣхъ... вотъ хоть сичасъ... — увѣреннѣе сказала Марина, пьянѣя все болѣе и болѣе. — Такъ тогда жить будутъ, водой не разольешь...

Дикій хохотъ, улюлюканье, истерически-восторженный визгъ, уханье поднялось въ мутной мглѣ комнаты; кто-то дробно топалъ ногами, кто-то изступленно мяукалъ, и многіе вскочили и махали руками, и орали что-то, и у всѣхъ кружилась голова и захватывало дыханіе.

— Ну, ты, Маринушка, хоша и сваха, а того... — кричалъ подгулявшій Прокофій. — Ты бы хошь передъ молодыми-то постыдилась бы...

— А что твои молодые-то? Пуцай учатся... — орали со всѣхъ сторонъ пьяные, возбужденные голоса. — Небось, ужъ сами умѣютъ — наука не хитрая. Га-га-га-га... Ай-да Маринка!.. Вотъ стерва баба, мать ее за ногу!.. Вотъ удружила!.. А ну, Егоръ, а?.. Аришкъ... Чего дремать-то? А?.. Га-га-га...

И снова визгъ, хохотъ, сквернословіе наполнили жаркую комнату до краевъ. И въ мутномъ, вонючемъ туманѣ ея, въ страшной мѣшанинѣ виднѣлись то блѣдными, то багровыми пятнами потныя лица, раскрытые орущіе рты, то мутные, то масляные глаза, въ которыхъ стоялъ темный огонь вождельнія, безсвязно болтающіяся въ воздухѣ руки.

— Егоръ, а? . . — напирали на цыгана со всѣхъ сторонъ. — Чего робѣтъ - то? А? . . . Аришкъ? . . . Да ну . . .

И вдругъ Егоръ поблѣднѣвъ, съ искривленной улыбкой, нетвердо сказалъ:

— Такъ что, я завсегда готовъ . . . Охулки на себя не положимъ . . .

— О-го-го-го-го . . . — залилась застолица, заплескала въ ладоши, завизжала попоросячьи. — Аришка, ну? . . Валляй! . .

Аришку мяли, толкали, обдавали зловоннымъ жаромъ пьяныхъ ртовъ и вотъ среди неистоваго воя, визга, топота, бессильныхъ протестовъ тоже опьянѣвшихъ и распаленныхъ хозяевъ, ее, блѣдную, ослабѣвшую, со сбившимся на сторону платкомъ, повалили на грязный полъ и толкнули къ ней блѣднаго, улыбавагося кривой улыбкой Егора. Среди смрада, истерическаго визга, восторженнаго заливистаго свиста мелькнули въ полусумракѣ подъ горящими зеленымъ огнемъ глазами бѣлыя голыя женскія ноги. Егоръ, сопя, неуклюже возился надъ Аришкой . . . Марина изступленно кружилась, притопывая и подпѣвая, надъ ними, и сама себя не помня, схватила со стола большой жестяной закоптѣвшій чайникъ и въ какомъ - то экстазѣ стала поливать изъ него пару на полу. И вдругъ рѣзкій крикъ боли прорѣзалъ дикую мѣшанину звуковъ и супруги вскочили съ пола и яростно набросились на ничего не видящую, изступленную Марину.

— Стерва, сволочь! . . . — хрипло кричалъ Егоръ, подтягивая сваливающіеся штаны. — Лахудра! . . . Ты изувѣчить насъ хотѣла . . . Я тебѣ въ порошокъ изотру . . .

Аришка, глядя ляжки, мучительно стонала и плакала . . .

Въ чайникѣ оказался кипятокъ.

И, когда узнали объ этомъ гости, вся комната огласилась дружнымъ восторженнымъ ревомъ. Мужики, бабы, молодежь, старики хватались за животы, перегибались, захлебывались смѣхомъ, давились, отплевывались, всплескивали руками и ржали, ржали

изступленно: „кипяткомъ! . . . Да по притчиниому мѣсту! . . . вотъ такъ средство! . . . Ай да Маринка! . . . Тотъ эта такъ свела! . . .“ Хозяева, тоже давясь отъ смѣха, разводили между тѣмъ Марину и Егора, который съ налившимися кровью глазами лѣзъ на нее грудью, поднявъ кулаки. Аришка выла наголосъ, не столько отъ палящей боли на животѣ и ляжкахъ, сколько отъ сознанія вдругъ открывшагося ей сиротства ея: никто ее не жалѣетъ, всѣ надъ ней смѣются. — „охъ, головушка моя безталанная! И для чего только на бѣлый свѣтъ уродилась?..“

— Да не вой ты, дуреха!.. — кричали ей съ хохотомъ со всѣхъ сторонъ. — Есть чего... Егорка не утѣшилъ — вонъ поди матросъ утѣшитъ... Ишь какъ онъ на тебя разгорѣлся... Есть чего!.. Ага-га-га-га...

Аришка выла...

А подъ окнами, въ свѣтломъ, душистомъ — такъ свѣжо и упоительно пахло черемухой... — сумракъ майской ночи, въ нѣжномъ сіяніи лучистыхъ, блѣдно-серебряныхъ звѣздъ шелъ безтолковый плясъ, визжали скверныя и бессмысленныя „частушки“ дѣвки, подростки яростно преслѣдовали дѣвченокъ и изступленно мяли ихъ по темнымъ угламъ, и бѣднота, наглотававшаяся огненнаго самогона, то и дѣло. дикимъ безпорядочнымъ „ура“ благодарила отъ всего сердца тароватаго хозяина...

VI

Первые дни послѣ свадьбы размякшій Васютка немножко поуспокоился, но потомъ снова и снова въ немъ стало все мучительно двоиться: что настоящее, то или это? И понемногу стало выступать и расти и совсѣмъ новое: жалость къ ни за что убитому имъ о. Александру и его голодающей семьѣ — Сережку схватили пьянаго, уличили въ растратѣ и взяткахъ и разстрѣляли, — и угрызенія совѣсти, что онъ сдѣлалъ это жестокое, явно теперь бессмысленное дѣло. Онъ видѣлъ о. Александра

такъ, какъ раньше, мальчишкой, привыкъ онъ его видѣть въ школѣ, когда тотъ, всегда спокойный, ровный, тихій, училъ ребятъ теперь забытымъ молитвамъ, какъ рассказывалъ онъ имъ про сотвореніе міра, про Ноевъ ковчегъ, про пастуховъ виолеемскихъ, про страданія Спасителя, онъ видѣлъ его за обѣдней въ свѣтлыхъ ризахъ, въ облакахъ кадильныхъ, онъ видѣлъ его, какъ тотъ съ своей обычной, слабой улыбкой, думая, что онъ шутитъ, остановилъ его тамъ, у житницъ, а потомъ разомъ опрокинулся и затрепеталъ на молодой, щетинистой травкѣ, и въ смятенной душѣ парня стояла и не проходила тупо сосущая боль, и сонъ не приходилъ къ нему этими короткими, свѣтлыми, душистыми ночами...

И вдругъ на старыхъ ветлахъ у чайной появились одновременно и цвѣтистыя прокламаціи, въ которыхъ съ яростью говорилось о какихъ-то гидрахъ, о приспѣшникахъ царскихъ, о биржуазахъ, и въ которыхъ рѣшительно никто ничего не понималъ — даже Ванька Зноевъ, и тотъ путался... — а рядомъ короткій и сухой, какъ прежде, приказъ о мобилизаціи за пять лѣтъ! И загудѣли мужики: это что же, значитъ, обманули сволочи? Говорили, что войнѣ конецъ, а теперь опять мобилизація, да еще въ самую пахоту, да еще, болтаютъ, будто противъ своихъ же?! Ну, ладно...

И когда всѣ призванные, провожаемые, какъ всегда плачемъ и воемъ женъ и матерей, собрались, хмурые, съ котомками у чайной, Ванька Зноевъ залѣзъ на полѣнницу и что-то опять кричалъ имъ про централъ какой-то, про Карлу-Марлу этого да про богачевъ, но никто рѣшительно его не слушалъ и многіе смотрѣли на кулиганта съ нелепостью... А когда они ушли, дѣдушка Аеанасій подошелъ на улицѣ къ задумавшемуся Прокофью.

— Накрутили дѣловъ!... — вздохнулъ онъ. — Самъ квартальный не разберетъ... Правду говорятъ: дуракъ мужикъ...

— Дуракъ и есть... — грустно согласился Прокофій. — Вонъ Васютку у меня угнали... И всѣ промежду себя сговариваются: какъ получимъ винтовки, переколемъ всѣхъ этихъ дьяволовъ и шабашъ...

— Такъ-то оно такъ, только опять же надо знать: кого же поставить-то? Безъ пастуха народъ жить не можетъ. А гдѣ его теперь возьмешь?...

— Эхма! — вздохнулъ Аѳанасій.

— Земли нахватали, хуторянъ вонъ сожгли да разорили, а теперь и свою то пахать расчетовъ нѣту: ты имъ, стервецамъ, посѣй да собери, а они съ пулеметомъ придутъ да все заберутъ... Нѣтъ, шалишь, братъ, — дураковъ нынче тоже немного...

— Управу на народъ надо, хозяина надо... — упрямо и тихо твердилъ Аѳанасій. — Песъ съ ей и съ землей, коли покою душѣ нѣту... Хозяина надо.

— А гдѣ его возьмешь? Какъ?..

Васютка задумчиво шагаль то солнечными, уже пыльными проселками, то узкими, твердыми тропками между цвѣтущихъ, пахучихъ луговъ, то свѣжими лѣсами, въ которыхъ звенѣли птичьи голоса и такъ уповательно пахло ландышами и нагрѣтой смолой, и тяжелая смута давила его душу. И жалко было уходить изъ деревни, и жалко было Аненки... Какъ будто, и хорошо было, что кто-то посторонній беретъ его судьбу въ свои руки и не надо будетъ ему самому разбираться во всей этой мучительно зацутавшейся жизни, но съ другой стороны, разъ Ванька Зноевъ сталъ всей жизнью вертѣть, Ванька, котораго раньше деревня даромъ въ пастухи не взяла бы, то не мыслью, темной и неумѣлой, а какъ-то всѣмъ своимъ мужицкимъ нутромъ понималъ Васютка, что не можетъ все это держаться, что не хозяйственно это, не сурьезно... И, когда слышалъ онъ отрывистыя, злобныя фразы, что вотъ придемъ, возьмемъ винтовки да и къ едреной матери всю эту сволоту, онъ соглашался, онъ на себя надѣялся, но тутъ вдругъ вставала мысль: такъ, хорошо, а затѣмъ придетъ уже настоящее и — пожалуйста всѣ къ отвѣту. Что вы, подлецы, на фронтѣ надѣлали? За что офицерей да желѣзнодорожниковъ мучили да убивали? За что свои же, русскіе города изъ пушекъ били, жгли да грабили? Никто ни въ

жисть этого не спустить... А тамъ еще онъ, о. Александръ...

И, когда пришли они въ Окшинскъ, раньше такой чистенькій и уютный среди своихъ вишневыхъ садковъ, а теперь весь загаженный, взъерошенный какой-то, одичавшій, оказалось, что мѣстная власть приняла всѣ необходимыя для своего спокойствія мѣры: призванныхъ разобрали кое-какъ, загнали въ казармы, но — винтовокъ не дали. Оружіе въ городкѣ было только у совѣтскихъ, у небольшого отряда латышей да у красной гвардіи, этого страшнаго сборища отпѣтыхъ оборванцевъ. Призванные опредѣленно почувствовали себя въ ловушкѣ, но дѣлать было нечего. Цѣлые дни валялись они по грязнымъ, вшивымъ нарамъ въ вонючихъ, сумрачныхъ казармахъ, тянули вполголоса сумрачныя пѣсни, зѣвали, страшно сквернословили, о женахъ своихъ, о невѣстахъ, о женщинѣ вообще говорили такъ, что у посторонняго человѣка волосы на головѣ подымались, глазѣли въ разбитыя окна, то тряпками заткнутыя, то забитыя досками, и видѣли, какъ «косматая сволочь» — такъ звали они свое новое начальство, — съ крадеными портфелями подмышкой, озабоченно носилась, рѣшая ихъ судьбу, въ краденыхъ автомобиляхъ по этимъ запакощеннымъ, точно вымершимъ улицамъ...

И вотъ рѣшили: выдали имъ всѣмъ по красной звѣздѣ на картузы и велѣли, взявъ мѣшки и сундучки, построиться на вокзальной площади. И простояли они въ пыли и духотѣ на солнцѣ, и часъ, и два, и наконецъ, подлетѣлъ, громыхая, къ вокзалу запакощенный автомобиль, изъ котораго вышелъ здоровенный дѣтина съ лицомъ мясника, съ рыжимъ подбитымъ затылкомъ, въ ловко сшитой офицерской шинели. И, ставъ на подѣздъ, онъ поднялъ руку и сказалъ:

— Товарищи, вниманіе!

Мобилизованные подтянулись, нѣкоторые растерянно понадѣвали даже свои мѣшочки и тупо, покорно, беспомощно уставились на дѣтину. И онъ по-

качнулся на лѣво и равномерно, какъ заводная кукла, махая лѣвой рукой, сталъ не на очень чистомъ русскомъ языкѣ говорить имъ о томъ, что вотъ рабочекрестьянское правительство сдѣлало имъ честь, призвавъ ихъ первыми на защиту революціи. Онъ перекачнулся на правую ногу и, махая, какъ деревянная кукла, правой рукой, сталъ говорить, что какіе-то приспѣшники всадили еще ножъ въ чью-то спину, но — тутъ онъ повысилъ свой голосъ и, перекачнувшись на лѣво и деревянно отбивая тактъ лѣвой рукой, продолжалъ съ угрозой, что пусть эти приспѣшники дрожатъ, пусть дрожатъ всѣ ихъ сочувственники здѣсь, — онъ указалъ широко на цвѣтушіе вишневые сады тихаго городка, на его старенькія, островерхія колоколенки, — ибо вотъ идетъ на нихъ страшный судъ...

Ни Васютка, ни другіе молодые мужики и парни рѣшительно не понимали, что это они-то и есть карающіе ангелы этого новаго страшнаго суда, не понимали, кого собственно и за что надо имъ карать, не понимали рѣшительно ничего, кромѣ одного, что ловко ихъ эти подлецы поддѣли, а хотѣли они только одного: домой. А отъ словъ этихъ самыхъ — ораторъ, перекачнувшись на право и отмахивая опять правой рукой, говорилъ имъ уже объ этомъ чортовомъ проретаріатѣ, о буржуазіатѣ, объ Европѣ какой-то, о Карлѣ-Марлѣ... — а отъ словъ этихъ у нихъ давно уже голова пухла... Довольно!.. Но у нихъ не было мужества крикнуть это и разойтись: на перронѣ стояли латыши, съ одной повозки виднѣлся нарочно едва прикрытый ржавый пулеметъ, а главное, у нихъ было убѣжденіе, что разъ эти хахали такъ вертятъ народомъ, значитъ, есть у подлецовъ гдѣ-то какая-то сила, которой они, мужики, не понимаютъ, не видятъ. Они не догадывались, что сила эта — только безбрежная наглость...

— А теперь, товарищи, въ вагоны!

И, всколыхнувшись, сѣрая, потная, унылая толпа прокричала по знаку какого-то хахаля жидкое, унылое

«ура» и двинулась через вокзалъ на платформу, мимо упитанныхъ, хорошо одѣтыхъ латышей съ блестящими штыками и оборванныхъ мерзавцевъ съ истасканными, порочными лицами, которые не выпуская изъ рукъ винтовокъ, подозрительно, звѣриными глазами слѣдили за этой мужицкой лавиной и приговаривали: «сюда, сюда, товарищи!.. Не напирайте, товарищи... Осторожьнѣе!.. Успѣете...»

Поѣзда у залитой солнцемъ платформы не оказалось. Разные молодцы, большею частью, не старше двадцати-лѣтняго возраста, съ красными перевязками на рукавѣ, забѣгали по станціи, стали перекликаться черезъ пути, махать зелеными и красными флагами, кричать въ недѣйствовавшій телефонъ, но дѣло не клеилось, поѣздъ никакъ не собирался. Въ пустыхъ желудкахъ солдатъ республики заговорилъ голодъ, лица ихъ еще болѣе насупились, еще болѣе скучно стало имъ, а солнце пекло, въ бочкѣ вода была теплая и тухлая, и не было видно конца ихъ томленію... Но они сидѣли на своихъ сундучкахъ и мѣшочкахъ, покорные и жалкіе, чего-то ждали и добивали въ себѣ остатки человѣка нестерпимымъ сквернословіемъ. А неподалеку, у загаженнаго, вонючаго сортира какъ бы нечаянно поставленъ былъ ржавый пулеметь...

Наконецъ, подали поѣздъ, этотъ длинный рядъ исковерканныхъ, нестерпимо загаженныхъ кирпично-бурыхъ вагоновъ. И они полѣзли въ нихъ, толкаясь, стремясь занять себѣ мѣсто получше, но всѣмъ оказалось одинаково: если въ одномъ стояла тошнотворная вонь отъ гнѣющей грязи и человѣческихъ испражнений, толстымъ слоемъ покрывавшихъ весь полъ, то въ другомъ полъ этотъ былъ весь исковерканъ и изломанъ такъ, что жутко было сидѣть, а въ третьемъ тотчасъ же были обнаружены страшныя вши. И, когда съ грохотомъ, скрежетомъ, визгомъ рванулся впередъ поѣздъ и подобритый съ затылка малый, явившійся въ послѣдній моментъ откуда-то съ измятымъ, заспаннымъ лицомъ, взялъ подъ козырекъ, и жидкій ор-

кестръ на перронѣ вяло и фальшиво заигралъ «интернаціоналъ», то нѣкоторые солдаты въ вагонахъ, изъ отпѣтыхъ, по традиціи замахали грязными картузами и закричали «ура», но другіе рѣзко осадили ихъ жестокой матерщиной и залиvisto засвистали. И съ гамомъ, ревомъ и руганью все быстрѣе и быстрѣе понеслись одна за другой зараженныя теплушки — никто изъ солдатъ не зналъ, куда... — и, глядя на эту амбулантную, ревущую клоаку, мирные люди шарахались въ сторону и украдкой крестились, думая, что все это какіе-то особенные, отпѣтые разбойники, и только очень немногіе чувствовали и понимали, что это только несчастные, запутавшіеся, обманутые темные люди, что это тоска смертная, что это отчаяніе...

И многіе изъ отцовъ, которые сами привезли сюда изъ деревень своихъ сыновей на закланіе, видѣли, слышали и, если не поняли, то почувствовали все это и, молчаливые, вернулись домой, и на нетерпѣливые разспросы своихъ земляковъ: «ну, какъ тамъ?..», только хмурили свои лохматые брови. Сознаніе, что «попались», въ мужикахъ крѣпло.

— Что-же теперь будемъ дѣлать-то, ребята? А? — сказала въ темнотѣ одна широкая борода. — Вѣдь дѣло-то выходить не хвали...

— Дѣло совсѣмъ хны... — отвѣчала темная тѣнь въ пахучемъ полушубкѣ въ накидку.

И послѣ небольшого, сердитаго молчанія, осторожно, процѣживая слова, третій сказалъ:

— Сила теперь у ихъ и въ открытую намъ съ ими не совладать... А надо — и ярко, возбужденно разгорѣлся въ темнотѣ красный огонекъ «собачьей ножки», — надо бить по одиночкѣ: гдѣ какого подлеца пымаль, тутъ ему и конецъ...

И больше они ничего не говорили, — будто, никто и не слыхалъ ничего, а чрезъ два дня вдругъ безслѣдно исчезъ изъ деревни Ванька Зноевъ, а еще черезъ два дня пастушата нашли его въ березовомъ перелѣскѣ, неподалеку отъ разоренныхъ имъ хуторовъ: распухшій и воняющій трупъ его былъ весь об-

лѣпленъ синими, точно металлическими мухами, а голова была разрублена съ затылка чуть не надвое. Слѣдствіе установило, что послѣднюю ночь онъ провель у Аришки въ Оферовѣ. Аришку схватили и всячески допрашивали, но она упрямо твердила, что знать ничего не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ, и плакала, что всѣ ее обижаютъ... А еще чрезъ нѣсколько дней подъ откосъ, у моста чрезъ Ужу, слетѣлъ цѣлый поѣздъ съ пушками и всякимъ воинскимъ припасомъ. Слѣдствіе безъ труда установило, что рельсы были развинчены и сняты. Сосѣдняя съ мѣстомъ катастрофы деревня Пустынька была поэтому латышами и китайцами выжжена до тла, а въ городѣ, въ старомъ архіерейскомъ саду, напоенномъ веселымъ, весеннимъ солнцемъ и ароматомъ ландышей, были разстрѣляны, какъ контрреволюціонеры и враги народа: старенькій учитель исторіи изъ гимназіи, только что женившійся, молодой, розовый студентъ-технологъ, отставной, распухшій не то отъ водянки, не то отъ голода генераль и когда-то веселая хохотунья Маруся, такъ недавно еще радостно прилетѣвшая изъ далекой якутской ссылки...

VII.

И началось снова для Васютки то, что такъ опротивѣло еще во время той войны, съ нѣмцами: нацѣпивъ красныя звѣзды на картузы, оборванные, грязные, полуголодные, очень часто совсѣмъ больные люди двигались испуганно-притихшимъ степнымъ краемъ все дальше и дальше, сжигали хутора, раззоряли деревни, насилывали беременныхъ матерей, маленькихъ дѣвочекъ, морщинистыхъ старухъ, разстрѣливали стариковъ и мальчиковъ, пакостили нарочно, на зло въ церквахъ, вытапывали хлѣба, опрокидывали ульи на пасѣкахъ, бросали дохлыхъ собакъ въ колодцы и снова шли впередъ, стрѣляя, поджигая, насилуя, разоряя, оскверняя. Имъ было точно тошно, что вотъ люди живутъ настоящей, мирной, трудовой жизнью, а вотъ они, какъ Богомъ проклятые, обречены на голодъ, хо-

лодь, вшей, кровь, страданія, ненужную смерть, — такъ пусть будетъ всѣмъ одинаково сладко! И все равно: семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ...

Васютка, хмурый, исхудавшій, волосатый, обовшивѣвшій, съ больной отъ бессонныхъ ночей головой — о. Александръ и вообще вся эта душевная тревога не давали покоя, — шель въ густой цѣпи въ наступленіе противъ небольшой группы бѣлыхъ, засѣвшихъ въ роцѣ. Стучали винтовки и пулеметы и жадно вжикали пули въ знойномъ сухомъ воздухѣ. Гдѣ-то очень далеко, за рѣкой, протяжно бубухали пушки, а по горизонту стояли всюду густые столбы дыма отъ горѣвшихъ хуторовъ и сель... Въ цѣпяхъ чувствовался сегодня какой-то надломъ, что-то точно больное и подстриженные молодчики въ гетрахъ чувствовали себя очень нервно и все безпокойно оглядывались. И вдругъ на лѣвомъ флангѣ произошло какое-то смятеніе и цѣлый батальонъ, махая бѣлыми тряпицами, съ крикомъ «ура» бросился къ бѣлымъ. Сзади нихъ яростно зачастилъ пулеметъ, люди стали падать, но остальные беспорядочно бѣжали все впередъ и впередъ. Точно искра пробѣжала по цѣпи. Мгновеніе колебанія, нѣсколько человекъ съ крикомъ «ура» бросаются къ подстриженнымъ молодцамъ, поднимаютъ ихъ на штыки, а остальные въ одно мгновенье окружили и въ упоръ разстрѣливали и кололи соившихся небольшой кучкой коммунистовъ и этихъ страшныхъ, похожихъ на старыхъ обезьянъ китайцевъ, которые своими раскосыми, мутно мерцающими и ничего не говорящими глазами, своей дьявольской, холодной жестокостью, внушали солдатамъ непобѣдимое отвращеніе и ужасъ. Бѣлые прекратили огонь и тамъ, въ роцицѣ, слышно было слабое разрозненное «ура», но сзади опять застучалъ пулеметъ, часто защелкали и запылили по сухой землѣ пули и люди замаялись и оробѣли. Гулко стукнулъ неподалеку, отъ бѣлыхъ, орудійный выстрѣлъ, около пулемета чернымъ букетомъ взметнулась вверхъ земля, онъ замолкъ, а справа, съ крикомъ быстрой лавой, пики на перевѣсъ, понеслись въ охватъ донцы...

Еще нѣсколько жуткихъ мгновеній и красно-армейцы, повязавъ бѣлыя тряпицы, уже смѣшались, возбужденные и радостные, съ двумя батальонами добровольцевъ и уцѣлѣвшіе китайцы, невозмутимые, какъ всегда, уже рыли себѣ длинную, общую могилу. По гранямъ горизонта все черными привидѣніями стояли столбы дыма и зловѣще ухали вдали, за рѣкой пушки... Васюткѣ было пріятно, что опасности боя кончились и что онъ снова въ привычной обстановкѣ: онъ бойко, съ удовольствіемъ отдавалъ честь этимъ молодымъ и пожилымъ офицерамъ въ золотыхъ погонахъ, ѣлъ ихъ глазами, весело отвѣчалъ имъ «такъ точно» и «никакъ нѣтъ», а когда ихъ, красныхъ, выстроили безъ оружія, и къ фронту подошелъ старенькій, худенькій генералъ въ очкахъ и молодцевато продребезжалъ: «здорово, ребята!», съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ аппетитомъ грянули они на всю горячую степь: здра-ва-ва-ва-во... Это, по крайности, генералъ, настоящій, а не шентрапа эта...

Черезъ два мѣсяца Васютка, загорѣлый, запыленный, въ насквозь пропотѣвшемъ, жаркомъ англійскомъ обмундированіи шелъ уже старшимъ унтерцеромъ въ обратную сторону, къ Кіеву, гоня предъ собой усталыхъ, ко всему равнодушныхъ, разстроенныхъ красныхъ. Ему было пріятно, что о старомъ, объ о. Александрѣ и обо всемъ прочемъ, тутъ пока никто не поминаетъ, что начальство съ нимъ, какъ всегда исполнительнымъ и ловкимъ солдатомъ, ласково, что онъ какъ-ни-какъ подвигается все же къ дому, но все же глухая и глубокая тревога томила Васютку и парень не находилъ себѣ покоя. Онъ пробовалъ служить панихиды по о. Александрѣ, онъ ставилъ свѣчи, онъ подавалъ нищимъ, — охъ, сколько же ихъ было теперь по этимъ раззореннымъ городамъ! — но не было и не было покоя его стронутой съ мѣста, точно отравленной душѣ... Тогда онъ напивался, безобразничалъ, дерзилъ офицерамъ, грабилъ, хулиганилъ, но и это не помогало, а напротивъ, послѣ дѣлалось еще тяжелѣе, еще стыднѣе: вѣдь, ихъ встрѣчали съ цвѣтами, съ колокольнымъ звономъ, съ слезами радости, а они вона что...

И еще томило его что-то большое, нехорошее, смутное. Онъ, хороший, честный солдатъ, не хотѣлъ осуждать начальство, но не могъ: нехорошо вело оно себя, нехорошо — хуже даже чѣмъ прежде, хуже даже, чѣмъ эти проклятые комиссары... Генералы открыто пьянствовали, возжались съ дѣвчонками, подводили одинъ другого, сорили деньгами, а помѣщики, вернувшись въ свои раззоренныя гнѣзда, подбирали себѣ шайки отпѣтыхъ хулигановъ и безъ всякаго разбора вымещали на мужикахъ всѣ свои убытки и обиды: пороли, издѣвались, раззоряли... И хмурились мужики, и многіе солдаты убѣгали изъ частей по ночамъ неизвѣстно куда.

И Васюткѣ открылось то, что его смутно и тяжело томило: да, и это еще не настоящее. Гдѣ же оно, это настоящее? Его нѣтъ. И онъ понялъ, почему безобразничали, грабили и дерзили солдаты, почему быстро угасалъ въ арміи яркій порывъ и серьезное настроеніе первыхъ мѣсяцевъ: это не настоящее...

И скоро, тая съ невѣроятной быстротой, бросая артиллерію, обозы, госпитали, танки, все, армія безпорядочно покатила назадъ: нельзя идти впередъ, нельзя биться за пьяныхъ генераловъ, за ихъ дѣвокъ, за беззаконіе, за грабежъ! За ней изъ оставляемыхъ городовъ тянулись десятиверстные обозы бѣгущихъ отъ большевиковъ жителей. Бѣжали рабочіе, купцы, мелкіе чиновники, гимназистки, крестьяне, монахи, все, и солдатамъ тяжело было смотрѣть на этихъ перепуганныхъ, погибающихъ людей, ищущихъ у нихъ защиты, и они хмуру ругались днемъ и разбѣгались отъ стыда сотнями ночью...

Пронесся тревожный слухъ: по тыламъ ихъ бьетъ какой-то, песъ его знаетъ, Махно... Еще новый благодѣтель объявился, чтобъ всѣхъ ихъ черти взяли!... И еще тяжелѣе стало на душѣ; что-то болѣзненное, невыносимое чувствовалось въ разлагавшейся арміи и вялы, безразличны были въ ней теперѣ всѣ, и сестры, и офицеры, и солдаты... Ясно было, что пришелъ чему-то конецъ...

Два батальона получили приказъ занять переправы подь Екатеринославомъ. Вяло, бездушно подошли роты къ Днѣпру, но какъ только на той сторонѣ щелкнуло нѣсколько винтовочныхъ выстрѣловъ, какъ кто-то изъ солдатъ выкинулъ вдругъ большой черный флагъ и крикнулъ: «бей офицеровъ!» Небольшая часть озлобленныхъ солдатъ бросилась со штыками на начальниковъ, чрезъ двѣ-три минуты изуродованныя тѣла ихъ были сброшены въ рѣку, а черезъ мостъ съ крикомъ хлынули махновцы, оборванные, часто совсѣмъ босые, обросшіе волосами, закопченные люди съ ржавыми винтовками въ рукахъ. И все смѣшалось въ одну пеструю, возбужденно галдящую кучу.

— Васютка! Да хоба жъ то ты?!...

Васютка живо обернулся — предъ нимъ съ улыбкой стоялъ исхудалый, волосатый, страшный оборванецъ. Онъ долго вглядывался, не узнавая.

— Батюшки мои! Бондаренко!

И бывшіе пріятели по полку, взявшись за руки, съ неловкой улыбкой смотрѣли другъ другу въ глаза, точно стараясь угадать что-то одинъ въ другомъ, и вдругъ отвернулись: они вспомнили себя подбористыми молодцами-гвардейцами и имъ стало совѣстно и даже точно больно немножко... И скоро они сидѣли уже въ сторонѣ отъ галдящаго табора повстанцевъ, на берегу свѣтлаго Днѣпра, который только что укатилъ къ порогамъ изуродованныя тѣла офицеровъ, и дымили «собачьими ножками».

— Ну, какъ живешь? — спросилъ Бондаренко, поплеывая въ играющую веселыми зайчиками воду. — Съ деникинцами?

— Былъ съ деникинцами... — вяло отвѣчалъ Васютка, въ которомъ уже погасло оживленіе отъ неожиданной встрѣчи съ пріателемъ и котораго снова охватывала привычная ему теперь душевная тягота. — А раньше у большевиковъ былъ, по небилизаціи...

— А я съ этимъ чортовымъ Петлюрой почти полгода канителился... — сказалъ Бондаренко, скверно

ругаясь и ожесточенно скребя себѣ черными ногтями подь рваной, вонючей рубахой. — А теперь вотъ батько Махно народъ подымаетъ. Совсѣмъ сбили людей съ толку — индо голова кругомъ идетъ! Словно и свои люди, а сойдемся, ни хрѣна никто не понимаетъ, кто и за что идетъ. Скружился народъ...

Бондаренко говорилъ тихо и медленно, точно внимательно рассматривая каждое сказанное слово и точно самъ дивясь тому, что говоритъ. Онъ былъ сыномъ зажиточнаго мужика изъ-подъ Фастова, хорошимъ работникомъ и очень тяготился этой каторжной жизнью.

— Иной разъ прямо хошь въ петлю... — тихо сказалъ Васютка. — И все сами виноваты...

— Какже, сами!... — живо и убѣжденно возразилъ Бондаренко. — Все жидаы, сволочь, набаламутили. Все отъ нихъ, дьяволовъ... Ну, ужъ и имъ теперь вливается!.. Вотъ какъ отступали мы отъ Кіева да подошли къ Бердичеву, и взялись — индо пыль полетѣла... Ребятъ по домамъ громить послали, а улицы пулеметами да броневиками заперли.... И давай!... Сколько набили, индо ужаси подобно!

— Не однимъ, братъ, жидамъ теперь достается! — замѣтилъ Васютка. — Погляди-ка тоже, какъ красные казаковъ раздѣляли — весь Донъ опустѣлъ... Никого не милуютъ...

— Это вѣрно. Вотъ тожа пришли мы съ Петлюрой на одинъ сахарный заводъ — аграмадный, можетъ, тысячи работаютъ... Глядѣли, глядѣли да и давай: за ночь лавку каперативную у рабочихъ разграбили на-чисто, сахару изъ кладовой пудовъ триста уперли, квартиру дилехтора всю дочиста разнесли, а на утро пошли солдаты на конюшню, будто-бы, лошадей подь артилерію леквизовать, да всѣхъ до одной и свели. Жеребцы тамъ стояли эдакіе, ну, которые на племя, чистые слоны, имъ, можетъ, теперь каждому цѣна сто тысячъ, а солдаты ихъ въ Винницѣ на базарѣ по тысячѣ съ головы распродали. И на мой паекъ двѣсти пятьдесятъ вышло — не бросать-же, все на табакъ годится. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ...

Васютка искоса посмотрѣлъ на пріятеля: и этотъ объ отвѣтѣ думаетъ!... Охъ, и тоска же, мать ты моя родимая!... Хошь сейчасъ въ воду...

— А самогону у тебя нѣту? — вдругъ сурово спросилъ онъ.

— Нѣту... — отвѣчалъ Бондаренко, съ остервенѣніемъ расчесывая ноги. — Вотъ въ городъ войдемъ, найдемъ. Къ дѣвкамъ сходимъ — онѣ теперь до насъ поди какъ ласковы: только у васъ, смѣются, и деньги теперь... Все разгулка... — пояснилъ онъ и, подумавъ, продолжалъ медленно, разглядывая слова и дивясь: — А скажи шесть лѣтъ назадъ, что такое будетъ на Расеѣ, ни въ жисть бы не повѣрилъ! Одни придумали комунизму какую-то, другой хохловъ отъ Расеи отдѣлять, третій жидовъ да поповъ рѣзать, кто что выдумываетъ... Такъ и пошло все прахомъ... А больше всего — грабить... Вотъ сволоча!... А какъ жили раньше-то, а?...

И, подумавъ, Васютка медленно, точно самому себѣ отвѣчая, проговорилъ:

— И никому я имъ, чертямъ, служить не буду... Если ужъ служить, такъ пуцай ставятъ царя настоящаго... Довольно дурака-то валять...

— А что жъ? — спокойно, точно на самую обыкновенную мысль, отвѣчалъ Бондаренко. — Самое разлюбезное дѣло... Помнишь, бывало, въ Царскомъ Селѣ-то какъ жили...

— Батько ѣдетъ!... Батько!... Махно!... — вдругъ загалдѣла шумно толпа. — Стройся, ребята!... Чего тамъ: стройся? У насъ нѣту этаго... У насъ всякъ самъ по себѣ.

Отъ моста лихо летѣла тройка вороныхъ...

VIII.

Къ примолкшей толпѣ оборванныхъ, одичавшихъ людей подлетѣла щегольская коляска и кучеръ въ малиновой рубахѣ и черной, бархатной безрукавкѣ лихо

осадила вороныхъ рысаковъ. «Ура...» — загремѣло поле и шапки беспорядочнымъ, чернымъ роемъ полетѣли вверхъ. И въ коляскѣ во весь ростъ всталъ человекъ въ хорошей, чистой поддевкѣ и высокой сѣраго барашка шапкѣ, съ черной бородкой и, какъ угли, горящими маленькими глазками.

— Здорово, ребятушки!... — привычно развязно крикнулъ онъ высокимъ голосомъ. — Съ побѣдой!...

И опять голодные, оборванные, истомленные люди, всѣ во власти имъ самимъ непонятной силы, долго, надрывно, съ выпученными глазами кричали «ура»...

— Моя рѣчь къ вамъ короткая, ребята... Довольно, наговорились!... Теперь дѣйствовать надо... А дѣйствовать значитъ бить враговъ народныхъ. Враговъ у него много: въ первую голову жида, потомъ офицеры, большевики, попы долгогривые да ентеллигенція эта самая, чистоплюи-бѣлоручки... Вотъ и выметай всѣхъ подъ метелочку, на-чисто, чтобы на разводъ не оставалось, а то они, какъ клопы, — плодущіе... Да... И опять же отъ меня ничего не ждите, ребятушки: ни казны, ни обозовъ, ничего у меня этого нѣту и не будетъ, а кому что надо, тотъ то и бери, гдѣ нашель, безо всякаго стѣсненія... Да. А телеграфы эти, желѣзныя дороги, водокачки, фонари и всякую такую штуку бей въ дребезги, — все это врагу надо, а намъ съ вами не надо. Сто лѣтъ тому назадъ ничего этого не было, а жили же люди, да говорятъ, еще почище нашего... Такъ-то вотъ, ребятушки! А теперь берись всѣ за винтовки и въ городъ, въ гости къ буржуямъ... И помни: выметай все подъ метелку, чтобы на племя не оставлять...

Короткимъ пальцемъ онъ ткнулъ кучера въ спину и, сразу окутавшись облакомъ пыли, коляска понеслась къ мосту, а за ней, тоже въ душной пыли, возбужденно галдя, потянулись эти толпы обовшивѣвшихъ обоженныхъ степнымъ вѣтромъ и злобой, оборванныхъ людей съ лихорадочно блестящими, какъ у безумныхъ глазами. На той сторонѣ поджидали степное войско его тачанки, разбитыя телѣги, запря-

женныя то убогими, кожа да кости, кляченками, то уже запаленными и измученными великолѣпными рысакми, награбленными по имѣніямъ. И на всѣхъ тачанкахъ виднѣлась одна и то же выведенная охрой, неуклюжая и циничная надпись, девизъ этой неуловимой степной арміи: „ . . . догонишь!“

Усталый, ко всему равнодушный, Васютка взгромоздился на одну изъ тачанокъ и пока отрядъ приводилъ себя хотя въ нѣкоторый, хотя относительный порядокъ, съ трудомъ читалъ слѣпо отпечатанную на трухлявой бумагѣ прокламацію: „Рабочій народъ! Обмануль тебя царь, обманули злодѣи-комиссары со своими палачами, — теперь довольно! Бери самъ въ свои мозолистыя руки свою судьбу, собирайся подъ гордо рѣющее въ нашихъ родныхъ степяхъ черное знамя анархіи . . . “ Васюткѣ стало нестерпимо скучно отъ всей этой болтовни, — сколько переслушалъ онъ ее за эти годы! — и онъ, равнодушно посмотрѣвъ на жирную подпись внизу: „организация анархистовъ - индивидуалистовъ „Борьба до побѣды“, бросилъ трухлявый листокъ прочь. Въ немъ поднялось темное, злое чувство: довольно морочить голову! И рѣчь батько не зажгла его нисколько, онъ выслушалъ ее холодно, недовѣрчиво и, если сидѣлъ теперь на разбитой тачанкѣ, то только потому, что надо же было дѣваться куда-нибудь! Онъ чувствовалъ себя какъ затравленный звѣрь: туда сунешься — мобилизуютъ почему-то комиссары, сюда — пьяные генералы хватаютъ за шиворотъ, тамъ какой-то, песъ его знаетъ, Петлюра объявился, тутъ этотъ жуликъ въ поддевкѣ! И всѣ суютъ свои трухлявыя бумажки, всѣ чего-то отъ него требуютъ, всѣ играютъ его головой, — „да не желаю я и крышка!“, злобно думалъ онъ и чувствовалъ въ то же время смутно, что отъ его желанія или нежеланія уже ничего теперь не зависитъ, что его, какъ щепку, несетъ куда-то рѣкою все дальше и дальше, все больше и больше громоздится надъ его головой гора бессмысленныхъ преступленій . . .

И такъ же задумчиво съ потушимъ лицомъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ на тачанкѣ оборванный и вшивый Бондаренко. Онъ жаловался на нестерпимую головную боль, его временами сильно знобило, но онъ ѣхалъ къ городу вмѣстѣ со всѣми, трясясь всѣмъ тѣломъ по разбитой дорогѣ и держа въ рукахъ ржавую винтовку. . .

Изъ окна одного дома на окраинѣ вдругъ зачастилъ пулеметъ. Нѣсколько человекъ было сразу убито и ранено, подбитыя лошади бились на землѣ, путаясь въ сбруѣ. Моментально степная армія побросала свои тачанки и сѣрыми безшумными тѣнями, пригибаясь къ землѣ, рассыпалась по всѣмъ закоулкамъ предмѣстья. Съ дикой яростью бросились махновцы на штурмъ дома съ пулеметомъ, не жалѣя себя нисколько — что имъ было терять? — и чрезъ какія нибудь десять минутъ домъ задымился бурымъ дымомъ и обезумѣвшіе офицеры стали прыгать изъ оконъ, — ихъ тутъ же принимали на штыки и рвали на части, какъ волки. И сѣрая, страшная рѣка повстанцевъ быстро, быстро потекла по вымершимъ, окоченѣвшимъ отъ ужаса улицамъ, сопровождаемая беспорядочной стрѣльбой, звономъ разбиваемыхъ стеколъ, криками боли и ужаса. . .

Тамъ нѣсколько оборванцевъ тащутъ блѣднаго окровавленнаго пожилого священника и, обрубивъ телефонные провода, тутъ же на пыльной акаціи вѣшаютъ его на этой толстой проволокѣ, тамъ съ дьявольскимъ уханьемъ, подъ гоготъ толпы внизу, подъ истерическіе безумные вопли матери, одного за другимъ выбрасываютъ съ третьяго этажа трехъ маленькихъ дѣтей офицера въ бѣленькихъ платьицахъ, съ голубыми ленточками на кудрявыхъ головкахъ и они сочно шлепаются о камни, тамъ разбиваютъ какой-то большой магазинъ, что-то пьютъ прямо изъ бутылокъ и ѣдятъ, держа ѣду въ окровавленныхъ рукахъ, тамъ трое набросились на нѣжную, какъ цвѣтокъ, институточку въ бѣлой пелеринкѣ и по очереди насилуютъ ее, впавшую въ обморокъ, на заплеванномъ полу, а тамъ, дальше, цѣлая толпа подъ предводительствомъ

огромнаго дѣтины съ разсѣченной щекой ворвалась въ кадетскій корпусъ и вырѣзываетъ дѣтишекъ - кадетовъ сплошь...

— Ребята, жиды съ винтовкой поймалъ!.. — торжествуя, кричалъ совсѣмъ зеленый парень, держа за шиворотъ пожилого, блѣднаго какъ мѣль, еврея съ короткимъ австрійскимъ карабиномъ въ рукахъ. — Это они, дьяволы, изъ оконъ-то стрѣляютъ...

— Такъ чего же ты орешь? — спокойно отозвался другой, лохматый, какъ звѣрь, и спокойно подошелъ и спокойно ткнулъ штыкомъ еврея между лопатокъ, и поднялъ вывалившійся изъ рукъ убитаго карабинъ и, увидавъ, что онъ сломанъ, безъ затвора, тутъ же равнодушно бросилъ его на мостовую и, не торопясь, пошелъ въ огромный домъ, гдѣ слышался женскій визгъ, плачь перепуганныхъ дѣтей, трескъ чего-то разбиваемаго, звонъ стекла и грубая ругань.

А за угломъ подожгли огромный домъ, населенный исключительно еврейской бѣднотой, и, когда изъ подъѣздовъ повалила рѣка ошалѣвшихъ отъ ужаса людей, ее со смѣхомъ въ упоръ разстрѣливали изъ пулеметовъ.

Бондаренко было такъ плохо, что онъ едва шелъ. Сумрачный Васютка, не желавшій принимать участія во всемъ этомъ, до тошноты очертѣвшемъ ему похабствѣ, зашелъ съ нимъ на какой-то опустѣвшій — всѣ разбѣжались — дворъ и, обойдя плававшій въ лужѣ крови заголенный трупъ молодой, красивой, бѣдно-одѣтой еврейки, заглянулъ въ открытый настежь сарай. Тамъ въ углу лежало немного старой соломы...

— Вотъ хоть тутъ полежи, что ли, пока... — нерѣшительно сказалъ онъ. — Въ лазаретъ надо бы да теперь ни у кого толку не допросишься...

Бондаренко молча ткнулся нестерпимо болѣвшей головой въ солому, натянулъ на себя оборванную, пробитую въ двухъ мѣстахъ пулями шинелишку, густо усѣянную по всѣмъ швамъ жирными вшами, и — тифъ началъ свою страшную работу въ молодомъ, сильномъ, но вымотанномъ организмѣ. А вокругъ точно въ бѣ-

совскомъ радѣніи корчился большой, обезумѣвшій городъ: стукали выстрѣлы, близкіе и далекіе, слышались крики избиваемыхъ и убиваемыхъ, пьяныя пѣсни, вой и трескъ и шипѣніе все разгоравшагося пожара, засыпавшаго весь дворъ черными тлѣющими „галками“. Но глубокое ко всему равнодушіе охватило Васютку: пожаръ — пожаръ, смерть — смерть, все равно, только бы развязка. Онъ отшвырнулъ прочь осточертѣвшую винтовку и прилегъ на сложенные вдоль стѣны тесины и сразу забылся тяжелымъ сномъ...

И вдругъ увидѣлъ онъ себя въ стройныхъ рядахъ стрѣлковъ на какой-то огромной, чистой площади. Вдали весело сверкаютъ окнами какіе-то дворцы. Колокола звонятъ въ отдаленіи. И вдругъ въ напряженной, жутко-веселой тишинѣ музыка остро и бодро заиграла гдѣ-то „встрѣчу“. Точно вѣтеръ какой пронесся по этимъ стройнымъ и грознымъ рядамъ и стрѣлки невидимо подтянулись. И музыкально пропѣлъ въ воздухѣ знакомый залиvisto-басистый голосъ: „поосолкъ, слушай: на кррраулъ!“ Что-то съ чудовищной силой металлически лязнуло по площади — ассъ - два - три! — молодья, сильныя руки впились въ надивно отчищенную винтовку и четкимъ едва уловимымъ движеніемъ голова обернулась вправо. На душѣ все необыкновенно ясно, покойно и твердо, потому, что все обычно, понятно, все на своемъ мѣстѣ, ни о чемъ не надо ни думать, ни беспокоиться, ибо это дѣло не его, а кого-то другого. И новые, болѣе близкіе, остро-бодрые звуки „встрѣчи“ точно окрыляютъ душу, точно зажигаютъ въ ней ослѣпительные снопы какой-то особенной, военной радости...

— Здорово, молодцы!... — спокойно, увѣренно, ласково въ уже страшной близости сказалъ кто-то.

— Рра-ва-ва-ва-ва... — яростно рвануло по широкой площади.

И въ восторженно-напряженной судорогѣ счастья видитъ Васютка, какъ впереди сверкающей на солнцѣ свиты идетъ что-то огромное—то, что однимъ волшебнымъ мановеніемъ простило, стерло все его прошлое,

сняло съ него всякую заботу выбора въ жизни, сдѣлало его жизнь простой, понятной и легкой только потому, что сняло съ него — его волю. И зналъ Васютка, что одно слово и онъ умретъ, одно слово и онъ прольетъ кровь, одно слово и онъ сдѣлаетъ, самъ не зная какъ, чудеса. И вотъ онъ, благостный освободитель отъ мучительной свободы, спокойно и ласково, точно совсѣмъ обыкновенный человѣкъ, сказалъ такъ близко, что духъ отъ священнаго ужаса захватило :

— Спасибо, стрѣлки!.. Молодцы...

И снова яростно рвануло по солнечной площади :

— А-ва-ва-ва-ва-ва...

Полный восторга, Васютка проснулся — на жесткихъ, шершавыхъ тесинахъ, среди дымнаго, безумно-шумнаго города. Въ мутно-багровой отъ зарева темнотѣ бредилъ что-то тяжелое, берущее за душу Бондаренко. Изъ угла жутко смотрѣли зеленые глаза испуганной кошки... Васютка всталъ, окликнулъ и разъ, и два Бондаренку, который не отозвался ни однимъ движеніемъ, постоялъ, понурившись, немного и потихоньку, безъ винтовки, вышелъ на вдругъ ярко освѣтившійся дворъ — то вспыхнулъ сосѣдній домъ. Посрединѣ двора въ черной лужѣ попрежнему недвижно бѣлѣли заголенные ноги красивой еврейки. Съ чернаго неба сыпались густо золотыя «галки»... Васютка еще постоялъ, точно вспоминая что-то большое и важное, и медленно вышелъ на пьяномытущуюся, всю въ золотисто-красныхъ отсвѣтахъ улицу съ чуть качавшимися на проволокахъ по акаціямъ и телефоннымъ столбамъ черными удавленниками и пошелъ неизвѣстно куда...

Черезъ нѣсколько минутъ ярко, разомъ вспыхнулъ сарай, гдѣ бредилъ въ нестерпимомъ жару и тоскѣ измученный Бондаренко...

IX.

Онъ — даже не Васютка уже, а неизвѣстный, безъ всякихъ документовъ, какихъ теперь бродить тысячи тысячъ, — онъ шелъ только по ночамъ, а днемъ спалъ,

то въ лѣсу, то подь берегомъ рѣчки гдѣ-нибудь, то въ сараѣ разграбленнаго покинутаго хутора, скудно питаюсь только тѣмъ, что давали ему раздраженные бабы, которыя ни о чемъ его не спрашивали, потому что самый видъ его, затравленнаго, дикаго звѣря говорилъ все ясно и безъ словъ, — то безчисленные «зеленые», скрывающіеся по лѣсамъ и всякимъ тущобамъ отъ счастливой соціалистической обязанности ходить всю жизнь по колѣна въ крови и мучить и раззорять неизвѣстно зачѣмъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Разъ онъ напоролся на латышскій разъѣздъ и его чуть не застрѣлили — пуля хватила по кустамъ на четверть отъ головы; въ другой разъ трое красныхъ наткнулись на него, когда онъ спалъ на соломѣ подь овиномъ въ какой-то глухой, лѣсной дереушкѣ, — они постояли молча надь нимъ, поглядѣли и, положивъ рядомъ съ нимъ на солому дорожку, изъ англійской кожи кисеть съ махоркой и кусокъ липкаго, тяжелаго хлѣба, молча ушли: они сами мечтали о томъ-же . . .

И уже когда заткала опустѣвшія поля серебромъ паутина, и послышался въ холодномъ небѣ говоръ гусиныхъ каравановъ, и зацокали въ красной, прохваченной морозцемъ рябинѣ по гумнамъ стаи жирныхъ пестрыхъ грозковъ, увидѣлъ онъ изъ стараго ельника знакомую картину: широкія поля съ черными островами сожженныхъ мужиками хуторовъ, свѣтлый изгибъ Ужи, направо раззоренная усадьба «Пантюковъ» — срубленный паркъ такъ и гнилъ безъ дѣла . . . — а полѣвѣе, по косо-гору, подь развѣсистыми березами, липами, черемухой — родное село со старой церковкой . . . Но — онъ не смѣлъ такъ, какъ раньше, просто, смѣло, показаться туда и легъ, пока до темноты, подь елями гдѣ посуше, на опушкѣ, откуда можно было видѣть все . . .

Онъ слышалъ возбужденный, злой гомонъ схода, а потомъ къ перевозу потрусилъ, звеня колокольцомъ, пара съ какими-то двумя молодцами; потомъ съ Заячьяго Ключика прогналъ пастухъ къ селу сильно порѣдѣвшее въ сравненіи съ прошлымъ стадо . . .

Сумерки быстро захватывали притихшую опустѣвшую землю... И, когда затеплилась въ чистомъ небѣ, какъ свѣча подѣ образами, какая-то большая жидкая звѣзда, онѣ осторожно, густымъ ольшнякомъ, пошелъ давно знакомыми тропинками къ деревнѣ, прямо къ своему гумну...

Онѣ затаился за приземистымъ, пахучимъ овиномъ, выжидая... И вдругъ услышалъ онѣ шаги босыхъ ногъ отъ бани и осторожно выглянулъ : съ пустыми ведрами къ прудку шла Аненка — должно, баню завтра топить собиралась... Больше года не видалъ онѣ ее и четко, и гулко застучало въ груди ставшее вдругъ большимъ сердце...

— Аненка! — тихонько хриплымъ голосомъ позвалъ онѣ ее изъ темноты.

Баба ахнула и отпустила ведра, которыя, звеня, откатились по привядшей травѣ въ сторону.

— Господи Иусе... — пробормотала она, прижимая руки къ налившимся грудямъ.

— Это я, Аненка, не бойся!.. — сказалъ онѣ и выступилъ изъ-за овина.

Аненка уже лежала у него на груди и давилась рыданьями, а онѣ вдругъ — точно камнемъ его стукнуло въ грудь — всѣмъ тѣломъ ощутилъ ея огромный, круглый животъ : она была брюхата и — не отъ него!.. Сильной рукой отстранилъ онѣ ее отъ себя, рыдающую глухо, понулся и не зналъ, что дѣлать...

— Иди въ избу скорѣе... иди... — даваясь, едва говорила она. — Только я передомъ... окна... завѣшу... Иди...

Она метнулась въ темноту и онѣ точно связанными ногами пошелъ за ней, узнавалъ въ ночи маленькую, пахнущую коноплей и копотью баньку, знакомыя очертанія и теплый навозный запахъ двора, крыльцо съ покосившимися ступеньками и безносимъ рукомоинкомъ на веревочкѣ... А вотъ и сѣни съ ихъ съ дѣтства знакомымъ жилымъ запахомъ... Съ тѣснотой въ груди отворилъ онѣ тихонько дверь, вошелъ и остано-

вился у порога — оборванный, волосатый, съ новыми страшными, звѣриными глазами.

Комната едва была освѣщена маленькой, безъ стекла, коптилкой. Оборванная, босая, съ огромнымъ животомъ Аненка, все давясь рыданіями, торопливо закрывала мятыми, старенькими ситцевыми занавѣсками окна; еще болѣе оборванная мать съ ухватомъ въ рукахъ испуганно замерла у печи и тяжело подымался ему навстрѣчу съ лавки смущенный, постарѣвшій, весь въ заплахахъ отецъ.

— Ну, здорово, сынокъ... — дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ онъ. — Здорово, родимый...

Васютка молча, борясь съ глубокимъ волненіемъ, обнялся со старикомъ, потомъ молча же, въ поясъ, по-крестьянски, поклонился матери, которая вдругъ рванулась къ нему, прижала къ своей изсохшей груди его лохматую голову и стала молча, изступленно цѣловать ее, а потомъ, не зная, что сдѣлать, Васютка остановился, потупившись, предъ трясущейся въ конвульсіяхъ безмолвныхъ рыданій женой, — даже плакать громко было нельзя, подслушаютъ...

— Ты вотъ что, Вася... не того... это не ея грѣхъ... — сказала смущенно Прокофій. — Она не причинна... Да... Садись вотъ, давай... Все потихоньку и узнаешь. А ты... того... мать, съ ужиномъ хлопочи — вишь, какъ онъ отощаль... И самоварчикъ бы, что ли, какъ...

— Что въ емъ толку, въ самоварчикѣ-то твоёмъ, коли сахару нѣту? — утирая глаза, сказала старуха.

— Такъ можетъ, изюмъ есть али ланпасе гдѣ завалилось...

— Завалится, жди... Садись, родимый, отдыхай... Вотъ къ свѣту поближе... А ты, Аннушка, пошла, заперла бы ворота-то... А то неровень часъ...

— Заперты, матушка...

И пока мать, плача и сморкаясь, возилась у печи, старикъ, потупившись, медлительно, отрывками говорилъ о томъ, что было. Послѣ убійства Ваньки въ лѣсу, порыскали, поискали, но въ общемъ обошлось ничего, а

какъ свалили поѣздъ въ рѣку, первымъ дѣломъ Пустыньку сожгли до-тла, а потомъ стали мужиковъ, какіе повиднѣе, хватать. Зимой, около Миколы, пріѣхали съ пулеметами за хлѣбомъ, но мужики зерно попрятали, кто гдѣ, такъ тѣ ничего и не нашли; за это въ наказаніе пригнали въ волость на постой красногвардейцевъ этихъ самыхъ, изъ рабочихъ, изъ босоты, латышей да китайцевъ, которые стали крѣпко обижать народъ. Мужики зашумѣли, ихъ усмирили: хватали, били, разстрѣливали, а Оферово все выжгли... Такъ издѣвались надъ народомъ, что и не выскажешь! Бабъ и дѣвчонокъ почти всѣхъ, стервецы, перепортили, — вотъ тогда и Аненку избидѣли. Чего, старую попадью, Евгенію Стигнѣвну, и ту, каторжное отродье, не помиловали, а вѣдь сѣдая ужъ и страшнѣе всякой мищухи... Въ петлю она влѣзла-было да вытащили... Да... По веснѣ мужики стговорились запахать земли только чтобы для себя, и земля-матушка такъ и осталась пустой, репеемъ вся поросла... Уродило плохо и мужики струхнули: не прокормиться своимъ хлѣбомъ и до масляной!..

— А сегодня опять разбойники пріѣзжали: давай для солдатовъ хошь картошки... — рассказывалъ Прокофій. — А мы всѣ какъ одинъ: рѣжь, жги, — не дадимъ, все одно околѣвать!.. И объявку издѣлали насчетъ тебя, что, дескать, пропалъ безъ вѣсти, вѣрнѣе всего, дескать, въ бѣгахъ и ежели, значить, объявится...

— Ну, чего тамъ пустое-то болтать? — съ неудовольствіемъ прервала старуха. — Вы вотъ лучше ѣшьте, пока горячая...

Всѣ молча, нехотя, всячески экономя соль, ѣли горячую картошку. Аненка, тупо уставившись ничего невидящими глазами въ полъ, сидѣла поодаль на лавкѣ, изрѣдка судорожно и глубоко вздыхая.

— Ну, а въ другихъ мѣстахъ какъ, сынокъ?..

Васютка только молча, безнадежно махнулъ рукой.

— Такъ... — протянулъ старикъ. — Значить, кругомъ шашнадцать... А нюжли правда, что самые наибольшіе царскіе генералы ихъ руку теперь тянутъ?

— Правда . . . — тускло отвѣчалъ Васютка, которому все теперь было безразлично.

— Ловко!.. Вотъ сволота-то, а? Чины, регалии, ото всѣхъ, бывало, почетъ какой, патреты это въ фальдетонѣ . . . Тьфу!..

И, когда въ старыхъ, точно изгрызенныхъ чашкахъ задымился какой-то, пахнущій прѣлой сѣнной трухой, настой, Прокофій, осторожно понизивъ голосъ, спросилъ:

— Ну, а насчетъ . . . хозяина какъ? У насъ вонъ старики изъ рукъ старинныхъ книгъ не выпускаютъ: чрезъ три года — написано вишь, — придетъ всему конецъ и явится съ южной стороны великій князь Михаилъ . . . Право слово, такъ и написано! У васъ какъ тамъ на счетъ этого?..

Васютка поднялъ отъ блюдечка глаза и вдругъ увидѣлъ на стѣнѣ въ рамкѣ изъ мелкихъ раковинокъ свой старый портретъ: молодой, статный стрѣлокъ въ полной формѣ, со знакомъ за отличную стрѣльбу на груди, въ начищенныхъ сапогахъ, стоитъ молодцомъ, вытянувшись въ струнку, и руку эдакъ на тунбу, вродѣ какъ баринъ, положилъ . . . И ярко вспыхнулъ въ душѣ волнующій сонъ, что видѣлъ онъ тамъ, въ сараѣ, среди пылающаго города. И, освѣтившись немного въ заолодавшей душѣ, отвѣчалъ:

Извѣстно, нельзя безъ этого . . . Глупость все это одна . . . Многие поняли да боятся . . .

— Ну, слава Тебѣ, Господи!.. — сказалъ старикъ удовлетворенно. — И здѣсь, баютъ, будто, за Волгой опять видѣли, только не Михайлу, а быдто самого, Миколая Лександрыча. Это, вишь, нарочно каторжные-то слухъ пустили, что убили его, — живъ, быдто, батюшка, только скрылся отъ ихъ.. — говорилъ старикъ и, вдругъ, поставивъ блюдечко на столъ, повернулся къ страшному сыну своему, перекрестился и горячо сказалъ: — И вотъ тебѣ крестъ святой: только явись, всѣ мужики подымутся — вѣтру дыхнуть на него не дадутъ, пылинкѣ сѣсть не допустятъ, а не то что! И прямо такъ всѣ въ ноги и упадемъ: хошь казни, хошь милуй, пресвѣтлое твое величество, — вотъ тебѣ наши дурьи головы, руби!.. Только

такъ мужики думаютъ: все, милосливый, проститъ намъ, дуракамъ. Потому только въ мужикѣ ему теперь и опора, — баринишки, стервецы, жидамъ его предали; не гляди вотъ что ученые, а какими подлецами себя передъ имъ оказали! А ужъ онъ-ли ихъ не жаловалъ, онъ ли не ублажалъ? И призоветъ онъ мужиковъ и скажетъ: вотъ мужики, берите себѣ всю землю ихнюю, потому измѣнщики они Расеѣ, а мнѣ давайте хлѣба, денегъ давайте, сыновей давайте — хочу я воздать теперь всѣмъ недругамъ нашимъ! И всѣ скажемъ: бери, все бери — только законъ намъ дай да порядокъ... Тутъ-то Расея и встанетъ — силушки-то много еще у насъ, только ты въ оглобли-то, въ оглобли-то насъ, дураковъ. введи... И...

Дробный осторожный стукъ раздался подъ окномъ. Всѣ лица разомъ насторожились. Старикъ молча указалъ сыну на дверь и тотъ быстро и безшумно скользнулъ черезъ черныя сѣни въ «задню». И Прокофій, осторожно приоткрывъ ситцевую занавѣску, спросилъ спокойно: кто тамъ?

— Я, Кузьма, староста... — отозвался глухой голосъ изъ темноты. — Велика отворить, дядя Прокофій, — слово къ тебѣ есть...

— А, можетъ, до утра лутче? — опасливо отозвался Прокофій, зорко вглядываясь въ темноту.

— Нѣ, надо поскорѣе. Ничего, не опасайся... — ниже прибавилъ онъ.

Прокофій подумалъ, вздохнулъ и пошелъ отпирать самъ. Староста — такъ по привычкѣ звали мужики новое начальство — дѣйствительно былъ одинъ. У старика отлегло отъ сердца.

— Вотъ что, дядя Прокофій... — заговорилъ тотъ тихо, но возбужденно. — Тутъ Настенка, паршивая, подслушала у прудка, что твой Васютка объявился... постой, постой: мое дѣло сторона, я ничего не знаю... сегодня твой явился, завтра мой явится... такъ я тутъ ничего знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, а только какъ тамъ хочешь, а парня спрячь — мало-ли ихъ теперь въ лѣсу, около Раменья, живетъ?.. А то, понимаешь, чѣмъ это

пахнетъ? Давно ли каторжные старосту-то ремневскаго за это самое разстрѣляли? А народъ у насъ дуракъ — въ маментъ все разболтаетъ...

Помолчалъ Прокофій значительно, а потомъ тихо сказалъ:

— Ладно. Понимаемъ... Спасибо...

И снова староста зашепталъ что-то быстро и виновато...

— Да понимаю, понимаю... Ладно.

И, когда на-крѣпко заперъ старикъ дубовымъ засовомъ калитку за собой, онъ вызвалъ изъ «задней» сына и въ сумракѣ едва освѣщенной потухающей коптилкой — керосину больше не было — комнаты долго шло совѣщаніе, что дѣлать и какъ быть... Путнаго ничего придумать не могли и рѣшили, что утро вечера мудренѣе...

Х.

Только за полночь стали засыпать всѣ — думы мѣшались. А Васютка и вовсе заснуть не могъ. Въ душѣ у него было пусто и холодно. Завтра, значить, опять бѣги, какъ дикій звѣрь къ Раменью, въ лѣса, въ эти черныя землянки смолокуровъ, и опасайся, и трясись. Хлѣба опять у старика мало, жену опоганили, впереди темно... И хорошо простять, а ежели нѣтъ? Да и какъ простить?.. Ребятъ изъ оконъ на камни швыряли, города жгли, всю Расею погубили — немисленное это дѣло, чтобы все это такъ сошло. Да и все одно это — усталъ онъ, замучился и больше не можетъ и не можетъ...

Онъ всталъ, какъ будто до вѣтру, и вышелъ. Занималось холодное, сырое, непогожее утро. И непривѣтливо глядѣла пустынная, осенняя земля... И чего тамъ еще неизвѣстно за что мучиться?

Прокофій слышалъ, какъ вышелъ сынъ, подождалъ немного и тоже поднялся.

— Ты что, Прокофій? — почему-то тревожно спросила неспавшая уже старуха.

— Такъ. Лошадь надо провѣдать...

Онъ вышелъ, тревожный. На крыльцѣ сына не было. Онъ спустился на дворъ и въ густомъ еще сумракѣ увидѣлъ длинное тѣло въ рваной солдатской шинели англійскаго образца, висѣвшее съ перемета на узловатыхъ веревочныхъ вожжахъ, а рядомъ, на землѣ, на старой, засаленной шапкѣ бережно положенный тяжелый, мѣдный, старинный крестъ...

И в. Н а ж и в и н ъ.

Къ вопросу о соединеніи Церквей.

Въ дни великой русской скорби взоры вѣрующихъ русскихъ людей съ любовью и надеждой обращены къ Церкви. Все тѣснѣе собираемся мы вокругъ нашихъ храмовъ и въ таинствахъ вѣры нашей, въ дивныхъ молитвахъ нашего православнаго обряда находимъ миръ и утѣшеніе. И другіе русскіе люди, но давно отошедшіе отъ вѣры отцовъ, тоже обращаютъ свои взоры къ Церкви, потому что видятъ, что только Церковь неизблемо стоитъ среди развалинъ Россіи, что только въ ней среди великихъ потрясеній нашихъ сохранилась красота и правда жизни, сохранилось и то свое, родное, что властно заговорило въ нашихъ душахъ. И уже многіе начинаютъ сознавать, что не въ политическихъ или соціальныхъ формулахъ, а въ исконной вѣрѣ народной — залогъ воскресенія родины.

Вопросы вѣры и Церкви все болѣе и болѣе приобрѣтаютъ острое, жгучее значеніе для русскихъ людей. Среди игры политическихъ страстей и честолюбій со дна взбаламученнаго русскаго моря поднялись темныя силы, во всей наготѣ своей показалось злое начало, глубоко заложненное въ человѣческой природѣ начало грѣха. И мы начинаемъ понимать, что въ борьбѣ съ этимъ зломъ человѣческія силы недостаточны, что нужна иная, высшая помощь; мы начинаемъ понимать,

что борьба, раздирающая Россію, — не русское только, но міровое явленіе; начинаютъ понимать это и наиболѣе вдумчивые люди на Западѣ. И поневолѣ возникаетъ вопросъ: не настало ли время рѣшительной борьбы между христіанствомъ и невѣріемъ, не настало ли время для объединенія въ этой борьбѣ всего христіанскаго міра; и, если общая борьба необходима, неизбежна, — не пришло ли время сгладить внутреннія раздѣленія христіанства, воссоединить оторванныя другъ отъ друга части его, прежде всего, двѣ главныя части, изъ которыхъ каждая признаетъ за собой вселенское значеніе: православіе и римское католичество?

Такъ изъ страданій современной жизни вырастаетъ вновь вопросъ о соединеніи Церквей, неоднократно поднимавшійся со времени раскола одиннадцатаго вѣка.

На этотъ вопросъ даетъ опредѣленный отвѣтъ римская Церковь. Она указываетъ, что соединеніе Церквей было всегда главной заботой римскихъ первосвященниковъ, и только распыленіе восточной Церкви, преобладающей въ отдѣльныхъ частяхъ ея узкій націонализмъ всегда являлись препятствіемъ единству. Римское католичество сверхнаціонально, универсально; оно спаяно во-едино твердой властью преемниковъ Святого Петра и, благодаря этому внутреннему единству, представляетъ именно ту силу, которая необходима въ борьбѣ съ общимъ врагомъ.

Въ католическомъ мірѣ происходитъ сильное движеніе въ сторону Востока. Католическая богословская и церковно-историческая наука удѣляетъ особенное вниманіе Православію; усиленно изучаются творенія отцовъ восточной Церкви, православный обрядъ, современное состояніе православныхъ Церквей. Главное вниманіе удѣляется русской православной Церкви, которая, несмотря на униженіе русскаго народа, все-же считается важнѣйшей частью Православія.

Минувшимъ лѣтомъ въ одной изъ Парижскихъ церквей ученый и блестящій проповѣдникъ горячо призывалъ къ воссоединенію съ русской православной Церковью. Онъ указывалъ, что, хотя русская Церковь,

вмѣстѣ со всѣмъ Востокомъ оторванная отъ Рима и порабощенная свѣтской властью, утратила нѣкоторыя части вселенскаго преданія, она сохранила полноту Христовой благодати и преемство апостольскаго рукоположенія, а русскій народъ, въ массѣ своей, сохранилъ во всей чистотѣ завѣты евангельской любви. «Какъ же, мы, католики, спрашивалъ ораторъ, отнеслись къ русской Церкви въ годину ея бѣдствій? Не возложили ли мы на нее грѣхи небольшой кучки русскихъ вѣроотступниковъ? Старались ли помочь ей? Мы глубоко передъ ней виноваты; мы должны непрестанно молиться о русскихъ христіанахъ, должны помогать имъ въ ихъ страданіяхъ. Всѣ мы, христіане, должны быть солидарны въ великой задачѣ защиты дѣла Божія.»

Это — не только слова. Мы знаемъ, что представители католическаго духовенства оказывали щедрую помощь русскимъ бѣженцамъ въ Константинополѣ, что Святѣйшій престолъ широко отозвался на призывъ о помощи русскому голодающему народу. И въ нашемъ русскомъ обществѣ слышны рѣчи: какъ отнесемъ мы къ призыву римской Церкви? Отвергнемъ ли протянутую намъ руку? Въ минуту грозной опасности будемъ ли замыкаться въ нашей церковной обособленности? Не соединимся ли съ великой силой западной Церкви для борьбы съ врагами христіанства?

Вопросъ этотъ — очень большой и очень трудный, требующій, для правильнаго сужденія, и богословскихъ, и историческихъ знаній. Но въ настоящее время онъ привлекаетъ вниманіе не только церковныхъ, но и свѣтскихъ круговъ; поэтому на каждомъ изъ насъ, православныхъ мірянъ, лежитъ обязанность внимательно вникнуть въ него, освободить его отъ вліянія побочныхъ, хотя бы и глубоко значительныхъ соображеній и поставить его на ту высоту, на которой только и возможно правильное пониманіе его.

Необходимо воздержаться отъ попытокъ разрѣшенія этого вопроса въ духѣ нашихъ житейскихъ взглядовъ и привычекъ, отъ внесенія въ него политическихъ пріемовъ. Когда два народа заключаютъ политическое

соглашеніе или союзъ, они останавливаютъ свое вниманіе на общихъ цѣляхъ своихъ и путемъ компромисса подчиняютъ этимъ цѣлямъ второстепенные, иногда противорѣчивые интересы свои; соглашеніе или союзъ создается въ данное время, при данныхъ условіяхъ и въ ходѣ міровой исторіи имѣетъ временное значеніе.

Вопросъ соединенія Церквей — вопросъ вѣры и спасенія. Это — та точка, съ которой его нельзя сдвинуть. Вѣра, обладаніе истиной, не допускаетъ ни уступокъ, ни соглашеній. Мы, православные, вѣримъ, что православная Церковь сохранила въ неприкосновенности полноту истины Христовой и не можемъ, не переставъ быть православными, отказаться отъ этой вѣры. Истина не зависитъ отъ воли людей, ни отъ цѣлей, хотя бы самыхъ возвышенныхъ, къ которымъ люди стремятся; наоборотъ, она направляетъ волю и ставитъ цѣли.

Слышится такое возраженіе: пусть незыблемо главное, существенное, — надо отдѣлить главныя, неизмѣнныя христіанскія истины отъ второстепеннаго, мѣстнаго, и этимъ путемъ искать соглашенія.

Но что въ Церкви главное, и что — второстепенное? Говорятъ, второстепенное обрядъ, вопросы дисциплины, управленія; нѣкоторые добавляютъ: и догматы, не касающіеся основныхъ истинъ христіанства. Но, конечно, всякій догматъ составляетъ часть вѣроученія Церкви, христіанскую истину, а полуистины не бываетъ. Но и обрядъ, какъ внѣшнее проявленіе внутренняго содержанія Церкви, тѣсно связанъ съ самыми глубокими вопросами вѣры; обрядъ — символъ, прикрывающій глубокую внутреннюю правду, и измѣненіе его можетъ коснуться основы вѣроученія. Самый трудный вопросъ въ дѣлѣ единенія Церквей — власть и значеніе римскаго первосвященника — нерѣдко вызываетъ поверхностныя сужденія; говорятъ, что это — вопросъ внѣшняго строя Церкви, церковнаго управленія, результатъ историческаго процесса, получившій въ свое время остроту на почвѣ честолюбивыхъ замысловъ той и другой стороны; что нынѣ эта острота прошла, и рѣшить его

нужно, по условіямъ настоящаго времени, съ точки зрѣнія пользы и цѣлесообразности. Но римская Церковь, конечно, не смотритъ на власть преемниковъ Святого Петра, какъ на исторически сложившееся явленіе, а видитъ въ ней божественное установленіе, заповѣдь Христа. Если православная Церковь такого значенія папской власти не признаетъ, то, значитъ, тутъ опять — коренное различіе вѣры, а въ этой области нѣтъ ни главнаго, ни второстепеннаго, все одинаково значительно, все вѣчно.

Передъ этой областью мы, православные міряне, должны смиренно и благоговѣнно остановиться, сдержавъ лучшіе порывы наши къ желанному единству, ибо намъ, мірянамъ, не дано рѣшать эти вопросы; данная намъ полнота Христовой истины раскрывается и выражается только соборне всей Церковью, изволеніемъ Духа Святого.

Раздается и другое мнѣніе: если, по человѣческому разумѣнію, невозможно соединеніе, то, можетъ быть, возможенъ союзъ, можно въ общеніи Церквей удовлетвориться общностью основныхъ истинъ христіанства, единствомъ сверхконфессіональнымъ, предоставивъ каждой Церкви область ея особыхъ вѣрованій и особенностей внутренней жизни.

Тутъ — неправильное пониманіе сущности Церкви. Церковь — не только доктрина, вѣроученіе. Она — живое общество людей, связанныхъ вѣрою, таинствами и іерархіей, она — организмъ, тѣло Христово. Внѣ этого церковнаго тѣла нѣтъ жизни христіанской, нѣтъ и самаго христіанства. Союзъ на почвѣ основныхъ истинъ христіанства поведетъ лишь къ отвлеченному деизму, т. е. къ отрицанію и Церкви, и христіанства.

Такъ на первыхъ же порахъ, при внимательномъ разсмотрѣніи вопроса, задача соединенія Церквей представляется неразрѣшимой. Каждая Церковь, считая себя обладательницей полноты истины, можетъ лишь ожидать отъ другой отказа отъ заблужденій, возврата къ хранимой ею истинѣ. Такъ именно при каждой реальной попыткѣ соединенія поступала римская Церковь, и мы

не должны этому удивляться, потому, что не иначе поступила бы и православная Церковь.

Между тѣмъ во всѣхъ насъ, христіанахъ, глубоко заложено сознание необходимости единства, сознание, что Церковь Христова иначе, какъ единой, быть не можетъ. Въ каждой вѣрующей душѣ глубоко запечатлѣлись слова Спасителя, когда Онъ, окончивъ земное дѣло Свое и заповѣдавъ апостоламъ его продолженіе, молился о нихъ и о всѣхъ вѣрующихъ: Отче Святой! соблюди ихъ во Имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты Мнѣ далъ, чтобы они были едино, какъ и Мы... Не о нихъ только молю, но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ, да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино.

Вотъ, въ зачаткѣ — вся Церковь Христова, съ ея іерархіей и паствою, Церковь единая, внѣ которой — міръ, возненавидѣвшій учениковъ Христовыхъ, не принявшій Христа. Что-же? Значитъ ли это, что внѣ нашей православной церкви нѣтъ христіанъ? Противъ этого говоритъ и чувство христіанской любви, и простая справедливость; мы должны признать, что внѣ спасительной ограды нашей Церкви есть христіане, пусть заблудшіе, пусть потерявшіе полноту истины, но — христіане, и потому мы должны признать, что раздѣленіе — временное, что единство необходимо; и не для той или другой цѣли, хотя бы самой возвышенной, но потому, что оно вытекаетъ изъ самой сущности Церкви и заповѣдано Христомъ.

Таково внутреннее противорѣчіе вопроса о соединеніи Церквей, когда мы сіе разсматриваемъ со стороны человѣческихъ способовъ и средствъ. Мы сознаемъ необходимость единства и признаемъ его невозможность.

Что же намъ дѣлать? Вѣруя въ единую спасительную силу нашей православной Церкви, откажемся ли отъ надежды на соединеніе съ ней остальныхъ христіанъ? Но не будетъ ли въ этой вѣрѣ нашей недостатокъ вѣры въ непреложность заповѣди Христа? Отказаться ли отъ всякой дѣятельности въ пассивномъ

ожиданіи возврата западныхъ христіанъ къ нарушенному единству? Но не уподобимся ли мы рабу лукавому, сказавшему господину своему: вотъ, я возвращаю талантъ твой, возьми свое?

Въ недоумѣніи нашемъ вернемся къ словамъ Спасителя. Единство, которое Онъ такъ повелительно заповѣдалъ намъ, не внѣшнее только, а внутреннее, нераздѣлимое, нерасторжимое, не единство дѣйствій, стремленій и цѣлей, а предвѣчное единство Сына съ Отцомъ. На человѣческомъ языкѣ такое единство называется любовью.

Вотъ гдѣ ключъ къ пониманію вопроса о единствѣ Христовой Церкви. Мы уповаемъ на возможность и стоимъ передъ невозможностью, ищемъ путей и не находимъ. Но путь есть, это — путь всепобѣждающей христіанской любви.

Мы, міряне, не можемъ подходить къ христіанамъ другихъ исповѣданій путемъ соглашеній или компромиссовъ въ области нашей вѣры, потому что это — область незыблемаго ученія Церкви. Трудно и безцѣльно стоять на почвѣ исторической, потому что здѣсь внѣшне продолжается бесплодный споръ, лишь ожесточающій обѣ стороны. Не можемъ мы ограничиться и областью церковно-политической, потому что вопросъ стоитъ безконечно выше. Но въ нашей власти подойти къ каждому христіанину съ чувствомъ любви и мира, стараться разгадать его внутреннюю духовную жизнь, понять его вѣрованія, какъ онъ самъ ихъ понимаетъ, и открыть ему свою душу, сокровища нашей вѣры.

Большаго мы сдѣлать не можемъ, но большаго и не нужно, потому что безъ единенія любви не можетъ быть единства церковнаго, и если мы сойдемся въ духѣ любви, то, вѣримъ, остальное сдѣлаетъ живущій въ Церкви Духъ Божій.

Спросимъ же себя: осуществляется ли въ отношеніяхъ между христіанами этотъ законъ любви?

Мы, православные, относимся къ католическому міру съ глубокимъ недовѣріемъ. Мы мало, почти со-

всѣмъ незнакомы съ религіозной жизнью католиковъ. Благочестіе вѣрующихъ, труды христіанскаго милосердія, достиженія личной святости, духъ подвижничества, то, что составляетъ внутренній духовный міръ вѣрующаго католика, намъ почти не извѣстно, а внѣшнія формы, въ которыхъ проявляется эта духовная жизнь, намъ чужды и часто непонятны.

Насъ раздѣляетъ и вѣковая отчужденность, и глубокое психологическое различіе между Востокомъ и Западомъ; намъ чужды разсудочность католичества, его склонность къ юридическимъ нормамъ въ духовной жизни, практичность западной Церкви, значеніе, которое она придаетъ внѣшней дисциплинѣ, и живущій въ ней, чисто мірской съ нашей точки зрѣнія, духъ господства.

Преградой стоятъ между нами и историческія воспоминанія. Наши вѣковыя сношенія съ католичествомъ переплетаются съ событіями политическими, которыя оставили тяжелый слѣдъ въ народной памяти. Католическая пропаганда пользовалась въ своихъ цѣляхъ нашей вѣковой распрей съ Польшей и тяжелымъ лихолѣтіемъ семнадцатаго вѣка; римская Церковь доселѣ въ ходѣ русской исторіи была на сторонѣ врага, какъ сила, намъ чуждая. Православіе строило русское государство и создавало русскую народную жизнь, наше національное и политическое единство; наоборотъ, католичество являлось врагомъ нашихъ національных стремленій. Это — страницы прошлаго, которыя трудно вычеркнуть; память о нихъ, часто безсознательно, доселѣ живетъ въ глубинахъ русской души и до сихъ поръ, иногда вопреки волѣ нашей, вліяетъ на наши отношенія къ католическому Западу.

Сложный и неразрѣшимый съ религіозной точки зрѣнія вопросъ о соединеніи Церквей осложняется съ нашей стороны остротой національнаго чувства. Именно за это внесеніе національнаго элемента въ религіозную область и упрекаетъ насъ католичество. Римъ обвиняетъ нашу Церковь въ узкомъ націонализмѣ, въ забвеніи вселенскаго начала, которое хранитъ только

сверхнаціональная, универсальная римская Церковь. Но вселенское сознание православія выражается не во внѣшнихъ формахъ, не въ единой державѣ видимаго главы Церкви, а въ единомъ, возглавляющемъ ее Христѣ, въ единствѣ и чистотѣ вѣры, которую оно сберегло отъ временъ апостольскихъ, и въ общеніи православныхъ Церквей. Отдѣльныя восточныя Церкви видимо разъединены, историческіе пути ихъ далеко разошлись, но и плѣненный Исламомъ Востокъ, и могучее русское православіе не разошлись въ вѣрѣ своей и, ставши Церквами національными, остались вѣтвями одного общаго ствола — древняго православія. И въ наши тяжелые дни не сказалось ли это единство, это общеніе въ томъ братскомъ радушіи, съ которымъ отнесли къ намъ, русскимъ бѣженцамъ, православныя славянскія Церкви?

Въ то-же время Церковь наша дѣйствительно національна, народна, даже простонародна, и въ этомъ — наше великое счастье; она проникла въ самую глубину народной жизни, создала намъ національный обликъ и послѣ, въ дни нашего униженія, одна хранитъ наше народное единство. Слѣдуетъ ли упрекать насъ за то, что мы, на ряду съ религіозными основаніями, въ силу нашего національнаго сознанія ревниво оберегаемъ нашу Церковь отъ иноземнаго вліянія? Мы оберегаемъ переданную намъ отцами правду и красоту православія и то свое, что мы внесли въ него, то, что раскрылъ въ его неисчерпаемомъ богатствѣ русскій гений. Мы приняли отъ Византіи огромную работу богословствующей мысли и свято сохранили ее, но мы прибавили и свое. Русскій народъ вскрылъ внутреннюю, мистическую сущность православія, внутреннее ощущеніе святости, и воплотилъ его въ великихъ образахъ русскихъ подвижниковъ. И не богословы, не книжники поняли и выявили эту сущность, а наши старцы-монахи, наши скромные сельскіе священники, наши странники и странницы, простые русскіе люди. И мы, хотя и далекіе отъ этой народной вѣры, все же, по вѣрному внутреннему чувству, оберегаемъ эту святыню нашу отъ соприкосновенія съ другимъ

міромъ, который, можетъ быть, не пойметъ насъ и презрительно, съ высоты культурнаго величія отнесется къ нашему простонародному православію.

Но, можетъ быть, всѣ эти опасенія относятся къ прошлому, можетъ быть, пора забыть это прошлое и прежнія ошибки римской Церкви? Въ наши дни, особенно со временъ Льва XIII-го, Римъ выказываетъ не только доброжелательность, но уваженіе къ православному міру. Онъ не стремится насиловать ни наше религиозное сознаніе, ни наши національныя стремленія, онъ только открываетъ намъ братскія объятія.

Такъ говоритъ римская Церковь, и такъ думаютъ, мы охотно этому вѣримъ, многіе искренніе ея представители. Но, къ сожалѣнію, — не вся Церковь. Въ ней еще не видно отказа отъ старыхъ пріемовъ, отъ пользованія мірскими средствами и силами для достиженія внѣшняго единства.

Въ католическихъ кругахъ сложилось и держится мнѣніе, что русская Церковь, какъ и вся Россія, находится въ состояніи разложенія и безсилія, и этимъ состояніемъ ея надо пользоваться, чтобы утвердить въ ней вліяніе католичества. Исходя изъ ложнаго взгляда, что русскій монархъ былъ главой, властителемъ Церкви, приходятъ къ выводу, что нынѣ русская Церковь потеряла свой главный устой и будетъ поневолѣ искать опоры во внѣшней силѣ; сила же эта — въ римскомъ престолѣ. Съ этой точки зрѣнія грозныя событія въ Россіи, хотя и подлежатъ осужденію по дикости и звѣрству ихъ проявленій, для цѣлей католичества полезны и должны быть использованы. Политическій распадъ Россіи дробитъ и обезсиливаетъ русскую Церковь; поэтому особенное вниманіе католическихъ круговъ должно быть обращено на малорусскій сепаратизмъ и стремленіе ничтожной части малорусскаго образованнаго общества къ церковному обособленію отъ Москвы.

Съ такими взглядами приходится встрѣчаться и въ печати, и въ рѣчахъ дѣятелей римской Церкви,

и въ бесѣдахъ съ вѣрующими католиками. И мы знаемъ, что въ настоящее время дѣятельно готовятся силы для проведенія въ Россіи уніи.

Нѣтъ надобности говорить, что эта точка зрѣнія глубоко ошибочна и изобличаетъ вѣковую слабость Запада въ русскихъ вопросахъ — неспособность понять происходящія въ русскомъ мірѣ явленія. Намъ, православнымъ русскимъ, хорошо извѣстно, что Церковь наша, нынѣ гонимая и страдающая, крѣпнетъ и растетъ подъ объединяющей властью всероссійскаго патріарха, и корнями своими посредствомъ приходскаго объединенія крѣпко держится въ толщѣ народной. Знаемъ мы также, что окраинныя стремленія преходящи, что малорусскій сепаратизмъ, а съ нимъ и стремленія къ церковной автокефаліи не находятъ отклика въ массѣ народной. И приходится признать, что, рассчитывая для достиженія своихъ цѣлей на современныя политическія обстоятельства, Западная Церковь впадаетъ въ прежнія ошибки свои, что, пользуясь политическими силами, она, какъ въ старину, можетъ возбудить противъ себя грозныя національныя силы и тѣмъ лишь отдалить грядущее единство.

Эти приемы, ошибочные съ точки зрѣнія политической, глубоко неправильны въ смыслѣ религіозномъ. Пользоваться политическими средствами въ цѣляхъ единенія Церкви нельзя, не затемняя вопроса, не низводя его съ высоты вѣчной религіозной истины въ область временныхъ человѣческихъ отношеній. Для православнаго христіанина дѣло Церкви всегда было и останется дѣломъ вѣры и спасенія.

Но особенно неправильны эти приемы въ отношеніи нравственномъ, потому что въ основѣ ихъ нѣтъ христіанской любви. Страданія русскаго христіанскаго народа должны вызвать со стороны другихъ христіанъ проявленіе любви и поддержку въ борьбѣ его съ мировымъ зломъ, а не разсматриваться, какъ условія, благоприятныя для достиженія хотя бы возвышенныхъ цѣлей. Внѣшнее единство можетъ быть создано только на единствѣ внутреннемъ, на согласіи сердець, на един-

ственной основѣ христіанской любви. Эту любовь католической Церкви дано проявить въ этотъ грозный для русской Церкви часъ.

Въ происходящей на нашихъ глазахъ открытой борьбѣ противъ христіанства тѣхъ темныхъ силъ, которыя ему отъ вѣка противятся, православная русская Церковь приняла на себя первый жестокий ударъ, приняла — и не дрогнула, но стоитъ и утверждаетъ на крови своихъ мучениковъ. Но опасность велика, опасность не только для православія, но для всего христіанскаго міра, и для самой католической Церкви.

Куда же направить католическая Церковь свои силы, свою твердую дисциплину, свою вѣками накопленную мудрость? На то ли, чтобы ради внѣшняго единства привлечь подъ свое начало русскихъ христіанъ, или на то, чтобы своимъ мощнымъ голосомъ призвать западныхъ христіанъ къ помощи русской Церкви противъ общаго врага — невѣрія и богоборства?

Пришелъ послѣдній часъ. Мы уже ясно видимъ, что русская смута — не политическое и не социальное движеніе, что въ основѣ ея — вѣковая борьба тьмы противъ свѣта, зла противъ добра. И властно ставится вопросъ: Богъ или князь міра сего, Христосъ или антихристъ? Русская православная Церковь отвѣтила на него страданіями своихъ сыновъ, крестными ходами съ пѣніемъ: Христосъ Воскресъ, и сомкнутымъ строемъ вокругъ владыки патріарха.

Слышенъ ли голосъ католической Церкви? Содрогнулась ли она передъ неслыханными страданіями христіанскаго народа? Заклеймила ли святымъ негодованіемъ гоненіе на христіанскую Церковь?

Въ началѣ этой статьи мы привели вопросъ: какъ отнесемъ мы къ призыву католической Церкви? Отвергнемъ ли протянутую намъ руку?

Мы, православные, не нарушимъ закона любви. Въ сердцахъ нашихъ по отношенію къ западнымъ христіанамъ не должно быть ни горечи, ни осужденія; мы должны искренно, всѣмъ сердцемъ стараться ближе

узнать ихъ, понять ихъ духовный міръ; въ личныхъ отношеніяхъ нашихъ мы должны отложить всякое предубѣжденіе, мы должны стараться устранить вѣками накопленныя недоразумѣнія и недомолвки; но именно поэтому мы можемъ и должны открыто сказать имъ: вы стоите на невѣрномъ пути; отложите заботы о внѣшнемъ, формальномъ единствѣ; передъ вами иная грозная задача: поймите, что нашъ врагъ — вашъ врагъ; ополчитесь вмѣстѣ съ нами на невѣріе и безбожіе; дѣйствуйте за одно съ нами. Въ общей борьбѣ противъ общаго врага мы ближе сойдемся, научимся другъ друга уважать и любить. Пусть единству внѣшнему предшествуетъ единеніе любви. Это — единственный путь къ грядущему единству, которое Господь совершитъ въ свой день. Другихъ путей нѣтъ. Мірскія силы, человѣческія средства въ дѣлѣ Божіемъ не нужны.

П. Извольскій.

Большевизмъ и культура.

Въ такъ называемомъ русскомъ большевизмѣ и современная и будущая политическая мысль должна бы различать два совершенно различныхъ явленія: большевизмъ политическій и большевизмъ, можно сказать, біологическій. Первый — политическій — большевизмъ явленіе абсолютно не русское, не національное, а напротивъ — глубоко интернациональное, только случайно связанное съ именемъ «русской» фракціи соціалъ - демократической партіи большевиковъ, на столько же русской, на сколько русскими являются евреи Троцкій, Зиновьевъ, Стекловъ и другіе такіе же столпы совѣтской власти въ Россіи. Второй — біологическій — большевизмъ, въ такихъ яркихъ, кроваво-красочныхъ формахъ проявившійся съ первыхъ же дней русской революціи въ дикомъ, разгульномъ бунтарствѣ товарищ е й - м а т р о с о в ъ на судахъ русскаго флота, самыхъ разнообразныхъ т о в а р и щ е й изъ среды подлиннаго русскаго народа, вездѣ и всюду, — и на фабрикахъ, и на желѣзныхъ дорогахъ, и въ войскахъ, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу, и даже въ подлинной русской деревнѣ, среди, главнымъ образомъ, молодыхъ поколѣній русскаго земледѣльческаго крестьянства, — явился стихіей, въ которой, дѣйствительно, повиненъ и русскій народъ. Душитъ, топить, вырѣзывать, разстрѣливать офицеровъ, инженеровъ,

помѣщиковъ и всѣхъ, кого только политической сознательности этихъ товарищей вздумается зачислить въ ряды враговъ революціи, въ ряды буржуевъ и т. п. — въ этомъ проявлялось высшее напряженіе и выраженіе русскаго — увы, къ несчастью и позору, дѣйствительно, русскаго — біологическаго большевизма. Впослѣдствіи въ чрезвычайкахъ, въ этихъ страшныхъ застѣнкахъ че-ка, — продуктѣ организованнаго революціоннаго творчества вождей политическаго большевизма, постаравшихся и съумѣвшихъ до извѣстной степени замѣнить революціонный самосудъ большевистской стихіи якобы государственнымъ самосудомъ чрезвычайныхъ комиссій, — увы, и здѣсь палачами были все же не одни только латыши и китайцы, были и подлинно русскіе люди. Были тѣ самые простые русскіе люди, о мягкихъ душевныхъ качествахъ которыхъ, о глубоко — хотя бы и совершенно непосредственномъ — христіанскомъ религіозномъ чувствѣ которыхъ такъ много писалось и говорилось не только у насъ въ Россіи, но и далеко за предѣлами ея, которые даже и въ мрачныхъ картинахъ Достоевскаго казались едва-ли способными на то, на что они оказались способными во время русской революціи, особенно, конечно, въ большевистскій ея періодъ. Въ человѣкѣ съ чисто біологической силой проснулся человѣкъ-звѣрь, самое отвратительное чудовище среди звѣрей, такъ какъ кровожадное чувство звѣря усиливалось, разнообразилось и доводилось до высоты кровожаднаго творчества сознаніемъ человѣка. Біологическое явленіе атавизма, т. е. неожиданнаго проявленія такихъ свойствъ, которыя присущи были весьма отдаленнымъ предкамъ, несомнѣнно составляло одну изъ реальныхъ основъ русскаго стихійнаго большевизма.

Чѣмъ ближе народъ по своему культурному уровню къ отдаленнымъ предкамъ современнаго человѣчества, тѣмъ ярче, грубѣе и страшнѣе формы этого, психологическаго атавизма. Чѣмъ поверхностнѣе налетъ истинной культуры на человѣкѣ, на отдѣльныхъ слояхъ народа, тѣмъ легче ожидать этого атавизма, тѣмъ

опаснѣе играть на такихъ стрункахъ психологiи и съ такими ученiями и опытами социально-политическаго порядка, которыя могутъ являться возбудителями биологическихъ инстинктовъ чело в ѣ ка - зв ѣ ря, въ неуловимыхъ атомахъ живущихъ въ крови всякаго современнаго чело в ѣ ка, не только мало-культурнаго, но иногда и высоко-культурнаго. Е д и н и ч н о биологическiй большевизмъ, возрожденiе чело в ѣ ка - зв ѣ ря, можетъ проявляться среди представителей болѣе культурныхъ слоевъ народа: вѣдь Ленинъ, говорятъ, отпрыскъ симбирскаго дворянскаго рода, хотя бы и съ монгольскими раскосыми глазами; вѣдь, Чичеринъ — отпрыскъ извѣстнаго русскаго дворянскаго рода; вѣдь интеллигентный и культурный уровень всѣхъ вообще вождей и сколько-нибудь сознательныхъ дѣятелей политическаго большевизма, на которыхъ, конечно, полностью падаетъ кровь, пролитая палачами изъ чрезвычайекъ и стихійнаго самосуда чело в ѣ ка - зв ѣ ря въ русской революціи, настолько высокъ, что считать ихъ равно-отвѣтственными съ стихійно-революціонными народными массами никакъ невозможно. Политическіе большевики — все же вожди, а не жертвы стихійной революціи, стихійнаго большевизма. Они е д и н и ц ы изъ тѣхъ социальныхъ слоевъ, представителями которыхъ они являются по своему культурному уровню. Они единицы, они даже отбросы этихъ слоевъ, случайно, благодаря политическимъ репрессіямъ стараго строя, попавшіе на путь совершенно исключительной политической карьеры и уже помимо воли не имѣвшіе возможности свернуть съ этого пути. Но массоваго проявленiя биологическаго большевизма среди этихъ, болѣе культурныхъ слоевъ народа, ни русская революціа, ни предшествовавшiя ей революціи въ другихъ современныхъ государствахъ, какъ будто, не знали. Русскiй же биологическiй, стихійный большевизмъ, несомнѣнно, носитъ м а с с о в ы й характеръ, останется въ исторiи печальнымъ проявленiемъ социально-политическаго бунтарства русскихъ народныхъ массъ, какъ слѣдствiе низкаго общекультурнаго уровня этихъ массъ.

Грустное наслѣдіе в с е й русской исторiи... Не од-

ного «царизма», не одного только «самодержавія», какъ тупо и невѣжественно твердили и до сихъ поръ твердятъ брошюры, листовки и митинги соціалистовъ и всей «революціонной демократіи», а именно — в с е й р у с с к о й и с т о р і и. Русскую исторію создавали не цари, не крѣпостники-помѣщики, не попы, не бюрократія, а вся совокупность естественныхъ, экономическихъ, соціальныхъ и внѣшне-политическихъ условій, въ которыхъ зародился, жилъ и развивался тотъ государственный организмъ, который въ послѣднія столѣтія назывался Россіей, Россійской Имперіей.

Русскую исторію прежде всего опредѣляетъ самый возрастъ Государства Россійскаго. Когда въ Парижѣ и Лондонѣ были уже университеты, когда во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ были уже ученые, художники, создавались лучшіе памятники архитектуры и т. п., — что было тогда на обширныхъ пространствахъ будущей Россійской Имперіи? Когда западная Европа органически впитывала въ себя все лучшее, что дала — въ историческое наслѣдіе — культура древней Греціи и древняго Рима, какое культурное наслѣдіе впитывало въ себя восточно-европейское славянство, въ особенности будущее Московское Царство, развернувшееся потомъ въ Россійскую Имперію? Не являлось ли это славянство, по своему простому географическому положенію и распространенію, естественнымъ щитомъ для западной Европы отъ наплыва на нее азіатскаго монгольства? И что дали — для русской исторіи, для экономического и культурнаго развитія русскаго народа — вѣка монгольскаго ига на зарѣ государственнаго его развитія?...

Но будемъ идти далѣе. Припомнимъ совокупность чисто естественно-политическихъ условій той территоріи, на которой зародилось и развивалось будущее Государство Россійское. Ни одно изъ европейскихъ государствъ не представляетъ такой обширной и такой монотонной равнины, какъ Россія. Это, несомнѣнно, должно накладывать извѣстный отпечатокъ на психологію народа, едва ли болѣе выгодный въ смыслѣ возбужденія активной

энергіи — по сравненію съ народами, живущими не на такихъ плоскихъ равнинахъ. Обширность равнины, естественно подсказывающая образованіе единого государства, въ то же время обусловливаетъ малую плотность населенія, слабое увеличеніе этой плотности, недостаточность трудовыхъ силъ на единицу площади, слабую — поэтому — интенсивность труда, развитіе крупнаго землевладѣнія и въ то же время экстенсивность сельскаго хозяйства. Ни одно изъ европейскихъ государствъ не является столь континентальнымъ по характеру своей территоріи, какъ Россія: длина береговой морской линіи по отношенію къ общей площади территоріи нигдѣ въ Европѣ не является столь незначительной, какъ въ Россіи. Континентальность климата — излишніе холода зимой, излишняя сухость лѣтомъ, соотвѣтственно неблагоприятные вѣтра и т. п. — вызываютъ излишнюю, совершенно непроизводительную для народнаго хозяйства, затрату живой и трудовой энергіи народа на борьбу съ холодомъ и сухостью, вызываетъ пониженіе продуктивности сельскохозяйственнаго труда въ силу однихъ только этихъ, чисто естественныхъ, природныхъ условій, понижаетъ накопленіе народнаго богатства, уменьшаетъ — слѣдовательно — самый главный, реальный источникъ прогрессивнаго роста культуры. Безконечная растянутость естественныхъ политическихъ границъ государства, — а къ нимъ всегда неизбѣжно стремятся всѣ государства, — вызываетъ огромную затрату народныхъ силъ и средствъ на укрѣпленіе и на защиту этихъ границъ. Разъ государство вступаетъ на путь великодержавной политики, — а всякое жизнеспособное и мощное по своей территоріи и по количеству своего населенія государство не можетъ не вступить на такой путь, несмотря на его опасность и трудность, — оно вынуждено бываетъ прежде всего затрачивать свои живыя силы и средства именно на эту свою защиту, на эту — въ культурномъ отношеніи — отрицательную, культурно непроизводительную, но въ то же время жизненно безусловно необходимую государственную задачу.

Русская исторія стихійно шла по этому пути.

Говорить, какъ это многие дѣлали, что это не хорошо, что «цари и помѣщики» дѣлали ошибку, стремясь — будто бы, лишь въ своихъ классовыхъ интересахъ, — къ захвату все большихъ и большихъ пространствъ, стремясь къ морямъ и проливамъ, стремясь къ неизбѣжной при такихъ условіяхъ централизаціи государственной власти, развивая прежде всего и больше всего вооруженную силу, увлекаясь м и л и т а р и з м о м ъ и т. д. — говорить это теперь, когда условія историческаго процесса уже значительно измѣнились, когда первая, основная задача государства — опредѣленіе и укрѣпленіе территоріи — была уже почти достигнута, когда плотность населенія уже значительно возросла, когда накопленіе народнаго богатства, развитіе промышленности и торговли достигли уже болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, когда — словомъ — уже сталъ намѣчатся путь не экстенсивнаго роста государства, а путь его внутренней, культурной и экономической интенсификаціи, — въ наше время говорить это уже, конечно, было можно и должно. Но осуждать за это «старый строй», вѣками работавшій надъ гораздо болѣе тяжелой и неблагоприятной задачей внѣшняго, механическаго роста и укрѣпленія государства, было не только пристрастно, объективно совершенно неосновательно, но и невѣжественно, такъ какъ при этомъ забывалась вся та совокупность реальныхъ, одной волей правителей условно неустрашимыхъ условій, въ которыхъ протекалъ историческій культурный процессъ развитія государства. Усвоенная россійской оппозиціей, интеллигентной и въ особенности полуинтеллигентной, манера только осуждать «старый строй» была и невѣжественна съ научно-объективной стороны, и глубоко антигосударственна, антипатріотична, а — слѣдовательно — и антинародна со стороны политической. И результаты переживаемой теперь революціи являются до нѣкоторой степени заслуженнымъ урокомъ и для этой интеллигентной и полуинтеллигентной россійской оппозиціи: оппозиція истинно народная, истинно патріотическая никогда бы не взяла на себя моральной отвѣтственности за сочувствіе и за нѣкоторое даже содѣйствіе такой рево-

люціи, которая — какъ неотразимо убѣдительно показываютъ ея конечные, реальные результаты — и для Государства, и для народа не принесла ничего, кромѣ ужасовъ безконечныхъ разрушеній, безконечныхъ страданій, униженій, позора и громаднаго регресса въ экономическомъ и культурномъ отношеніи. Страдаетъ отъ революціи и русская политическая оппозиція старой исторической власти, интеллигентная и полуинтеллигентная. И страданія эти — до нѣкоторой степени — заслужены. Русскій народъ, даже тѣ его массы, на которыхъ лежитъ кровавое пятно бунтарскаго большевизма, этотъ народъ, въ его исключительно тяжелыхъ страданіяхъ отъ революціи, вызываетъ въ насъ только чувство глубочайшаго сожалѣнія: народъ не вѣдалъ, что творилъ. Народъ дѣйствительно оставался на такомъ слабомъ уровнѣ культуры и политическаго развитія, что выдержать — своими собственными культурными силами — демоническій натискъ многообѣщавшихъ соблазновъ революціи не могъ. Но съ російской политической оппозиціи, какъ революціонной, такъ — и тѣмъ болѣе — буржуазной, особенно старокультурной дворянской, можно и должно требовать значительно больше, чѣмъ съ народа...

Съ другой стороны, однако, взваливать историческую отвѣтственность за революцію и за ея несчастный для Россіи ходъ, на одну только російскую оппозицію старому строю, отъ социаль-демократовъ и социаль-революціонеровъ съ одной стороны, до либеральныхъ дворянскихъ круговъ съ Родичевыми, Милюковыми, Долгоруковыми и даже Родзянками во главѣ съ другой стороны, — было бы такъ же неосновательно и нелѣпо, какъ взваливать эту отвѣтственность, по революціонному шаблону, на «царское самодержавіе». Если въ конечномъ счетѣ, — каковы бы ни были весьма сложныя ближайшія причины русской революціи, внутреннія и внѣшнія, связанныя съ міровой войной, — характеръ и ходъ революціи зависѣлъ все же отъ культурнаго уровня русскаго народа въ его цѣломъ, не только массъ его, но и самихъ культурныхъ верховъ, то этотъ уровень ни въ коемъ случаѣ нельзя относить въ отдѣльности, въ смыслѣ отвѣтственности, ни на самъ народъ, или отдѣльные слои и классы

его, ни на государственную власть, ни на «царское самодержавіе». Весь государственный организм Россіи въ его цѣлкомъ развивался — въ строго эволюціонномъ порядкѣ — лишь такъ, какъ то позволяли и то обуславливали всѣ реальныя условія и реальныя факторы русскаго историческаго процесса въ ихъ совокупности. Только невѣжественная толпа, — все равно, будутъ ли это митинговые демагоги-соціалисты, или жадно рвущіеся къ власти болѣе культурные кадеты, — можетъ съ такой легкой душой топтать въ грязь такіе отдѣльныя факторы и такія крупныя силы русскаго историческаго процесса, какъ «царское самодержавіе», каковы бы ни были его недостатки съ современной точки зрѣнія. Только такая же невѣжественная толпа, хотя бы она была по составу своему дворянская, графская и княжеская, можетъ съ легкой душой винить народъ, его малокультурныя, трудовыя, массы, какъ бы ужасны ни были его большевистскія жестокости въ несчастной русской революціи. Только невѣжественная толпа, — изъ кого бы она ни состояла, — можетъ думать и говорить, что «если бы во время перевѣшали всѣхъ революціонеровъ и жидовъ», то не было бы революціи, и Россія мирно и успѣшно развивалась бы чисто эволюціоннымъ путемъ.

Только всесторонняя оцѣнка русскаго историческаго процесса, проникнутая научной объективностью, моральнымъ чувствомъ уваженія къ человѣческой личности, не позволяющимъ провоцировать какой-бы то ни было жестокости по отношенію къ личности и несправедливости по отношенію къ отдѣльнымъ группамъ, слоямъ и классамъ, проникнутая чувствомъ солидарности и взаимной отвѣтственности въ государственной работѣ отдѣльныхъ группъ, слоевъ и классовъ, проникнутая чувствомъ національнаго достоинства и національнаго единства, не позволяющимъ топтать въ грязь свое прошлое, а подчасъ и свое настоящее только потому, что оно имѣло или имѣетъ хотя бы даже и крупныя съ отдѣльныхъ точекъ зрѣнія недостатки, — только такая оцѣнка русскаго историческаго процесса дастъ намъ возможность найти вѣрные, жизненныя, истинно прогрессивныя пути для нашей политической мысли и для нашей политической

дѣятельности въ дальнѣйшемъ. Не осужденіемъ, а прежде всего познаніемъ и объясненіемъ явленій должна быть занята наша политическая мысль. Не обвиненіемъ отдѣльныхъ лицъ и группъ, стоявшихъ и стоящихъ у государственной власти, должна быть наполнена наша практическая политическая дѣятельность, а выясненіемъ и отысканіемъ реальныхъ, безспорныхъ и дѣйствительно осуществимыхъ новыхъ путей и силъ на смѣну старыхъ, если старыя дѣйствительно оказываются слабыми и непригодными. Не революціонная, т. е. чисто механическая борьба, вплоть до терроризма, со старой властью, борьба, стоящая въ самомъ грубомъ противорѣчьи съ моральнымъ чувствомъ уваженія къ человѣческой личности, должна быть средствомъ нашего личнаго воздѣйствія на ходъ историческаго процесса, но лишь глубочайшее убѣжденіе въ эволюціонности этого процесса, а потому и глубочайшая терпимость къ своимъ политическимъ противникамъ, позволяющая намъ дѣйствовать лишь положительными, творческими, а не разрушительными, революціонными методами и средствами въ политической борьбѣ. Не одинъ лишь личный, групповой и классовый эгоизмъ, подсказывающій попираніе правъ и интересовъ другихъ лицъ, группъ и классовъ, вплоть до дикаго по своей социальнo-политической сущности грубѣйшаго по своей демагогичности ученія о «диктатурѣ пролетаріата» или о диктатурѣ какого-бы то ни было другого класса, но и сознание необходимости извѣстной солидарности лицъ, группъ и классовъ въ ихъ государственной работѣ, моральное чувство справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ и во взаимной борьбѣ лицъ, группъ и классовъ, должны составлять психологическую основу нашей политической дѣятельности. Только это сознание и это чувство создаютъ истинный демократизмъ нашей политической дѣятельности, требующій отъ насъ признанія права на наибольшее вниманіе государства и государственно дѣйствующихъ лицъ, группъ, классовъ и партій — именно широкихъ трудовыхъ народныхъ массъ, какъ основного базиса государства, а не отдѣльныхъ, гораздо менѣе численныхъ, историческимъ процессомъ поставленныхъ въ болѣе выгод-

ное социальное положеніе, слоевъ и классовъ, какъ бы ни безспорна была цѣнность этихъ слоевъ и классовъ въ процессѣ государственной организаціи, государственнаго управленія и въ культурномъ прогрессѣ страны.

Такой демократизмъ не можетъ не быть прежде всего національнымъ, и затѣмъ — государственнымъ, до известной степени консервативнымъ, вѣрнѣе — эволюціоннымъ по своему общему міровоззрѣнію и по своему политическому мышленію; но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть реакціоннымъ, регрессивнымъ, такъ какъ эволюція, какъ законъ мірового развитія, подразумеваетъ прогрессивное, но не регрессивное развитіе.

Каковы же были въ дѣйствительности, — съ такой эволюціонной и національно-демократической точки зрѣнія, — условія развитія русской культуры и хотя бы основныя ближайшія причины той недостаточной культурности широкихъ русскихъ народныхъ массъ, которая столь роковымъ для Россіи образомъ облегчила проникновеніе въ эти массы революціоннаго, вѣрнѣе, грубо бунтарскаго, стихійнаго, біологическаго большевизма?

Во внѣшней характеристикѣ русской культуры бросается въ глаза одна рѣзкая черта: это была культура не единая, національная, а какъ бы расщеплявшаяся на двѣ, не соединенныя живыми нитями другъ съ другомъ, иногда почти непримиримыя, даже враждебныя другъ другу культуры, — культура народныхъ низовъ съ одной стороны, и культура социальныхъ верховъ — съ другой. Петровская императорская Россія, если не создала, то во всякомъ случаѣ усилила эту противоположность, эту иногда почти пропасть между двумя русскими культурами — народной и государственно-сословной. Съ Имперіи начинается великодержавная политика Россіи, для прочнаго своего успѣха требовавшая и всегда требующая не только обилія матеріальныхъ, а тѣмъ болѣе однихъ только военныхъ силъ въ странѣ, но и соответственно высокаго культурнаго уровня страны въ ея цѣломъ, ни въ коемъ случаѣ не исключая самыхъ широкихъ народныхъ массъ, народныхъ низовъ, даже напротивъ, именно ихъ въ первую очередь. Это раздвоеніе рус-

ской культуры, особенно съ Петровскаго періода, объяснялось совсѣмъ не механическимъ, внѣшнеподражательнымъ, заимствованнымъ съ Запада характеромъ и направлениемъ русскаго «западничества», родоначальникомъ котораго обычно считаютъ Петра Великаго. Раздвоение русской культуры коренится въ великодержавной, имперіалистической политикѣ, на которую вступило Государство Россійское въ этотъ періодъ. Культурныя силы страны, въ это время еще весьма слабыя, съ этого момента почти полностью пошли, были направлены главнымъ образомъ на обслуживаніе нуждъ и потребностей механизма государственнаго управленія, на пополненіе и техническое улучшеніе бюрократическаго аппарата государства, съ одной стороны, и военнаго — съ другой. Все, что страна могла выдѣлить изъ себя сколько-нибудь способнаго къ интеллигентной, организаціонной и руководящей роли, уходило главнымъ образомъ или въ армію, или въ бюрократію. И та, и другая являлись въ этотъ періодъ русской исторіи самой безспорной, жизненной основой государства, особенно вступившаго на путь великодержавной политики. И та, и другая были безусловно необходимы для государства, а слѣдовательно, и для народа. Противоположный взглядъ можетъ и долженъ основываться только на признаніи ненужности или преждевременности вступленія Россіи на тотъ великодержавный путь, на который она вступила съ момента Имперіи. Если мы сможемъ убѣдительно утверждать, что въ «собираніи Руси» не было такой разумной, полезной для народа, надобности, что будущая Россія могла еще много и много вѣковъ оставаться въ томъ раздробленномъ, вѣрнѣе, первичномъ удѣльно-вѣчевомъ, примитивно-автономномъ, мало государственномъ состояніи, въ какомъ она находилась до начала процесса «собиранія Руси», естественно закончившагося Имперіей; если мы докажемъ, что и внутреннія, культурно-экономическія условія и требованія развитія, и внѣшнія политическія условія — безъ вреда для русскаго народа, безъ ущерба для его будущаго политическаго развитія — реально позволяли Руси оставаться въ первичныхъ формахъ государственной организаціи, позволяли отвергать настоя-

тельную необходимость государственной централизации, точно также естественно шедшей параллельно съ процессомъ образованія Имперіи; если мы примиримся, наконецъ, съ мыслью, что лучше было бы для русскаго народа не торопясь, еще и еще вѣка оставаясь подъ чужимъ игомъ или подъ чужой политической опекой, мирно — хоть и безъ государственной независимости — накапливать внутреннія, культурныя національныя силы, съ тѣмъ, чтобы лишь потомъ, во всеоружіи этихъ внутреннихъ культурныхъ силъ, дружно воспрянуть политически, приняться за процессъ объединенія Руси, подобно тому, какъ это сдѣлала Германія въ 1871 году, послѣ чуть не тысячелѣтняго пребыванія въ состояніи полного политическаго раздробленія; если мы сможемъ — дѣйствительно убѣдительно — построить схему этого другого, болѣе идеальнаго историческаго пути для Государства Россійскаго, — какъ это и пытались сдѣлать, но въ мало конкретныхъ, больше субъективно-идеалистическихъ формахъ, русскіе славянофилы, — тогда мы сможемъ утверждать и то, что не было дѣйствительной исторической надобности для императорскаго періода русской исторіи поглощать культурныя и интеллигентныя силы русскаго народа главнымъ образомъ на армію и бюрократію.

Мы думаемъ, что утверждать это — съ научно-объективной точки зрѣнія — совершенно невозможно. Реальныя условія жизни и историческаго процесса безконечно сильнѣе нашихъ субъективно-идеалистическихъ построеній, желаній, идеаловъ. Тотъ идеаль «свободнаго, демократическаго, автономнаго и федеративнаго» развитія отдѣльныхъ первично-государственныхъ организацій на территории Россійской равнины, по типу какого-нибудь «республиканскаго Великаго Новгорода», который въ схемахъ русскаго историческаго процесса — въ тѣхъ или другихъ формахъ, предѣлахъ и очертаніяхъ — противоплагается дѣйствительному русскому историческому процессу, приведшему къ образованію Россійской Имперіи, — страдаетъ именно этой характерной для русской интеллигенціи — отъ славянофиловъ до социалистовъ-революціонеровъ и социаль-демократовъ, не исключая большевистской фракціи, считавшихъ себя марксиста-

ми, историческими матеріалистами, — идеалистической субъективностью: сначала создается и прочно укрѣпляется въ головѣ «идеаль», а потомъ уже — по этому идеалу — происходитъ пригонка, усвоение, истолкование фактовъ исторической дѣйствительности. При такой методологii историческаго мышленія желательное весьма легко и просто превращается не только въ должное, но и въ реально возможное, а нежелательное столь же легко и просто превращается чуть не въ преступное. Такъ легко и просто въ умахъ російской радикальной и социалистической оппозиціи весь реальный русскій историческій процессъ, вылившійся — въ государственной области — въ формы великодержавности, централизаціи, самодержавія, милитаризма и бюрократизма, — превратился чуть не въ историческое преступление, виновникомъ котораго, въ послѣднемъ счетѣ, оказалось «царское самодержавіе». На царей, даже персонально на нихъ, а не какъ на воплощеніе самодержавія, была направлена борьба и злоба нашей радикальной оппозиціи. Совершенно послѣдовательно — для такой невѣжественной, бессмысленной идеологii — эта борьба дошла даже до непосредственнаго, персональнаго террора, этого послѣдняго, наиболѣе отвратительнаго, наиболѣе политически развращающаго демагогическаго приема политической борьбы, давашаго теперь, въ періодъ торжества «совѣтской» революціонной власти большевиковъ, такіе махровые цвѣты. Приемъ, въ свое время прославившій и возведшій въ герои нашихъ социалистовъ-революционеровъ, теперь широко пущенъ въ политическую практику «марксистами» и «историческими матеріалистами», столь основательно—теоретически—отмежевавшимся отъ «идеалистовъ» с.-р.,—нынѣ большевиками, ставшими въ глазахъ «революціоннаго народа» еще большими «героями», чѣмъ въ свое время были социалисты-революционеры. Не только царистамъ и буржуямъ, но и самимъ с.-р., самой революціонной демократіи, самымъ широкимъ слоямъ російской интеллигентской оппозиціи теперь пришлось на себѣ, на горькомъ политическомъ опытѣ испытывать всѣ прелести того террора, которому тогда, въ періодъ борьбы съ царскимъ самодержавіемъ, яв-

но или тайно такъ охотно рукоплескала наша оппозиція. Историческій урокъ — весьма поучительный. Съ точки зрѣнія русской революціонной идеологіи всѣ отвратительныя формы большевистской борьбы съ современной «контръ-революціей» являются только естественнымъ логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ формъ борьбы съ старымъ, историческимъ строемъ, которыя эта идеологія въ свое время благословляла: чтобы не было самодержавія, надо было убивать царей, чтобы не было контръ-революціи, надо убивать контръ-революціонеровъ. Просто и легко и не требуется особеннаго напряженія политической мысли...

Мы не скажемъ, чтобы съ нашей, національно-демократической, точки зрѣнія тотъ реальный ходъ русскаго историческаго процесса, который привелъ Россію — въ періодъ Имперіи — къ великодержавности, централизаціи, самодержавію, милитаризму и бюрократизму — былъ идеаломъ. Напротивъ, мы охотно и всесторонне присоединяемся къ тому взгляду, что для русскаго народа было бы лучше, выгоднѣе въ смыслѣ культурнаго процесса, если бы его государственность развивалась не только механически, внѣшне экстенсивно, но и органически, культурно интенсивно; если бы русскій народъ могъ созидать свою государственность лишь въ полномъ, гармоничномъ соотвѣтствіи съ наличнымъ запасомъ своихъ силъ и средствъ, не только физическихъ, матеріальныхъ, но и духовныхъ, культурныхъ; если бы вся или, по крайней мѣрѣ, возможно большая часть того, что производилъ и производитъ русскій народъ своимъ матеріальнымъ и духовнымъ трудомъ, шло прежде всего на удовлетвореніе и на развитіе его внутреннихъ культурныхъ потребностей, и только возможно меньшая часть его труда шла бы на такія культурно непроизводительныя затраты, какъ внѣшняя, военная защита народа и государства отъ возможныхъ агрессивныхъ поползновеній сосѣдей; еще лучше, если бы надобности въ этой защитѣ совершенно не было, если бы какой бы то ни было милитаризмъ сталъ совершенно излишнимъ. Мы охотно присоединились бы къ тому взгляду, что болѣе «идеальнымъ» былъ-бы строй «демократиче-

ской, автономной, федеративной республики», чѣмъ «централистической, милитаристской, бюрократической, самодержавной имперіи», если бы — непременно добавляемъ мы — этотъ «болѣе идеальный» строй былъ дѣйствительно болѣе идеальнымъ и--что еще важнѣе--реально болѣе возможнымъ. Но «историческая дѣйствительность» для насъ гораздо болѣе убѣдительный аргументъ, чѣмъ субъективные идеалы, какъ бы хороши, свѣтлы, блестящи и заманчивы они ни были. А тѣмъ болѣе мы — органически — не можемъ примириться съ тѣмъ, что вѣковыя историческія явленія могутъ быть измѣняемы вдругъ, по волѣ носителей другихъ «идеаловъ», революціоннымъ путемъ. Только эволюціонный, органический, длительный процессъ можетъ вносить въ историческія формы соотвѣтствующія новымъ условіямъ и новымъ реальнымъ силамъ и факторамъ поправки. Только такія поправки и являются истиннымъ прогрессомъ. «Поправки» революціонныя, создаваемые механически-насильственно, будучи обычно связанными съ разрушеніемъ, съ бесполезной затратой и уничтоженіемъ народныхъ живыхъ силъ, народныхъ матеріальныхъ средствъ и накопленныхъ въ народномъ хозяйствѣ культурныхъ цѣнностей, создаютъ не прогрессъ, а регрессъ въ поступательномъ ходѣ государственнаго и культурнаго развитія народа.

Абсолютно не возражая поэтому противъ необходимости эволюціонныхъ измѣненій въ исторически создавшемся государственномъ строѣ Русской Имперіи, необходимости, ставшей общимъ достояніемъ самыхъ широкихъ круговъ не только русской интеллигенціи, но и всего русскаго народа, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не признавать, что централистическое и военно-бюрократическое направленіе въ процессѣ созиданія и развитія русской Имперіи было въ свое время неизбежной исторической необходимостью. Въ тѣсной связи съ этимъ неизбежнымъ характеромъ развитія Имперіи оказалось и то раздвоеніе національной русской культуры — на культуру низовъ и культуру верховъ, — которое столь роковымъ образомъ для Россіи сказалося въ «большевизмѣ» русскихъ народныхъ массъ въ антинаціональной рево-

люціи 1917 года, особенно въ чисто разбойный періодъ «совѣтской» власти Лениныхъ, Троцкихъ, Зиновьевыхъ и другихъ Нахамкесовъ-псевдонимовъ, посыпавшихся какъ изъ рога изобилія на русскую землю изъ заграничнаго революціоннаго подполья. Русскій народъ къ моменту столь трудной, сложной и столь гигантской революціи, какой оказалась вытекшая изъ міровой войны революція 1917 года, дѣйствительно оказался еще совершенно темнымъ. Не потому, конечно, что «царизмъ держалъ его въ темнотѣ», а потому, что весь ходъ развитія русской Имперіи, ея исторически-неизбѣжная великодержавность, связанная съ затратой огромныхъ силъ и средствъ на механическія задачи государства, — не позволяли столь же относительно быстро возрастать и внутренней культурѣ страны. Нѣтъ болѣе невѣжественной и поверхностной мысли, какъ митингово-демагогическая мысль о томъ, что «царизмъ держалъ народъ въ темнотѣ», мысль, столь ходко распускавшаяся нашей революціонной оппозиціей для «сверженія самодержавія». Мысль, будто въ ростѣ народной культуры повинны лица, даже правительствъ, — типичный образчикъ того метода мышленія, который связанъ съ историческимъ субъективизмомъ и идеализмомъ, въ противоположность реальному методу — историческому материализму. Но наша политическая демагогія одинаково усердно пользовалась ходкой, объективно совершенно бездоказательной и несправедливой мыслью о виновности «царей и министровъ» въ народной темнотѣ — независимо отъ идеологіи оппозиціи: и «историческіе идеалисты, субъективисты», какъ социалисты-революціонеры, и «историческіе материалисты», какъ социаль-демократы, всѣ широко распространяли въ русскихъ массахъ этотъ одіумъ на русскую историческую — императорскую — власть, всѣ упорно отказывались отъ объективнаго, эволюціоннаго пониманія своей собственной исторіи, всѣ жаждали только одного счастья для себя и для народа — революціи, всѣ разукрашивали эту революцію и въ своемъ собственномъ и въ народномъ мозгу всѣми цвѣтами радуги, всѣ готовы были идеализировать всякое народное бунтарство — отъ Сеньки Разина и Пугачева до «золотыхъ грамотъ», распространявшихся — за

ложными подписями Царей — партией «Земли и Воли» среди темнаго крестьянства и толкавшихъ его на мелкія мѣстныя возстанія, съ косами и топорами противъ винтовокъ и пушекъ.

И не удивительно, что сорвавшееся когда-то съ устъ Жозефа де Местра пророчество о томъ, что Россію погубить не та революція, во главѣ которой будутъ стоять Емельяны Пугачевы изъ народа, а та, во главѣ которой будутъ стоять «Пугачевы изъ Университета,» вполне совпадающее съ «пророчествомъ» самого Емельяна Пугачева, сказавшаго, что «это еще не воронъ, а вороненокъ, воронъ же въ поднебесьи гуляетъ» (эпиграфъ къ «Крещеной собственности» Герцена) — сбылось, наконецъ, въ революціи 1917 года.

Двѣ русскія культуры роковымъ образомъ сошлись въ этой революціи, обнаруживъ свои глубочайшіе органическіе недостатки и давши въ результатѣ только то, что онѣ и могли дать — сплошное разрушеніе, сплошную неспособность къ сложному государственному творчеству на новыхъ началахъ, не имѣвшихъ въ историческомъ русскомъ процессѣ реальныхъ и достаточно глубокихъ корней и основаній, при одномъ только голомъ, нигилистическомъ, революціонномъ отрицаніи «старога режима,» т. е. всей своей дѣйствительной исторіи и всего того положительнаго, глубоко цѣннаго для государства и для народа, что заключалось въ этомъ режимѣ: механической внѣшней мощи и механически прочной внутренней государственной организаціи, внѣ которой «темный» народъ и весьма недостаточно, по существу, культурные верхніе слои весьма легко и скоро должны были, подъ натискомъ сложныхъ силъ и факторовъ революціи, впасть въ полное политическое безсиліе, распыленность и анархію. Что русская «мощь», какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, при старомъ режимѣ была только механической, что ей недоставало внутренней, органической, истинно культурной силы, — въ этомъ едва ли можно было сомнѣваться даже самымъ искреннимъ патриотамъ, не говоря уже объ оппозиціи. Но что съ потерей или революціоннымъ разрушеніемъ этой хотя бы,

къ несчастью, только механической мощи у русскаго государства и у русскаго народа отнималась прочная почва для дальнѣйшаго эволюціоннаго развитія, въ этомъ — при сколько нибудь объективномъ мышленіи — точно также не могло и не должно было быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Уроки революціи и большевизма учатъ этому какъ нельзя болѣе убѣдительно. Истинной культуры революціоннымъ путемъ не создашь. Разъ сама же революціонная оппозиція не только сознавала, но и всячески, даже больше чѣмъ нужно, афишировала «темноту» народныхъ массъ, — хотя бы только ради посрамленія царей и министровъ, — то на темныхъ массахъ нельзя было строить творческой революціи. Это — обычный революціонно-идеалистическій nonsens, говорящій лишь о слишкомъ поверхностномъ характерѣ культуры даже самихъ русскихъ верховъ, изъ среды которыхъ выходила наша революціонная оппозиція. Когда историкъ и одинъ изъ виднѣйшихъ моральныхъ виновниковъ русской революціи 1917 года, П. Н. Милюковъ въ своей «Исторіи революціи» пишетъ о русскихъ народныхъ массахъ, какъ о массахъ «инертныхъ, невѣжественныхъ и забытыхъ», *) мы не можемъ не спросить Милюкова и ему подобныхъ, на какую же творческую революцію они рассчитывали и могли рассчитывать съ такими народными массами?

Политическій нигилизмъ наиболѣе активныхъ поверхностно культурныхъ верховъ, выдѣлявшихъ изъ себя недовольныхъ своимъ политическимъ «безправіемъ» «Пугачевыхъ изъ университета,» и почти первобытная темнота народныхъ низовъ, раздраженныхъ социальнымъ неравенствомъ и экономической слабостью, — въ своемъ революціонномъ сочетаніи только и могли дать революцію 1917 года и, органически связанный съ нею, большевизмъ 1917 — 1922 г.

Россія къ моменту революціи 1917 г. и прелюдіи къ ней, революціи 1905 г., была, дѣйствительно, слишкомъ бѣдна, а слѣдовательно, и мало культурна, для той круп-

*) П. Н. Милюковъ — Исторія второй русской революціи 1921 г. т. 1 стр. 6.

ной и сложной исторической роли, какую навязывала ей ея великодержавность, отъ которой однако она органически, а не по злой волѣ «царей и министровъ,» отказаться рѣшительно не могла. Экономическій ростъ страны, въ силу природныхъ и географическихъ условій обреченной на долго быть страной преимущественно сельскаго хозяйства, при томъ — точно также на долго — хозяйства, въ массѣ своей, экстенсивнаго, — несомнѣнно и естественно отставалъ отъ экономического роста западно-европейскихъ странъ болѣе старой культуры, располагавшихъ гораздо болѣе благопріятными условіями для развитія капитализма. И безъ того медленное накопленіе капитала въ странѣ еще болѣе парализовалось великодержавностью внѣшней политики Россіи, затратой на эту политику огромной части тѣхъ излишковъ народнаго труда, которые могли бы идти на образованіе національнаго капитала. Притокъ иностраннаго капитала въ производительныя отрасли народнаго хозяйства былъ слабъ не только потому, что великодержавность русской политики естественно стремилась создать національный капитализмъ, не соглашаясь въ слишкомъ широкихъ и откровенныхъ размѣрахъ превращать Россію въ колонію для иностраннаго капитализма, но и потому, что основой русскаго народнаго хозяйства являлось главнымъ образомъ сельское хозяйство, капитализація и интенсификація котораго стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости прежде всего отъ плотности населенія. Создать эту болѣе высокую плотность населенія, безусловно необходимую для разумнаго притока капитала въ сельское хозяйство страны сдѣлать такъ, чтобы вмѣсто 30—50 душъ на кв. версту было 100—150, даже при плодovitости молодой славянской расы, — внѣ соотвѣтствующаго времени, — не могли бы ни «цари и царскіе министры», ни Керенскіе, Ленины и Троцкіе съ ихъ «демократическими» министрами; съ другой стороны — ни «царизмъ» не могъ мѣшать этому росту населенія, ни революція не могла ускорить его. Россія была — и абсолютно не могла не быть — страной лишь слабаго, начальнаго развитія капитализма. Великодержавность политики русскаго самодержавія, стремясь къ росту національнаго капитализма, подчиняя по-

этому иностранный капиталъ извѣстному контролю національной государственной власти, дѣлала ростъ капитализма въ Россіи, можетъ быть, не столь быстрымъ, но зато создавала тотъ національный культурный слой, изъ котораго все же рано или поздно страна могла бы черпать свои руководящія политическія силы. Что лучше, быть ли просто колоніей иностраннаго капитализма, но за то самимъ дѣлаться нѣсколько скорѣе богаче, или платить за сравнительно большую національную суверенность нѣкоторой экономической отсталостью, это, конечно, вопросъ весьма сложный и спорный. Но съ національно-демократической точки зрѣнія, повидимому, предпочтительнѣе все же второй путь. И Россія «царей и министровъ» шла, болѣе или менѣе, по этому пути. Россія Лениныхъ и Троцкихъ, при всемъ ихъ «коммунизмѣ», уже готова была отдать рускій народъ въ полную жертву капитализма иностраннаго. Какая-нибудь «средняя» между этими двумя крайностями Россія, съ неизбѣжно «революціонно-демократической» закваской, избрала бы и нѣкоторую среднюю линію экономической политики, въ которой иностранному и инородческому капиталу во всякомъ случаѣ принадлежало бы достаточно видное мѣсто...

Отсутствіе широкаго экономического базиса для достаточно быстрого роста національной культуры въ русской Имперіи не давало ей возможности — съ дѣйствительной политической продуктивностью — перейти къ болѣе демократическимъ, болѣе самодѣятельнымъ формамъ государственнаго управленія, народнопредставительнымъ, при которыхъ хотя бы соціальные верхи, если не народныя массы, могли бы проявлять и развивать свою политическую активность и вливать болѣе глубокое содержаніе въ свою, хотя бы и привилегированную, культурность. Это парализовало истинную культурность даже и соціальныхъ верховъ. Наши соціальные верхи, главнымъ образомъ дворянство, обладая экономической возможностью для культуры, весьма слабо располагали этой возможностью въ политическомъ отношеніи. Они оставались сословно обособленными. Расширить сферу хотя бы одной только общественной своей дѣятельности

— за предѣлы сословной организаціи — они почти до реформъ 1861 года, въ сущности, не могли, такъ какъ не было широкаго внѣсословнаго самоуправленія. Политическая самодѣятельность была тѣмъ менѣе возможной, а если бы — при успѣхѣ декабристовъ — она и оказалась бы возможной, то она носила бы уродливый сословно-олигархическій характеръ, при которомъ не только общее политическое развитіе Россіи, но и культурно-политическое развитіе хотя бы однихъ только нашихъ политическихъ верховъ едва-ли могло пойти по сколько-нибудь правильному пути. Безъ соціально-экономическаго базиса въ широкихъ — трудовыхъ, демократическихъ — слояхъ народа измѣненіе культурно-политическаго положенія даже русскаго дворянства, которое, несомнѣнно, давно уже было достаточно подготовлено къ болѣе активному участию въ политической жизни страны, было невозможно. Это являлось глубокой политической драмой не только для соціальныхъ верховъ, но и для всей Россіи, такъ какъ эти верхи оставались, такъ сказать, праздными въ культурно-политическомъ отношеніи, стали вырождаться, культурная сила ихъ для страны оставалась мало использованной. «Правящій классъ» — при Имперіи — выдѣлялъ лишь незначительный слой высшей бюрократіи, обезпечивалъ лишь организаціонно-административныя потребности государственнаго аппарата, соотвѣтственно общему — механическому и экстенсивному — характеру русской имперской государственности, — а болѣе широкія, экономически вполне способныя къ болѣе напряженной культурѣ, массы этого класса оставались праздными, а потому и вырождались. Вмѣсто активной, разносторонне культурной, государственной силы нашъ «правящій классъ», т. е. наше — главнымъ образомъ — дворянство, плеснѣло въ узкомъ кругѣ своей сословности, не имѣя достаточныхъ стимуловъ ни къ болѣе широкому и разностороннему образованію, ни къ выработкѣ общественно-политическихъ навыковъ, ни — даже — къ прогрессу въ своей чисто-хозяйственной дѣятельности. Сильной аристократіи, сильнаго дворянства въ Россіи, къ несчастью, совершенно не было; въ ней была только сравнительно богатая аристократія,

имѣвшая возможность накоплять лишь внѣшнюю, поверхностную культуру и культурность, отдававшую иногда совершенно европейскимъ блескомъ, дававшую иногда духовные продукты не только европейскаго, но и общемірового значенія, напр., въ лицѣ русской классической литературы и русскаго искусства; но развернуть свою культурно-политическую силу до размѣровъ потребностей огромнаго великодержавнаго государства наша аристократія, нашъ «правлящій классъ» при Имперіи — не могли. Развитие Россіи и въ этомъ отношеніи находилось въ гораздо болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ развитие европейскихъ странъ старой культуры. Наше дворянство, какъ и всѣ живыя силы страны, при Имперіи служило — главнымъ образомъ — источникомъ для удовлетворенія всепоглощающихъ потребностей государства, его механическаго, экстенсивнаго развитія. Обезсиливаемое внутренней, культурно-политической праздною дворянство и этой государственной потребности не могло удовлетворить полностью и надлежаще. Привлеченіе въ бюрократію элементовъ не дворянскихъ, разночинныхъ, являлось поэтому живой потребностью государства. «Демократизація» государственнаго управленія явилась поэтому неизбежной необходимостью великодержавнаго государства, особенно рѣзко, опредѣленно и «демократично» обозначившись при наиболѣе сильномъ представителѣ нашей великодержавности — при Петрѣ Великомъ. Русская бюрократія поэтому давнымъ-давно — пожалуй, даже никогда — не была сословной, аристократической. Она была разночинной, демократической. Она накладывала на всю русскую государственность, и при самодержавіи, этотъ «демократическій» отпечатокъ. Но культура и этого слоя, конечно, не была широкой національной, общей съ народными массами культурой. Она была если не сословно, то бюрократически обособленной, по формѣ да и по существу своему болѣе близкой къ сословной, дворянской культурѣ. Пропасть культурная между «народомъ» и социальными верхами оставалась поэтому незаполненной, не смотря на нѣкоторую — «петровскую» — демократичность русской бюрократіи.

До самаго освобожденія крестьянъ эта пропасть оста-

валась особенно зіяющей. Могло или не могло нормально съ положительными результатами для самого крестьянства и для всего народнаго хозяйства совершиться освобожденіе крестьянства раньше 1861 года, даже напр. въ 1825 году, во время «декабристской» революціи, не говоря уже о 18 вѣкѣ, раньше великой французской революціи, — вопросъ слишкомъ «академическій», совершенно «идеалистическій». Во всякомъ случаѣ сваливать вину за «опозданіе» съ этимъ исторически необходимымъ соціально-экономическимъ актомъ на «самодержавіе» такъ же мало основательно, какъ сваливать на него механической, экстенсивный характеръ развитія русскаго государства въ періодъ Имперіи. Моментъ освобожденія крестьянъ и въ Россіи, какъ во всемъ мірѣ, опредѣлялся, главнымъ образомъ, причинами не только внутреняго, но и внѣшняго, международнаго, міроваго порядка, — въ частности хозяйственнымъ ростомъ и укрѣпленіемъ крестьянства, накопленіемъ въ немъ элементовъ капитализма, требовавшихъ измѣненія формъ соціально-хозяйственнаго строя. «Опозданіе» на годы, а, можетъ быть, даже и на десятилѣтія, въ формальныхъ срокахъ такихъ глубокихъ, эволюціонныхъ явленій, какъ переходъ отъ одной формы соціально-экономическаго строя къ другой едва ли по существу такъ важно, какъ думаютъ историческіе идеалисты. Формальный срокъ въ такомъ явленіи совершенно не совпадаетъ съ наступленіемъ дѣйствительно какого-то новаго процесса, не совпадаетъ даже и съ сколько-нибудь крупными поворотными пунктами въ этомъ процессѣ: «освобожденіе» крестьянства или отдѣльныхъ его элементовъ могло фактически происходить и до опубликованія соотвѣтственнаго государственнаго акта; а съ другой стороны, опубликованіе акта могло бы и не сопровождаться дѣйствительнымъ, реальнымъ «освобожденіемъ», или сопровождаться лишь фиктивнымъ освобожденіемъ, — если бы для реальности освобожденія въ соціально-экономическихъ условіяхъ народной жизни не было соотвѣтственной почвы...

Но съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса о двухъ русскихъ культурахъ, эпоха «великихъ реформъ» въ Россіи, — освобожденія крестьянства, введе-

нія мѣстнаго самоуправленія, реформа суда и т. д. — имѣла громадное, рѣшающее значеніе... въ смыслѣ приближенія Россіи къ революціи 1917 года. Съ этой эпохи въ Россіи начинается особенно быстрый ростъ того новаго соціального слоя, который получилъ названіе интеллигенціи и въ которомъ руководящую роль весьма скоро получили... «Пугачевы изъ университета». Такъ какъ великодержавность русской политики и послѣ 1861 года осталась въ сущности такой же — механической и экстенсивной — какъ и до этого поворотнаго пункта въ русской исторіи, то ростъ культурныхъ силъ Россіи, и въ частности новаго ея культурнаго слоя, интеллигенціи, продолжалъ носить все тотъ же старый, имперскій характеръ. Русская интеллигенція быстро возрастала въ своей численности не потому, что въ этомъ была реальная потребность въ самихъ широкихъ народныхъ слояхъ, въ ростѣ ихъ хозяйственныхъ и интеллектуальныхъ потребностей, въ развитіи промышленности, въ накопленіи народнаго благосостоянія, въ ростѣ національнаго капитализма, — въ связи съ чѣмъ естественно возросли бы и всестороннія культурныя и технически-производственныя потребности широкихъ народныхъ массъ и буржуазіи, — а потому возрастала бы и потребность въ интеллигенціи, какъ культурно-технической служилой силѣ народа. Нѣтъ, быстрый ростъ русской интеллигенціи стоялъ по прежнему въ связи съ гигантскимъ развитіемъ государственнаго аппарата, осложнившимся не только въ своихъ центральныхъ органахъ, но и въ органахъ децентрализованнаго государственнаго управленія, въ органахъ земскаго и городского самоуправления. Къ огромной арміи центральной бюрократіи присоединилась не менѣе, если не болѣе, громадная армія бюрократіи мѣстныхъ органовъ государственнаго управленія, земскаго и городского. Этотъ быстрый ростъ бюрократіи и центральной, и мѣстной былъ, конечно, съ неба свалившейся роскошью для широкихъ массъ народа, и даже для буржуазіи, ростъ которой совершался далеко не такъ быстро, какъ ростъ служилой интеллигенціи. Органической связи этого новаго слоя — интеллигенціи — съ широкими народными массами и съ хозяй-

ственной буржуазіей не оказалось въ такой степени, чтобы сдѣлать культуру ихъ общей, чтобы не было между ними той же культурной пропасти, какая была между народомъ и социальными верхами въ дореформенный періодъ русской Имперіи. Въмѣсто нормальной живой связи между интеллигенціей и тѣмъ народомъ, по отношенію къ которому она является служилой культурной силой, связи, вытекающей изъ культурно-хозяйственныхъ потребностей народа, стала усиленно вырабатываться связь механически-политическая: интеллигенція поставила себѣ задачей политическое «воспитаніе» народныхъ массъ, взяла на себя миссію быть выразителемъ ихъ политическихъ стремленій, формулировку которыхъ, однако, уже въ готовомъ видѣ, выработанномъ въ интеллигентскомъ кабинетѣ, или еще хуже, въ интеллигентскомъ политическомъ подпольѣ, интеллигенція сочла себя въ правѣ поднести народнымъ массамъ въ качествѣ политическаго «идеала.» Народныя массы еле-еле оперялись еще хозяйственно, еле-еле переходили отъ формъ самаго экстенсивнаго хозяйства къ формамъ сколько-нибудь интенсивнымъ, капиталистическимъ, еле-еле привыкали къ новымъ, свободнымъ формамъ социальныхъ отношеній, еле-еле усваивали самые начальныя элементы духовной культуры и даже простой грамотности, а интеллигенція, какъ демократическая по своему происхожденію, такъ и аристократическая, дворянская, получивши отъ государства матеріальную основу культуры, а отъ «университетовъ» — духовную, и чувствуя за собой хотя бы формальное право на государственную, политическую власть, и зная, что этой власти — при данныхъ условіяхъ — иначе, какъ революціоннымъ путемъ она получить не можетъ, — стала бросать въ народъ лозунги и идеалы самыхъ сложныхъ политическихъ стремленій вплоть до республиканскихъ и социалистическихъ. «Идеализмъ» русской интеллигенціи сказался въ этомъ направленіи ея политической дѣятельности особенно рѣзко, эффектно. Понятно, что истинной, органической связи между народомъ и интеллигенціей при такомъ характерѣ ея политической дѣятельности и идеологіи и быть не могло. Эта связь неизбежно оказалась только механиче-

ской и — что еще хуже — по природѣ и существу своему — даже только демагогической: народъ «воспитывался» и вовлекался интеллигенціей въ сферу радикальныхъ политическихъ стремленій лишь какъ орудіе для достиженія политической власти вождями этой интеллигенціи. Двѣ русскія культуры — фактически весьма слабая еще культура народныхъ массъ съ одной стороны, и формально гораздо болѣе высокая культура верховъ, въ томъ числѣ и интеллигенціи, — по прежнему составляли основной фонъ культурнаго состоянія Россіи. Народныя массы могли быть привлекаемы къ радикальнымъ политическимъ стремленіямъ только радикальными же посулами въ элементарно-матеріальныхъ интересахъ низовъ, — въ первую очередь въ интересахъ земельныхъ, близкихъ господствующей массѣ этихъ низовъ, крестьянству, — и активная политически интеллигенція охотно пошла на эти посулы, на эту аграрную демагогію. Эта демагогія разжигала инстинкты соціальной вражды и злобы, неизбежныя при соціально-экономическомъ неравенствѣ, но подавляемые — при нормальномъ, эволюціонномъ развитіи — инстинктами соціальной солидарности, внѣ которой никакое соціальное развитіе не возможно.

Такова соціально-экономическая, политическая и культурная основа, почва въ старой, имперской Россіи, на которой, — при успѣхѣ завѣтной мечты русской радикальной интеллигенціи и оппозиціи, революціи, — въ русскихъ народныхъ низахъ даже не могъ не проявиться «большевизмъ»...

Проф. Т. Локоть.

Задачи Россійской Арміи.

Въ настоящее время пресса всей Европы кричитъ о мирѣ и о началѣ великой эры всеобщихъ разоруженій. Говорятъ объ этомъ у мертворожденнаго недоноска, полнаго взрывчатыхъ веществъ и именуемаго Лигой Націй, уже успѣшно обагрившаго кровью поля, горы и города германской Силезіи, разговоры разговариваютъ на эту же тему и въ Вашингтонѣ, гдѣ американцы, усиливая свой флотъ, убѣждаютъ разоружиться Японію, а Японія, раздумывая о томъ, кто дешевле уступить ей Дальній Востокъ—большевики, Меркулевъ или «атаманъ» Семеновъ, —уговариваетъ разоружиться Дальне-восточное «правительство» и Америку. И подъ шумокъ Франція содержитъ армію не только для себя, но и для Польши и Румыніи, и каждое свое слово сопровождаетъ весьма недвусмысленнымъ бряцаніемъ оружія.

Мы, русскіе, отлично знаемъ, къ чему привелъ социалистическій призывъ: «товарищи, втыкайте штыки въ землю и расходись по домамъ!.. Миръ безъ аннексій и контрибуцій!..» Этотъ миръ залилъ и продолжаетъ заливать всю Россію кровью, этотъ миръ губитъ Россійское достояніе и уничтожаетъ великодержавный русскій народъ. Соціалистамъ, повидимому, желательно залить теперь весь міръ кровью и рѣзать какъ барановъ тѣхъ простаковъ, которые повѣрятъ ихъ словамъ и перекуютъ мечи на орала.

Та Россія, которая воскреснетъ изъ мертвыхъ, которая встанетъ съ тяжкаго одра болѣзни, стряхнетъ съ себя язвы большевизма, будетъ слабая, шатающаяся, хилая, зловонная. Она за годы большевизма — ихъ уже прошло четыре и сколько еще пройдетъ, никто не знаетъ, — распалась, раздробилась, прогнила нравственнымъ разложениемъ, пропиталась ядомъ преступности. Мы должны быть готовы принять изломанную социалистическими опытами Луначарскаго и Коллонтай, прививавшихъ сифилисъ къ душамъ нашихъ дѣтей, молодежь и мы должны заново перевоспитывать ее. И мы бы сказали, что это задача непосильная никому, что безвозвратно погибла Россія, въ которой съ корнемъ вырваны семья и слово «мать» заплевано и загажено мерзкими, смердящими устами комиссаровъ и ихъ «содкомовъ», если бы мы не имѣли духъ могучихъ союзниковъ и помощниковъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей въ духѣ любви къ Родинѣ: **Церковь православную и Армію.**

Намъ вполне понятно стремленіе нашихъ «союзниковъ» и особенно французовъ во что бы то ни стало уничтожить, въ прахъ развѣять доблестные остатки Россійской Императорской Арміи. Они знаютъ, что возрожденіе Россіи въ ея арміи, они помнятъ непреложную истину, провозглашенную послѣ битвы при Лѣсной нашимъ національнымъ героемъ, Петромъ Великимъ: «недорубленный лѣсъ вырастаетъ скоро». Они стремятся подъ корень дорубить этотъ лѣсъ, выкорчевать пни и посѣять ядъ социализма въ чистыхъ душахъ Россійскихъ воиновъ. **Они смертельно боятся сильной Россіи.**

Передъ будущей Россійской Арміей стоитъ и еще задача. Вся Россія долгое время будетъ раздираться разбоями остатковъ красныхъ армій, отрядовъ зеленыхъ и разъигравшимися крестьянами и помѣщиками, которые будутъ мстить за поруганныя могилы предковъ, будутъ сводить счеты за разоренныя гнѣзда. Пламя войны, мятежа и бунта, пламя погромовъ будетъ то и дѣло вспыхивать на сѣромъ пепелищѣ Россійскаго пожараща. Россіи нужна будетъ армія, чтобы бороться съ остатками Буденнаго, Тухачевскаго, Булахъ-Булаховича, Мах-

но; «атамана» Семенова и всѣхъ тѣхъ, кто велъ войну, полагая въ основу принципъ, что «война должна питать войну». Этимъ грѣшили всѣ: и красные, и бѣлые и, особенно, зеленые. Отъ этого не смогъ отречься ни Деникинъ, ни Юденичъ, широко грабили братья-разбойники чехо-словаки Колчака и отрыжка этого останется на долго. Вспомнимъ, что все царствованіе перваго царя изъ дома Романовыхъ Михаила Феодоровича прошло въ непрерывной борьбѣ съ ворами и разбойниками, и завершилась эта борьба — яркой вспышкой разиновщины, для уничтоженія которой царю Алексѣю Михайловичу пришлось двинуть послѣдніе резервы изъ Москвы: Разинъ исполнилъ свою угрозу и «потрясъ Москвою».

Для внутренней чистки Россіи понадобится армія крѣпкая, сильная, могучая, стойкая, подвижная и, главное, **рыцарски честная** и неподкупная.

Дальше передъ Россіей стоитъ серьезная задача заново прорубить окно въ Европу, уничтожить всѣ эти ненормальные присоски и придатки, которые самостоятельно существовать не могутъ и которые основаны лишь для того, чтобы служить плацъ-д'армами для тѣхъ, кто собирается обратить русскій народъ въ рабство и колонизировать Россію. Возстановленіе естественной границы съ Германіей, Венгріей и славянскими народами, уничтоженіе всевозможныхъ «корридоровъ» и чуланчиковъ, отъ которыхъ смердитъ спекуляціей и воняетъ самымъ недвусмысленнымъ навозомъ Лиги націй, освобожденіе рускихъ гражданъ, поработенныхъ эстонцами, латышами, поляками, «украинцами», румынами, сартами, бухарцами, хивинцами, монголами, китайцами, японцами, армянами, грузинами и, можетъ быть, и еще кѣмъ-либо, слѣдующая очередная задача Россіи. Россія возвращена ко временамъ Алексѣя Михайловича и надо начинать Петрово дѣло ея спасенія и начинать по Петровски: **созданіемъ регулярной Арміи и флота.**

Мы, русскіе, должны отлично понимать, что вопли о разоруженіи, разсужденія въ Женевѣ и Вашингтонѣ, это, какъ говорится, «для простого народа», чтобы об-

мануть и усыпить тѣхъ, кто обреченъ на порабощеніе; мы же этого не хотимъ и потому мы должны теперь же думать о сохраненіи во что бы то ни стало остатковъ **Россійской Императорской Арміи** и о созданіи при первой къ тому возможности арміи, которая отвѣчала бы достоинству и значенію Россіи.

Очередныя задачи Арміи, — воспитаніе народныхъ массъ, борьба съ ворами и разбойниками, установленіе тишины и порядка и, наконецъ, возвращеніе Россіи къ ея естественнымъ рубежамъ, — указываютъ намъ, какая должна быть Армія.

2. Аполитичность арміи.

Основнымъ принципомъ всякой арміи является ея аполитичность. Армія, — вѣчная молчальница, «*la grande Muette*», какъ называютъ ее французы. Не могутъ руки дѣлать свое дѣло, когда голова дѣлаетъ свое. Да, это совершенно вѣрно тогда, когда есть голова, то есть государство. Но, если теперь какая-либо бѣлая организація станетъ на эту точку зрѣнія, она неизбежно должна признать власть Ленина и идти подъ красныя знамена. Пусть это не кажется парадоксомъ. Въ Россіи сейчасъ есть одно правительство, совѣты и, если армія великая молчальница, даже и въ грозный моментъ гражданской войны, — она должна признать совѣтскую власть. Тогда правъ былъ полковникъ Щегловъ, который проповѣдывалъ переходъ въ красную армію изъ Галлиполи и совершенно не правъ генераль Кутеповъ, предавшій его военно-полевому суду. Вотъ до какого абсурда можно договориться, доказывая аполитичность арміи! Если армія внѣ политики, то она должна знать, кому она служить. Нельзя говорить: «мы исполнимъ «волю народа», что народъ намъ скажетъ, то и будетъ.» Ибо что такое воля народа? «Идемъ подъ Царя Индѣйскаго», — говоритъ изголодавшійся на Волгѣ народъ. Что же и армія за нимъ искать царя Индѣйскаго пойдетъ? «Намъ ни Деникина, ни Ленина не надо, а такъ, чтобы свобода и пода-тей, значить, не платить, ну и земли бы побольше» —

это, что ли, воля народа? Такъ, вѣдь, и до махновщины дойдемъ. А то на знаменахъ писать придется «бей жи-довъ — спасай Россію», ибо и это «воля народа». Вѣдь и большевики утверждаютъ, что они осуществляютъ волю народа, да только имъ все мѣшаютъ и лишь потому у нихъ ничего не выходитъ. Нѣтъ, уже довольно этой «воли народа». «воли Россіи», «что народъ скажетъ, какъ онъ, «богоносець», укажетъ!» Мы эту волю его на своей спи-нѣ достаточно познали. Отъ Свеборга до Севастополя и отъ окоповъ германскаго фронта до береговъ Великаго океана кровью лучшихъ людей Россіи, ея мозгомъ залита вся Русская земля по волѣ этого народа, — такъ доволь-но съ этимъ краснымъ платочкомъ играть!

Да народъ и не хочетъ этого. Онъ опредѣленно го-ворить: приходите и володѣйте нами! Все равно кто: Царь-ли Индѣйскій, Вильгельмъ-ли, Микадо, только чтобы не грабили, не убивали, не отнимали послѣдней корки хлѣба, не уводили послѣдней лошади, не угоняли коровы...

Такъ причемъ тутъ воля народа?

Ну, а если воля народа большевики и Ленинъ, тогда за что же мы кровь-то проливали съ 1917 года? За что же гибли прекрасные юноши и могилами покрыта Рус-ская Земля отъ Орла до Новороссійска и отъ Самары до Владивостока? За что же гибли мы въ Архангельскѣ и подъ Нарвой?

И, если Русская Армія желаетъ быть арміей, она должна опредѣленно сказать, за что она борется, и тогда уже въ отношеніи всего другого стать аполитичной. Нельзя умирать и сражаться за «великое, безликое Ни-что». Отъ этого погибли всѣ бѣлыя арміи. Они шли, уми-рали, борясь съ большевиками, и только... А за что? Это-го никто не смѣлъ имъ сказать... Боялись, что демокра-тическая Антанта не поможетъ. А помогла она? Вы, пе-режившіе весь ужасъ Архангельска, Нарвы, Одессы, Се-вастополя, Новороссійска, Константинополя, Лемноса и Галлиполи, скажите по совѣсти, какъ она вамъ помогла? Боялись, что скажутъ Керенскій, Миноръ, бабушка рус-ской революціи, что скажутъ еврейскіе банкиры!..

Хорошая армія и честные вожди должны ничего не бояться и открыто и честно сказать, во что они вѣрують.

Армія воспитательница народа и школа патриотизма. Нельзя говорить: «будетъ красное — служи красному, будетъ бѣлое — служи бѣлому». Нельзя сказать: «сядетъ Керенскій — служи и умирай за Керенскаго, сядетъ еврей — поклонись и еврею, ибо это — «воля народа.»

Какая же теперь можетъ быть аполитичность? Политики не должно быть, но и знамя не можетъ быть пустымъ мѣстомъ.

Помню, въ бою подъ Волькой Галузіійской 27-го мая 1916 года принесли къ моему штабу раненаго солдата. Вся грудь была вырвана осколкомъ тяжелаго снаряда. Онъ уже умиралъ. Лицо его было свѣтлое, глазъ ясный. Медленно, на моихъ глазахъ, его правая рука сложила пальцы для крестнаго знаменія, согнулась, потянулась ко лбу, да такъ и застыла. Глаза сомкнулись. Онъ умеръ. Этотъ зналъ за что онъ умиралъ: **за вѣру, царя и отечество...**

Скажите раньше, кто вы: республиканцы или монархисты? Пусть уйдетъ тотъ, кто съ вами не согласенъ, за то другіе придутъ, за то народъ будетъ знать, что несете вы ему — Государя ли милостиваго, при которомъ съ голода не дошли, при которомъ были судъ и какая ни на есть правда, при которомъ преступники по тюрьмамъ сидѣли и евреевъ не громилъ безъотвѣтственно всякій, кому не лѣнь, при которомъ слова «спекуляція и валюта» даже не были извѣстны, или господина Керенскаго который посадилъ преступниковъ въ дворцы, выставилъ почетный караулъ Л. Гв. Преображенскаго полка глупой, вздорной старухѣ Брешко-Брешковской, напакостилъ на ваши святыя знамена, бывшія побѣдителями въ Парижѣ, Берлинѣ и помняція Нарву и Полтаву, ощипалъ велико-державнаго двуглаваго орла и, нагадивъ въ Россіи, призвалъ и устроилъ въ ней Ленина, или идете вы за политическимъ фигляромъ Милюковымъ и кадетами, проговорившими Россію, а теперь продающими ея армію?

Вотъ, когда вы скажете, кто вы, отберете «своихъ»,

тогда и говорите объ аполитичности, о великой молчальницѣ, судите Щегловыхъ или преслѣдуйте Веніаминовъ и Восторговыхъ.

Армія — рыцарь, иначе она — шайка разбойниковъ. И въ старину рыцарь имѣлъ и своего короля, и свою даму сердца. Демократическая армія — простите, это черное молоко, это холодный кипятокъ, потому что по самой природѣ своей — отстаивать правду, спасать угнетаемыхъ — армія аристократична.

Итакъ, только условившись относительно того, что написано на армейскихъ знаменахъ, мы можемъ говорить о томъ, какъ должна быть устроена, организована и воспитана армія.

3. Всеобщая воинская повинность. Армія — школа патриотизма.

Армія — школа патриотизма. Армія — это тотъ народный университетъ нравственности, черезъ который въ продолженіе десятковъ лѣтъ въ Россіи и во всей Европѣ пропускалась вся молодежь отъ 21 до 24 лѣтняго возраста. Это то мѣсто, гдѣ пропитанная разными социалистическими ученіями, распущенная и развращенная забастовками, рабочая молодежь сталкивалась съ суровымъ, крѣпкимъ, тяжелымъ разумомъ крестьянина и шлифовалась дисциплиной, воспитаніемъ, училась любить свой полкъ и свою Родину.

«Зри въ части семью, въ начальникѣ — отца, въ товарищахъ — братьевъ».

«Обывателя не обижай, онъ насъ поитъ и кормитъ, солдатъ не разбойникъ.»

«Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ».

Гдѣ всѣ эти святыя завѣты стараго русскаго солдата? Гдѣ та школа, которая дѣлала изъ запаснаго солдата неподкупнаго, честнаго человѣка, котораго цѣнили и въ деревнѣ, и въ городѣ, и на фабрикѣ, и на заводѣ, и въ полиціи, и въ лѣсникахъ, и гдѣ угодно ?

Соціалисты, разрушавшіе государство, основнымъ принципомъ своимъ поставили уничтоженіе арміи, какъ народной школы и потому, если мы хотимъ имѣть государство, мы должны строить армію на принципѣ всеобщей воинской повинности и готовить достойныхъ учителей для нея и прежде всего воспитанныхъ, **честныхъ**, любящихъ Родину **рыцарей-офицеровъ**.

А потому въ основу арміи: кадетскій корпусъ, можетъ быть, и преобразенный, но со старымъ духомъ крѣпкаго товарищества, громаднымъ патріотизмомъ и... безъ еврея, какъ элемента всюду вносящаго разложеніе. Затѣмъ военное училище и полковая семья со строгимъ, полумонастырскимъ укладомъ жизни: «Если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною.» Воспитаніе духа, воспитаніе воли и умѣнье повиноваться: только тотъ, кто умѣетъ повиноваться, можетъ и повелѣвать. Значить: и отданіе чести, и титулованіе, и знамя, и весь сложный ритуаль полковой жизни, который начинается барабаномъ и кончается побѣдами и славой. Въ этомъ — воспитаніе честнаго солдата-христіанина, Суворовскаго чудо-богатыря.

И тотъ, кто думаетъ, что можно чураться этого, кто видитъ въ этомъ «старый режимъ», тотъ никогда не создастъ Арміи. Основы воспитанія Арміи выработаны во времена Александра Македонскаго и Юлія Цезаря, указаны въ Библии и подтверждены Петромъ Великимъ, Суворовымъ, Наполеономъ и всѣми великими полководцами. Онѣ неизмѣнны. Франція, пытавшаяся измѣнить ихъ, заплатила погромомъ 1870 года, Россія, заведшая комитеты и комиссаровъ и по-сейчасъ окровавленная, разодранная на части, стоитъ на большой дорогѣ и просить милостыню, Германія провалилась въ бездну, потому что въ ея арміи на нѣсколько мѣсяцевъ забыли завѣты Фридриха Великаго.

Арміей будущей Россіи должна быть армія регулярная, построенная по всѣмъ принципамъ военной науки и на началахъ всеобщей воинской повинности и, конечно, аполитичная.

Но, какъ въ данное время, не приходится говорить

объ аполитичности арміи, такъ нельзя и мечтать о всеобщей воинской повинности, хотя бы уже потому, что Россію придется принять въ обломкахъ и при существованіи всевозможныхъ политическихъ партій, теченій, вождей, разбойничьихъ шаякъ, красныхъ, зеленыхъ, бѣлыхъ, махновцевъ, балаховцевъ, прежде, чѣмъ приступить къ набору по всеобщей воинской повинности, придется поработать войсками иного типа и устройства.

4. Первое время въ Россіи — наемная армія.

Большевики до корня разрушили сельское и промышленное хозяйство, уничтожили собственность и свободу личности. Первою задачею нормальнаго русскаго правительства, — будетъ ли это Государь Императоръ, временный блюститель Престола Россійскаго, диктаторъ, Земскій Соборъ, Учредительное Собраніе, — все равно кто, — будетъ возстановленіе личной свободы (свободы передвиженія, торговли, неприкосновенность жилища, относительная свобода слова и печати), разрѣшеніе земельного вопроса и возстановленіе права собственности.

Для этого потребуется: разоруженіе всего населенія, чтобы никто, кромѣ войска или лицъ, пользующихся особымъ довѣріемъ правительства и принужденныхъ защищать свое имущество самостоятельно, не былъ вооруженъ, созданіе цѣлаго ряда охранительныхъ отрядовъ, разѣздовъ, дозоровъ и постовъ, которые прекратили бы бандитизмъ на желѣзныхъ и грунтовыхъ дорогахъ, и созданіе такихъ частей, которыя при разрѣшеніи земельного вопроса могли бы заставить повиноваться закону недовольныхъ имъ.

Земельный законъ такого свойства, что, какъ ни рѣшайте его, будутъ недовольные и, если власть не будетъ имѣть достаточной силы, то земля еще разъ обогрится кровью. Трудно допустить, чтобы разумное правительство признало бы законнымъ тотъ грабежъ земли, который допустили большевики и который привелъ Россію къ голоду и разоренію. Вѣрнѣе всего оно, — можетъ

быть, только временно, — отдать землю законнымъ владѣльцамъ и уже потомъ приступить къ такъ жадно ожидаемому крестьянами раздѣлу и прирѣзкѣ земли.

Не исключается борьба съ забастовками и стачками, которыя въ обезкровленномъ государствѣ, гдѣ погасла всякая производительность, не могутъ быть допущены.

Все это придется возложить на армію сейчасъ же, не дожидаясь, пока она научится и воспитается. Такимъ образомъ правительству первое время придется отказаться создавать дешевую армію, основанную на всеобщей воинской повинности и обратиться къ арміи **наемной**. Быть можетъ, удастся, имѣя въ виду будущее, постепенно создавать и армію по всеобщей воинской повинности, имѣя въ виду воспитательныя цѣли, но это можно будетъ сдѣлать по бюджетнымъ и инымъ соображеніямъ не первые годы. Эта армія понадобится тогда, когда придется приступить къ возвращенію къ старымъ рубежамъ и защитѣ ихъ отъ врага внѣшняго, то есть, тогда, когда врагъ внутренній будетъ парализованъ.

Такимъ образомъ, первые годы, русская армія должна состоять изъ наемныхъ солдатъ.

Наемныя войска могутъ быть созданы:

изъ иностранцевъ,
изъ добровольцевъ,
путемъ полупринудительнаго найма особой категории людей, пользующихся довѣріемъ правительства.

Первые цари Дома Романовыхъ, Михаилъ Θεодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, должны были пользоваться наемными драгунскими и рейтарскими нѣмецкими полками потому, что военное искусство было запущено въ Россіи, и Московская Русь нуждалась не только въ охранѣ, но и въ инструкторахъ. Наемныя латышскія, китайскія и башкирскія (по набору) части оставили въ населеніи за время большевизма слишкомъ тяжелую память, и было бы жестокой ошибкой прибѣгнуть къ нимъ той власти, которая должна такъ или иначе заслужить любовь и уваженіе народа.

Извнѣ Россійское правительство могло бы нанять нѣмцевъ (въ большомъ числѣ и отличнаго качества), шведовъ (меньше и качества худшаго), и венгерцевъ (съ большою опасностью попасть на комунистовъ). Если во времена Михаила Θεодоровича наемныя войска были относительно хороши, однако они первыми покинули поле сраженія подъ Нарвой и подвели русскія войска, то теперь, когда кондотьерство дѣло новое, они будутъ состоять изъ иностраннаго пролетаріата, то есть, какъ разъ изъ того элемента, отъ котораго мы хотимъ сами освободиться. Имъ придется не только платить жалованье, но и надѣлять ихъ землею. то есть, вводить колонизацію раньше, нежели будетъ рѣшенъ земельный вопросъ, — все это естественно создастъ сильное сопротивленіе народа и уменьшитъ популярность и обаяніе новаго правительства. А потому къ войскамъ изъ иностранцевъ желательно совсѣмъ не прибѣгать.

Добровольчество имѣетъ свѣтлыя, но еще больше тѣневыхъ сторонъ. Добровольчество подрываетъ дисциплину, придаетъ характеръ партизанщины арміи, и это сорвало даже такую мощную организацію, какъ армія генерала Деникина. При добровольствѣ возможны такіе вожди, какъ Булакъ-Балаховичъ, которые, стремясь къ личной наживѣ и усилению своей популярности, не стѣсняются въ средствахъ.*) Грабежи, погромы евреевъ, сведеніе счетовъ помѣщиковъ съ крестьянами (Май-Маевскій) и крестьянъ съ помѣщиками (Махно), все это явленія, которыя надо съ корнемъ вырвать. Идутъ по доброй волѣ по разнымъ мотивамъ: ради идеи — меньшинство, ради веселой, красочной жизни, полной приключеній, ради наживы, ради мести — большинство. Армія должна быть безстрастна — добровольческая армія неизбежно кипитъ страстями. Она развиваетъ бонапартизмъ и въ Наполеоны лѣзутъ, можетъ быть, и храбрые, но бездарные поручики, пьяницы, кокаинисты и спекулянты. Генераль Деникинъ въ концѣ концовъ не справился съ до-

*) Редакція оставляетъ цѣликомъ на отвѣтственности автора эту характеристику, какъ г. Булакъ-Булаховича, такъ и другихъ участниковъ въ боробѣ и большевиками.

бровольческой арміей и отъ Орла довелъ ее до... Новоросійска. Генераламъ Врангелю и Кутепову стоило нечеловѣческихъ усилій выбить добровольчество и создать принудительно Россійскую Армію, но чего стоила имъ борьба съ Сидориными, Слащевыми и многими другими кумирами толпы, и не отважное ли добровольчество не дало ему возможности укрѣпить, какъ слѣдуетъ, и удержаться на Перекопѣ и привело его армію черезъ Константинополь, Лемнось и Галлиполи въ Болгарію и Сербію?

Большевики, начавшіе при Крыленкѣ строить свою красную армію по принципу добровольчества, отказались отъ него при Троцкомъ и стали создавать ее на началахъ обязательнаго служенія и отбора лицъ особо преданныхъ совѣтской власти, коммунистовъ.

Самая цѣль борьбы Русской Арміи — отстаиваніе собственности, земли и свободы личности — указываетъ на тѣ элементы, которые должны войти въ эту армію. Русская Армія должна быть составлена изъ людей, взятыхъ по набору (то есть, принудительно) изъ числа лицъ, преданныхъ старымъ порядкамъ, стремящихся къ законности, а именно: изъ земельныхъ собственниковъ, крестьянъ-хуторянъ, изъ собственниковъ вообще — купцовъ, промышленниковъ, крестьянъ-кустарей, — изъ здоровой интеллигенціи и казачества.

При осуществленіи такого набора мы неизбежно снова подойдемъ къ вопросу объ аполитичности арміи. Армія должна идти подъ опредѣленнымъ знаменемъ и значить, какъ ни вертись, Россіи одинъ путь: путь къ Монархіи. Какъ выйти на этотъ путь, какъ найти Монарха — не составляетъ предмета этой статьи. Но, лишь поставивъ на своихъ знаменахъ, опредѣленные слова «за вѣру, царя и отечество», мы можемъ осуществить созданіе прочной, могущественной, сильной и **честной** Арміи. Людей въ эту армію должны указать монархическія организаціи, которыя уже существуютъ явно и тайно по всей Европѣ. Пускай тѣ, кто не пріемлетъ Царя, отшатнется отъ этой арміи и уйдетъ отъ нея. Р. С. Ф. С. Р. уже достаточно показала, каково сладка Россійская республика, и республиканцевъ осталась не такъ много. Будутъ

мѣшать — придется сократить ихъ. Въ будущемъ, при созданіи арміи на началахъ всеобщей воинской повинности дѣти социалистовъ попадутъ въ армію, но къ тому времени уже должно быть надлежащимъ образомъ поставлено воспитаніе въ школахъ, и въ самой арміи будутъ готовы мощные кадры офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и старыхъ солдатъ, которые съумѣютъ воспитать и республиканцевъ въ приверженности къ монархіи.

5. Организація арміи.

Нормально организованная армія состоитъ изъ пѣхоты, конницы, артиллеріи и техническихъ войскъ. Военная наука точно указываетъ въ зависимости отъ цѣлей войны, театра военныхъ дѣйствій, противника и времени года пропорцію каждаго рода войскъ. Основнымъ принципомъ военной науки является: «организація не терпитъ импровизаціи». Добровольческія арміи сильно страдали отъ того, что въ силу обстоятельствъ, по большей части отъ вождей не зависящихъ, онѣ были не организованы, а импровизированы. Ихъ губило то, противъ чего такъ ѣдко въ свое время писалъ Морицъ Саксонскій: «большіе штабы, большіе обозы, маленькіе таланты и большія пораженія». Тылъ съѣдалъ и развращалъ фронтъ. Безработныхъ генераловъ и полковниковъ оказалось больше, нежели солдатъ, и арміи имѣли громадныя головы и животы и крошечныя вялыя руки и ноги.

Нормально армія должна имѣть всѣ роды войскъ, причемъ пѣхота принимается за основной родъ, кавалерія составляетъ отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{10}$ пѣхоты, артиллерія — одно орудіе на 1000 человѣкъ, пулеметы отъ четырехъ до восьми на 1000 человѣкъ, броневыя машины по 2 машины на 4000, аэропланы — 6 на 16.000 и т. д.

Но пропорція эта зависитъ отъ:

1. — Цѣлей войны. Борьба съ ворами и разбойниками указываетъ партизанскій характеръ войны. Она требуетъ большой подвижности, сильнаго моральнаго дѣйствія, внезапнаго появленія, а потому конница будетъ

играть большую роль, нежели при нормальныхъ условіяхъ войны.

2. — Театра военныхъ дѣйствій. Исключивъ временно Сибирь и считаясь только съ Европейской Россіей и Кавказскомъ, онъ можетъ быть раздѣленъ на три полосы:

а) **Сѣверный театр** — отъ Ледовитаго океана до линіи: Москва — Екатеринбургъ включительно. Преобладаіе и пѣхоты и артиллеріи до тяжелой включительно. броневыя машины и поѣзда. Конница въ размѣрѣ не больше $\frac{1}{16}$ даже $\frac{1}{12}$ пѣхоты. Борьба въ городахъ съ забастовками, мелочныя обыски въ связи съ разоруженіемъ населенія, достаточное количество желѣзно-дорожныхъ и шоссейныхъ путей, долгая снѣжная и суровая зима дѣлаетъ здѣсь работу конницы затрудненной. На этотъ театръ потребуется до двухсотъ тысячъ войска. Изъ нихъ 160.000, то есть, 10 дивизій пѣхоты и около 16.000, то есть, 4 дивизіи конницы при соответствующей артиллеріи и техническомъ оборудованіи. Служба связи должна быть оборудована телефонами, телеграфами и безпроводочными аппаратами хорошо.

б) **Южный театр** — отъ Москвы и Екатеринбурга исключительно до береговъ Чернаго, Каспійскаго и Аральскаго морей. Степной характеръ мѣстности, отсутствіе хорошихъ дорогъ, обиліе травяного корма, болѣе лойяльный характеръ жителей, изъ которыхъ большинство земельныя собственники, меньшее количество рабочаго пролетаріата даетъ возможность уменьшить здѣсь количество пѣхоты до 80.000, то есть 5-ти дивизій, но зато довести конницу до 20.000, т. е., до 5 дивизій, притомъ конницу имѣть высокаго качества съ кровнымъ составомъ лошадей, способную на конныя атаки. Число броневыхъ машинъ и аэроплановъ должно быть доведено до максимума. Средства связи поставлены отлично.

в) **Кавказскій театр**. — Пересѣченность мѣстности, обиліе лѣсовъ и ущелій, обиліе «зеленыхъ» заставитъ здѣсь держать до 80.000 пѣхоты (5 дивизій) и 12.000 конницы, способной къ горной войнѣ, то есть, прекрасно обученной смѣшанному бою, сидящей на горныхъ лоша-

дяхъ и имѣющей конно-горныя батареи — всего 3 дивизіи. Число броневыхъ машинъ и аэроплановъ должно быть достаточно. Средства связи сверхъ отличны.

3. Противникъ — неорганизованныя банды, однако составленныя изъ людей отчаянныхъ, знающихъ что играютъ своими головами, заставляетъ обратить вниманіе на обученіе конницы, могущей захватывать ихъ ночью, воспитанной въ ночныхъ работахъ и развѣдкахъ, на прекрасное снабженіе техническими средствами и особенно средствами связи.

Части должны быть правильно организованы, исходя изъ слѣдующихъ непреложныхъ, испытанныхъ, какъ въ международной, такъ и гражданской войнѣ истинъ:

Боевая единица пѣхоты — батальонъ. Въ батальонѣ 3 роты, по 200 штыковъ и 8 пулеметовъ, а всего 800 человекъ. Въ пѣхотномъ полку 3 батальона.

Боевая единица конницы — дивизионъ, т. е. два эскадрона. Въ эскадронѣ четыре взвода по 16 рядовъ — 35 всадниковъ, а всего 148 всадниковъ. Въ полку шесть эскадроновъ.

Въ артиллеріи боевая единица (не самостоятельная) — батарея, 4 орудія, раздѣленныхъ на два взвода.

Пѣхота составляетъ дивизіи и корпуса. Конница составляетъ бригады, дивизіи и корпуса и входитъ, кромѣ того, бригадами и дивизіями въ армейскіе корпуса. Артиллерія состоитъ при пѣхотныхъ дивизіяхъ и при кавалерійскихъ бригадахъ и дивизіяхъ, какъ ихъ неотъемлемая часть.

Особое вниманіе должно быть обращено на штабы и обозы.

Штабъ роты — ея командиръ, фельдфебель, артельщикъ и ротный писарь.

Штабъ батальона — его командиръ и адъютантъ

Штабъ полка — командиръ, завѣдующій хозяйствомъ, врачъ, адъютантъ, казначей, дѣлопроизводитель, завѣдующій оружіемъ, священникъ, капельмейстеръ и необходимое число писарей, фельдшеровъ, музыкантовъ и обозныхъ.

Но особое вниманіе должно быть обращено на штабы крупныхъ соединеній: дивизій, корпусовъ и армій. «Состоящіе при», «причисленные», «прикомандированные», «замѣстители», «резервы», «сестры милосердія при своихъ мужьяхъ», «мужья при сестрахъ милосердія», сыновья, племянники, **контръ-развѣдчики**, машинистки, секретарши, все это должно быть уничтожено навсегда. Штабъ долженъ быть не только указанный въ части I отдѣлѣ V книги штатовъ, но еще и сокращенный по меньшей мѣрѣ на половину. Обозъ только штатный. На эскадроннаго командира 1 вьючная лошадь, таковая же на двухъ младшихъ офицеровъ. Въ пѣхотѣ одна офицерская ротная двуколка на всѣхъ офицеровъ роты. Это уничтожитъ стремленіе получать пѣанино и дорогія картины «отъ благодарнаго населенія» и возить при себѣ временныхъ и постоянныхъ женъ со всѣмъ ихъ приплодомъ. И нарушеніе этого должно караться самымъ жестокимъ образомъ: армія не игрушка!

Довольствоваться армія должна отъ интендантства и никогда отъ населенія. Реквизиціи должны быть запрещены — надо памятовать: «солдаты не разбойники», а въ войнѣ гражданской, въ своей странѣ это должно быть проведено до щепетительности арміи Густава Адольфа.

Располагаться на ночлегъ въ палаточномъ лагерѣ на бивакѣ, жить въ своихъ казармахъ и баракахъ и никогда по обывательскимъ квартирамъ, чтобы армія не стѣсняла и не давила гражданское населеніе.

Особенно въ первое время жизни Россіи это должно проводиться съ неизмѣнною аккуратностью, чтобы вывести тѣ навыки, которые были въ тылахъ добровольческихъ армій, когда генералъ Эльснеръ требовалъ въ Новочеркасскѣ рядовымъ добровольцамъ квартиръ съ водопроводомъ и ваннами и отказывался ставить ихъ въ бараки, гдѣ стояли казаки.

Армія должна вернуть въ свои полки старыя историческія названія, избѣгая тѣхъ, можетъ быть, и очень славныхъ, покрытыхъ величайшею доблестью именъ, которыя связаны съ кровью своихъ заблудшихъ

братьевъ. Надо всегда помнить, что близокъ тотъ день, когда красные и бѣлые станутъ подъ одними святыми Русскими Императорскими знаменами.

Армія должна отлично питаться. Каждый солдатъ долженъ имѣть ежедневно не менѣе 2-хъ фунтовъ хлѣба, $\frac{1}{2}$ фунта мяса, 32 золотниковъ крупы и соотвѣтствующій приварокъ. Кромѣ того не менѣе двухъ разъ въ день чай. «Французскіе» и «американскіе» пайки, приспособленные **только для русскихъ**, должны быть забыты.

При полкахъ должны быть офицерскія и унтеръ-офицерскія собранія (артели), солдатскія лавочки и чайныя.

Кромѣ дисциплинарныхъ взысканій, взысканій по суду, должны работать офицерскіе и унтеръ-офицерскіе суды чести, уставъ которыхъ долженъ быть заново разработанъ, такъ какъ за проклятое время гражданской войны понятія о чести и о честности сильно упали.

Армія должна быть отлично одѣта. Здѣсь два предложенія: или старая русская форма 1914 года, связанная со славными временами побѣдъ въ Пруссіи, Галиціи и на Кавказѣ, и тогда большой вопросъ о погонахъ, или приспособленная къ нынѣшнему времени, къ современной техникѣ форма Петровскихъ регулярныхъ и стрѣлцкихъ войскъ, кафтаны и зипуны и отличія переносятся на грудь, воротникъ, рукава и оружіе, — вопросъ о погонахъ отпадаетъ.

Наконецъ, въ правильно организованной арміи желательно возстановленіе вѣковыхъ традицій части, которыя незамѣтно, но вѣрно спаиваютъ полкъ въ тѣсную семью. Знамя, полковой праздникъ, встрѣчные марши, боевыя отличія, исторія части, мелкія, но характерныя пережитки стараго, какъ, на примѣръ, курносые солдаты въ лейбъ гвардіи Павловскомъ полку, капуль на льбу въ 1-мъ эскадронѣ лейбъ гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, серьга въ ухѣ у гусаря 12-го гусарскаго Ахтырскаго полка, отсутствіе алаго башлыка у командира Дагестанскаго полка, алые чембары Туркестанскихъ стрѣлковъ — все это мелочи, но мелочи эти радуютъ, поднимаютъ духъ, очищаютъ сердце, заставляютъ думать о

прошломъ, а въ прошломъ такъ много прекраснаго! Генералу Деникину не такъ легко было бы стать Деникинымъ, если бы онъ не командовалъ 4-й стрѣлковой дивизіей, и 4-я стрѣлковая дивизія не имѣла бы столько доблести, если бы не именовалась со временъ войны 1877 года и генерала Гурко — Желѣзной...

Такова должна быть организація арміи на первыхъ дняхъ жизни воскресшей Россіи.

6. Очередныя задачи по организаціи Россійской Арміи.

Къ подготовкѣ этой Арміи русскіе должны приступить теперь же, немедленно. Кадры есть. Это остатки славной Императорской Арміи у генерала Врангеля, это доблестный корпусъ генерала Кутепова, это казачьи части, боровшіяся до конца съ большевиками. Ихъ сорокъ тысячъ, но сила и выучка ихъ такова, что, ставши на родную землю, каждый станетъ начальникомъ отдѣленія, и армія удесятерится и дастъ тѣ 400.000, которыя нужны на возстановленіе Европейской Россіи.

И потому **армія генерала Врангеля должна быть сохранена во что бы то ни стало.** Это первая задача всѣхъ любящихъ Россію людей независимо отъ того, кто они, русскіе или иностранцы. Ибо безъ нея не будетъ Русской Арміи, а не будетъ Арміи, не будетъ и Россіи. Это отлично учили враги Россіи и напрягаютъ всѣ усилія, чтобы распылить и уничтожить ее и развратить казаковъ.

Вторая задача русскихъ это слить армію Врангеля политически въ одно цѣлое. Столковаться, выяснить лицо и ясно и отчетливо написать на своихъ знаменахъ, не стыдясь, не боясь еврейскихъ газетчиковъ, не посылая гадкія ухмылочки Милюковымъ, Керенскимъ, бабушкамъ и внучкамъ кроваваго бессмысленнаго бунта, святыя слова : «за Вѣру, Царя и Отечество.»

Третья задача — примириться съ казаками и вернуть ихъ на путь истины. Вѣдь, въ такъ называемой самостоятельности казаковъ грѣшны не они одни. Не мы ли толкали ихъ на этотъ путь, все считая ихъ не сыновьями

своими, а пасынками, все держа ихъ на задворкахъ Русской арміи? Началось съ насмѣшекъ надъ стариннымъ, времянь царя Михаила Ѳедоровича, титуломъ войска Донского «Всевеликое войско Донское», потомъ пошло умышленное замалчиваніе и умаленіе казачьихъ заслугъ Добровольческой Арміей, а кончилось назначеніемъ Сидориныхъ и Кельчевскихъ, которые истребили Донскую Армію. Казаки самолюбивы. Въ 1919 и 1920 годахъ повторилась исторія 1613 года и, какъ тогда ссорились Мининъ и Пожарскій съ донскимъ атаманомъ Межаковымъ, такъ и теперь задѣвали самолюбіе казаковъ и выросли на этой раздраженной почвѣ Бычи, Макаренки, Рябоволы, Калабуховы. Харламовы и создавалось обособленное **казачье объединеніе**, чего быть не должно. Но только теперь не было ни Минина, ни Пожарскаго, не было и атамана Межакова. И это надо исправить, надо столкнуться съ казаками, которые по существу никогда не были самостоятельными. Но о самостоятельности казачьей когда либо поговоримъ болѣе подробно и особо.

Четвертая задача русскихъ это теперь же подготовить по губерніямъ списки тѣхъ людей, которые могутъ стать въ Армію. Не скрою, по нашему подлому времени, съ кражей документовъ, съ ежечаснымъ предательствомъ и измѣной за корку хлѣба, можетъ быть, эти списки придется, такъ сказать, держать въ умѣ, но тѣ люди, которые войдутъ въ Россію, должны знать, кому они могутъ вѣрить и кого могутъ взять подъ знамена. И это тоже работа для монархическихъ организацій, которыя должны войти въ тѣсный контактъ съ арміей Врангеля. Наконецъ, сама армія Врангеля должна быть преобразована въ томъ смыслѣ, чтобы имѣть готовые кадры будущей Россійской Арміи, считая полкъ пѣхоты вмѣсто 4.000 въ четыреста человекъ и полкъ конницы вмѣсто 1.000 въ сто, но воспитаніе, обученіе, **подготовка картъ соотвѣтствующаго района, детальное изученіе его и по возможности связь съ нимъ теперь же** должны быть выполнены.

Всѣ любящіе Россію люди должны помочь въ этомъ генералу Врангелю. Они должны помочь ему въ соот-

вѣтствующей дислокаціи войскъ, въ ихъ питаніи, содержаніи, и теперь же въ ихъ соотвѣтствующемъ обмундированіи, снаряженіи, вооруженіи, снабженіи лошадьми и обозомъ.

Деньги, деньги и еще разъ деньги! Кто хочетъ дружить съ Россіей, кто хочетъ получить ея хлѣбъ, сахаръ, скоть, яйца, птицу, масло, кто хочетъ имѣть у себя **въ скоромъ времени** сытную и дешевую жизнь, тотъ долженъ теперь же дать, ибо *qui cito dat bis dat*, — кто даетъ своевременно, даетъ вдвойнѣ...

Наконецъ, теперь же долженъ быть основательно обсужденъ и продуманъ вопросъ о красной арміи и коммунистахъ.

7. Красная армія.

Вопросъ о красной арміи больной вопросъ. Рѣшать его такъ, какъ рѣшали его Деникинъ и Врангель, — нельзя. Нельзя огульно разстрѣливать и вѣшать даже и вождей красной арміи, ибо кое-въ-чемъ нужно и разобратся.

Опять начну съ парадокса, потому что иногда парадоксомъ ближе подойдемъ къ истинѣ. Когда совѣтская **Россія** воевала съ Польшей и подходила къ Варшавѣ, Врангель, цѣною Крыма и судьбы своей арміи, спасъ положеніе и освободилъ Польшу. Но кто совершилъ патріотическое дѣло? Красная армія, отстаивавшая русскія земли отъ притязаній поляковъ, или генераль Врангель, помогшій полякамъ въ войнѣ съ Россіей? Поляки воевали вѣдь не съ большевиками, а съ Россіей. И всѣ знаютъ, чѣмъ это кончилось. Проволочной рѣшеткой для корпуса Бредова, спасаго Польшу, и тѣмъ, что ни одинъ французъ или полякъ пальцемъ о палецъ не ударилъ, чтобы спасти генерала Врангеля и его армію въ Крыму.

Красная армія, словъ нѣтъ, подлая, гадкая армія. Она измѣнила Родинѣ, измѣнила Россіи и служитъ третьему интернаціоналу. Но хотя разъ помогли вы **ей** сбросить

еврейское ярмо и сказали ей, что будетъ послѣ? Возстали эсъ-эры. Но что лучше? Скрытые большевики, съмена большевизма, социалисты, или самые большевики, къ которымъ уже притерпѣлись? Керенскій или Ленинъ? Кто хуже, трудно сказать. Развѣ за эти проклятые три года шелъ кто либо къ красной арміи съ искренно протянутой рукой, говорилъ ей: «братья, образумьтесь! Вспомните Бога, Родину и Царя!»

Одинъ генераль Врангель имѣлъ мужество отдать приказъ съ обѣщаніемъ помилованія краснымъ офицерамъ, но и въ этомъ приказѣ были недоговоренныя мѣста.

Красная армія на половину состоитъ изъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ Россійской Императорской арміи, которымъ осточертѣло это служеніе хаму и раболѣпство передъ Троцкимъ. Но они всѣ забиты и затравлены. Ихъ семьи взяты на учетъ и сидятъ по тюрьмамъ, ихъ самихъ разстрѣливаютъ пачками и поневолѣ приходится топить на днѣ души своей всѣ свои чувства. Но, если явится настоящая власть, которой повѣрятъ, — не Учредительное Собраніе, не Черновъ и Керенскій, не эти изгаженные, оплеванные подсолнухами, залитыя кровью, опакощенные испражненіями холерныхъ больныхъ революціонные лозунги, не истеричные выкрики о томъ, что «къ прошлому возврата нѣтъ», о завоеваніяхъ революціи, а спокойная мудрая **Царская власть** пойдетъ во главѣ сытой, честной и хорошо одѣтой арміи, которая не грабитъ, не избиваетъ евреевъ, не **мститъ**, главное, не мститъ за прошлое — то и красная армія на 50 % станетъ прекрасными войсками Императорской Арміи.

Нужно помнить, что мститъ нельзя. Слишкомъ много преступленій съ обѣихъ сторонъ и если начать мститъ, то конца не будетъ мести. И этотъ вопросъ отношенія къ красной арміи надо продумать и при первой къ тому возможности войти съ нею въ связь и начать говорить съ нею. И, можетъ быть, полезно было бы имѣть въ своемъ распоряженіи могучее радіо, которое ежедневно «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ» стало бы говорить правду, **какъ**

четыре года тому назадъ «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ» безпросвѣтно лгалъ Керенскій, подготавливая престолъ для своего пріятеля Ленина.

8. О чинахъ и орденахъ.

Еще маленькій и не столько маленькій, какъ мелочный вопросъ, который нельзя обойти молчаніемъ, — ибо люди остались людьми, — вопросъ о чинахъ и орденахъ. Отсутствие настоящей власти, необходимость чѣмъ-либо замѣнить хлѣбъ и удобства жизни породило необыкновенную, небывалую вакханалію производства. Вчерашніе вольнонаемные капельмейстеры оказались генералами, полуграмотные солдаты полковниками, юнцы, не окончившіе гимназіи и прошедшіе тяжелый кровавый стажъ походовъ и боевъ, стали полковниками и генералами. Чинъ умалился. Нельзя забывать того, что чинъ обозначаетъ должность, и юнцы безъ усовъ и капельмейстеры въ генеральскихъ погонахъ это помнятъ. Имъ подавай полки и арміи. Подъ шумокъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что документы утеряны, началось и самопроизводство и тѣ, кого знали поручикомъ, смѣло именовались полковниками. А, когда сольется красная и бѣлая арміи во-едино, какъ разобрать производства Деникина, Врангеля, Колчака, самопроизводство и производство въ «товарищи генералы» Троцкаго? Прибавьте къ этому, что много старыхъ и больныхъ генераловъ и полковниковъ ухватились за армію, прилѣпились къ ней, потому что пенсіи нѣтъ, а Господь смерти не посылаетъ и кушать хочется — и все это дѣлаетъ то, что полковниковъ и генераловъ уйма, а солдатъ нѣтъ, что приходится играть на бумагѣ арміями... въ восемьсотъ человѣкъ.....

Единственный выходъ — поставить точку на датѣ 26 февраля 1917 года и считать лишь тѣ чины и ордена, которые можно доказать Высочайшими приказами. Все остальное подлежитъ тщательному пересмотру судами чести и особыми аттестаціонными комиссіями и думами, подобными Георгіевскимъ, изъ людей высокаго авторитета.

Необходима пенсія и спускъ въ отставку на спокойное житіе всѣхъ тѣхъ, кто лихорадочно цѣпляется за армію старческими руками, ибо иначе смерть на панели: такіе случаи голодной смерти бывали.

Необходима чистка арміи и ея солидная организація, не боясь возвращенія къ старымъ формамъ...

Сколько вопросовъ! И это далеко не всѣ. А вопросъ объ обезпеченіи семей и сиротъ, вопросъ о корпусахъ, военныхъ училищахъ и институтахъ, разсѣянныхъ отъ городовъ Сербіи до знойной пустыни Африки, береговъ Суецкаго канала? А вопросъ о медицинѣ, лазаретахъ, Красномъ Крестѣ? А вопросъ о мальчикахъ добровольцахъ съ искалѣченнымъ тѣломъ и изломанною душою?... О, Боже мой, только копните жизнь и она встанетъ передъ вами во всей многогранности, многоликая, и потянется съ милліонами просьбъ, жалобъ и претензій и зальетъ васъ горячими слезами великаго русскаго горя!

Кто разрѣшитъ всѣ эти вопросы? Кто скажетъ авторитетное слово, котораго послушаютъ и въ Германіи, въ лагеряхъ бѣженцевъ и интернированныхъ, и въ тюрьмахъ Польши, и на каторжныхъ работахъ бѣлыхъ рабовъ въ Эстоніи, и въ Сербіи, и въ Болгаріи, и среди могильныхъ холмовъ Лемноса и Галлиполи, и въ иностранномъ легіонѣ, и въ красной арміи дьявольскаго третьяго Интернаціонала? Кто сможетъ сказать такъ, чтобы мертвые воскресли, слѣпые прозрѣли и глухіе услышали?

И невольно звучитъ отвѣтъ: **только державный вождь Россійской Арміи, только Государь Императоръ!**

П. К р а с н о в ъ.

Оплата труда рабочаго въ Совѣтской Россіи осенью 1921 г.

1. До міровой войны въ Россіи рабочій получалъ отъ 89 до до 2 р. 20 коп. въ день. Средній заработокъ въ мѣсяць, считая женщинъ, дѣтей и учениковъ, составлялъ 21 р. 25 коп. Питаніе рабочаго было не ниже 3790 калорій въ сутки.

Въ Россіи только очень небольшая часть населенія жила службой. По всенародной переписи 1897 г. изъ 137 милліоновъ населенія тогдашней Россіи показали заработную плату, какъ главный источникъ существованія, всего 7 милліоновъ душъ обоого пола.

Передъ началомъ міровой войны въ промышленности, на фабрикахъ и заводахъ, было занято всего 2,2 милліона человѣкъ, и 698 тысячъ человѣкъ служило на желѣзныхъ дорогахъ. Для 75 % взрослыхъ рабочихъ мужчинъ рабочій день продолжался отъ 8 до 10 съ половиной часовъ. Остальные работали больше 10 съ половиной часовъ, до 11 12 часовъ, главнымъ образомъ, въ предпріятіяхъ по изготовленію пищи. Рабочій день для женщинъ и дѣтей былъ короче. До войны въ Россіи рабочихъ дней въ году было 288. Ра-

бочій, считая женщинъ, дѣтей и учениковъ, зарабатывалъ въ среднемъ по 255 руб. въ годъ. Поденная плата колебалась отъ 89 коп. въ день (чернорабочій) до 2 р. 20 коп. (слесарь, столяръ). Во время войны расцѣнка труда значительно поднялась. Къ концу 1916 г. въ среднемъ рабочій получалъ по 4 р. 42 коп. въ день, а въ началѣ 1917 г. уже 6 р.

По сочиненію русскаго статистика Людоговскаго 1882 г. годовое питаніе рабочаго московскаго фабричнаго района составляло: ржаного хлѣба 500-600 фунтовъ; картофеля 400-1000 фунтовъ; мяса, рыбы 50-100 фунтовъ; сала и разнаго масла 16-50 фунтовъ; соли 20-50 фунтовъ. Сверхъ того рабочій потреблялъ въ день: 1 крынку (2-3 стакана молока) сахару 16 золотниковъ, чаю 1 золотникъ, кромѣ разныхъ овощей, количество которыхъ не учитывалось. Все это соотвѣтствовало 3435-5000 калоріямъ въ день.

За послѣднія десятилѣтія питаніе рабочихъ въ Россіи вообще улучшилось въ смыслѣ большаго потребленія мяса. По даннымъ, приводимымъ Вертоградовымъ въ Извѣстіяхъ Совѣта рабочихъ депутатовъ отъ 29 сентября 1918 г., нормальное дневное потребленіе рабочаго передъ революціей составляло: хлѣбъ бѣлый полъ фунта; одна крынка молока; 16 золотниковъ сахара; 1 золотникъ чая; полъ фунта мяса; чернаго хлѣба 2 фунта; одна восьмая фунта жировъ; крупа и овощи съ картофелемъ не учитывались. Все это безъ крупъ овощей и картофеля, соотвѣтствовало 3790 калоріямъ. По исчисленіямъ большевистскихъ экономистовъ Струмилина и Ларина питаніе рабочаго до революціи въ среднемъ равнялось 3850 большихъ калорій (ср. Эк. Жизнь 6 августа 1921 г. „Мясная продукція“).

Прожиточный минимумъ по Людоговскому составлялъ въ 1882 г. не свыше 40 коп. въ день, а по Вертоградову въ 1913 г. около 88 коп., не считая квартиры, одежды, стирки бѣлья и др. мелкихъ расходовъ. Лѣтомъ 1917 г. вышло въ свѣтъ сочиненіе б. министра Временнаго Правительства Прокоповича „Бюджетъ С.

Петербуржскаго рабочаго“. Авторъ приводитъ расчеты, изъ которыхъ видно, что въ самомъ дорогомъ городѣ Имперіи, въ Петербургѣ, до революціи, рабочій могъ свести концы съ концами при заработкѣ въ 266 р. въ годъ. Изъ этой суммы онъ тратилъ: на продовольствіе — 140 р.; на одежду — 32 руб.; на квартиру — 43 р. на отопленіе — 25 руб.; освѣщеніе — 6 руб.; мебель — 10 р.; мелкіе расходы — 5 р. и больничную кассу — 5 руб.

II. Послѣ революціи заработная плата стала быстро возрастать, а рабочіе, тѣмъ не менѣе, усиленно оставляли фабрики и заводы.

Въ теченіе 1917 г. всѣ пожеланія рабочихъ программъ были осуществлены полностью. Введенъ былъ восьмичасовой рабочій день, изданъ законъ о государственномъ страхованіи отъ безработицы за счетъ работодателей; опредѣленіе заработной платы было предоставлено профессиональнымъ союзамъ; на фабрикахъ и заводахъ были учреждены рабочіе комитеты; проведенъ рабочій контроль. Націонализація промышленности, начавшаяся съ декабря 1917 г., закончилась къ 1 января 1921 г., когда были націонализированы всѣ предприятия, не исключая самыхъ мелкихъ, съ передачею ихъ въ управленіе рабочихъ комитетовъ. Вмѣсто фабричной инспекціи была введена рабочая инспекція по выбору самихъ рабочихъ. Уже къ маю 1917 г. рабочая плата поднялась въ среднемъ для всей Россіи противъ дореволюціоннаго времени на 137 0/0.

Къ августу 1917 г. въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности рабочіе подняли свой заработокъ, по сравненію съ довоеннымъ временемъ, на 700 0/0, а въ среднемъ на 515 0/0. Къ половинѣ 1918 г. рабочая плата въ день уже составляла около 15 руб. Желѣзнодорожные служащіе получали въ это время въ мѣсяць отъ 208 до 702 р. Съ 1 октября 1918 г. оклады всѣхъ служащихъ и рабочихъ, по распоряженію совѣтской власти, были удвоены противъ окладовъ предшест-

вующаго мѣсяца. Къ осени 1919 года дневная заработная плата поднялась до 70 р. Въ іюлѣ 1920 г. при повременной заработной платѣ 2772 р. въ мѣсяцъ рабочій, работая 12 часовъ въ день, вмѣстѣ съ преміями могъ заработать 7652 р. Работая еще болѣе усиленно, сдѣльно, онъ могъ выработать до 10156 р. въ мѣсяцъ. Въ среднемъ, фактически, въ это время рабочій выработывалъ 4709 р. въ мѣсяцъ (Эк. Ж. 20 ноября 1920 г.).

Тѣмъ не менѣе, такое колоссальное повышение заработной платы не могло удержать рабочихъ на фабрикахъ. Они разбѣгались. Кто уходилъ въ деревню, кто начиналъ заниматься спекуляціей. На фабрикахъ и заводахъ къ концу 1919 г. было занято всего 400 тысячъ человекъ, хотя по официальнымъ вѣдомостямъ рабочихъ въ Совѣтской Россіи числилось около милліона (Московскія извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ).

Съ тѣмъ вмѣстѣ производительность всѣхъ видовъ промышленности упала, напр., текстильной и желѣзодѣлательной, до 1⁰/₀ дореволюціоннаго времени.

III. Уходъ рабочихъ съ фабрикъ и заводовъ объясняется тѣмъ, что ростъ цѣнъ на предметы первой необходимости съ каждымъ мѣсяцемъ все больше и больше опережалъ ростъ заработной платы.

Уходъ рабочихъ съ фабрикъ и заводовъ объясняется тѣмъ, что ростъ заработной платы не могъ угнаться за бѣшеной скачкой вверхъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Рѣзкая разница между первымъ и вторыми стала обнаруживаться уже съ весны 1917 года.

Въ маѣ 1917 года профессоръ Опацкій писалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, что рабочая плата въ Москвѣ поднялась противъ дореволюціоннаго времени на 137 ⁰/₀, а стоимость продуктовъ питанія на 152⁰/₀.

Въ цитированномъ выше сочиненіи Прокоповичъ удостовѣряетъ, что въ Петербургѣ къ тому же времени годовою заработокъ рабочаго поднялся до 630 рублей, но при вздорожаніи квартиръ въ 2 раза, пропитанія въ 2 съ половиною раза, а всего остального въ 3 съ половиною раза *existenz minimum* уже поднялся до 711 рублей. Такимъ образомъ, въ бюджетѣ рабочаго получался дефицитъ, который нужно было либо восполнить сторонними заработками, либо сократить расходы.

Къ августу 1917 года, по отчету Московской Городской Думы, рабочіе подняли свой заработокъ въ среднемъ на 515⁰/₀ по сравненію съ іюнемъ 1914 года. Но и при такомъ подъемѣ заработной платы ростъ цѣнъ на продукты питанія опередилъ ростъ заработной платы на 51⁰/₀.

Разница въ ростѣ цѣнъ на предметы первой необходимости и заработной платы съ каждымъ мѣсяцемъ шла увеличиваясь.

До войны чернорабочій, получая въ день около 1 рубля, могъ купить на это 1 пудъ ржаной муки (—40 русскимъ фунтамъ), а въ іюнѣ 1918 года на дневной заработокъ въ 16 рублей только одинъ фунтъ того же продукта, т. е. въ 40 разъ менѣе.

Въ этомъ отношеніи представляетъ интересъ полемика, возникшая въ сентябрѣ 1918 года на страницахъ Московскихъ „Извѣстій“ (29 сент. и др.) между руководителемъ экономической политики Совѣтскаго Правительства Ларинымъ и Вертоградовымъ. Изъ этой полемики выясняется, что въ сентябрѣ 1918 года средній мѣсячный заработокъ промышленныхъ, торговыхъ и государственныхъ служащихъ и рабочихъ составлялъ въ среднемъ 325 рублей вмѣсто 32 рублей въ 1914 году, а стоимость приведеннаго выше обычнаго состава пищи рабочаго съ 88 коп. въ день поднялась до 56 руб. 32 коп., т. е., въ 64 раза больше. Одинъ прѣхавшій изъ Москвы швейцарскій подданный напечаталъ въ „Baseler Nachrichten“ отъ 29 іюня 1919 года слѣдующую таблицу стоимости однодневнаго питанія въ Москвѣ 1914 году и 15 марта 1919 года:

Предметъ потребленія	Цѣна въ 1914 г.		Цѣна 15 марта 1919 г.	
3 фунта хлѣба . . .	7,5 коп.	Денной зарботокъ рабочаго отъ 1 руб. до 2 руб. 50 коп.	62 р. 50 к.	Мѣсячный зарботокъ отъ 800 до 1200 рублей
1/2 „ мяса . . .	10 „		12 „	
1/8 „ масла . . .	5,5 „		14 „	
1/12 „ сахару . . .	1,5 „		2 „ 25 „	
1/96 „ чая . . .	1,75 „		12 „ 50 „	
Соль	0,25 „		25 „	
Капуста, свощи . . .	2 „		19 „	
2 фунта картофеля .	1,5 „		17 „	
Итого:	30,0 коп.		139 р. 50 к.	

По этой таблицѣ видно, что зарботная плата къ 15 марту 1919 года поднялась въ 16-27 разъ, а стоимость питанія увеличилась въ 465 разъ. До революціи пара сапогъ оплачивалась 3-6 рабочими днями чернорабочаго и стоила 3-4 руб., а осенью 1919 года сапоги стоили уже 5000 рублей при зарботной платѣ въ 70 руб. въ день, т. е. за одну пару сапогъ рабочій долженъ былъ проработать 71 день. Въ маѣ 1921 г. подметки къ сапогамъ стоили 15 тыс. руб., превышая мѣсячную зарботную плату не только рабочаго, но и совѣтскаго служащаго.

Но уже съ 1920 г. зарботная плата перестала даже гнаться за ростомъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Привыкли къ тому, что жалованія хватаетъ на 1 на 2 дня. И совѣтскому правительству и рабочимъ сдѣлалось яснымъ, что увеличеніе зарботной платы въ совѣтскихъ предпріятіяхъ возможно лишь путемъ усиленія выпусковъ бумажныхъ денегъ, а это ведетъ только къ дальнѣйшему пониженію покупной способности рубля. При этомъ увеличеніе выпуска бумажныхъ денегъ въ арифметической прогрессіи уменьшаетъ покупную ихъ способность едва ли не въ геометрической прогрессіи. Поэтому для рабочихъ сдѣлалось даже прямо невыгоднымъ требовать увеличенія денежной зарботной платы. Они совсѣмъ перестали ею интересоваться, и все вниманіе ихъ сосредоточилось на выдачахъ продовольствія натурою.

IV. Сверхъ денежной платы рабочіе получали отъ продовольственныхъ органовъ выдачи натурою. Выдача хлѣба съ крупой въ среднемъ не превышала 0,4 фунта на ѣдока. Остальныхъ предметовъ выдавалось въ такомъ ничтожномъ количествѣ, которое не поддается какому либо учету.

Воспретивъ частную торговлю, Совѣтское правительство снабженіе неземледѣльческаго населенія продуктами питанія и прочими предметами первой необходимости приняло на себя.

Число лицъ, подлежащихъ снабженію продовольствіемъ отъ государства, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, въ концѣ 1920 г. опредѣлялось, вмѣстѣ съ красной арміей, населеніемъ городовъ, рабочими и крестьянами ввозящихъ хлѣбъ губерній, въ 40 милліоновъ душъ. Съ весны 1918 года все неземледѣльческое население было разбито на 4 категоріи: 1—рабочіе, занятые тяжелымъ физическимъ трудомъ, 2—рабочіе, занятые болѣе легкимъ трудомъ и совѣтскіе служащіе, 3—неслужащая интеллигенція и 4—капиталисты. Последняя категорія вскорѣ отпала, а первые три остались, сливаясь, по временамъ, въ 2 группы. Въ 1918 году и въ началѣ 1919 года выдача хлѣба для первой категоріи потребителей въ среднемъ не превышала $\frac{3}{4}$ фунта на 2 дня.

Остальные пищевые продукты выдавались въ совершенно ничтожномъ количествѣ, неимѣющемъ значенія для питанія. Бывали періоды, когда хлѣбная выдача замѣнялась воблой. Иногда хлѣбъ замѣнялся выдачей овса или ржи въ зернѣ, такъ какъ націонализированныя мукомольныя мельницы не работали или доставка муки задерживалась.

Съ начала 1919 года въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стали выдавать рабочимъ дополнительный рабочій паекъ въ качествѣ дополненія къ заработной платѣ, примѣрно отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{2}$ фунта хлѣба за проработанный день.

Съ октября 1919 года начали, въ видѣ уже общей мѣры, выдавать рабочимъ особые „бронированные“ пайки.

Предполагалось выдавать ихъ въ размѣрѣ отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ фунтовъ въ день при условіи 12-часовой работы. Этимъ фактически былъ отмѣненъ декретъ 27 октября 1917 года о 8-часовомъ рабочемъ днѣ. Семьи рабочихъ должны были получать пайки въ половинномъ размѣрѣ. Размѣры бронированныхъ пайковъ изменялись въ зависимости отъ важности для государства того предпріятія, въ которомъ былъ занятъ рабочий. Такъ, на примѣръ, на образцовыхъ предпріятіяхъ Урала высшій размѣръ бронированнаго рабочаго пайка составлялъ до 1 августа 1920 года 45 фунтовъ хлѣба. Послѣ 1 августа 1920 года размѣры бронированныхъ рабочихъ пайковъ были понижены до 30 и 21 фунта въ мѣсяць. Рабочимъ второй категоріи, т. е. легко работающимъ, полагался меньшій паекъ, а именно: до августа 1920 года 35 и 25 фунтовъ, а съ 1 августа по 1 ноября по 25 и 18 фунтовъ. Члены семьи рабочихъ въ указанные періоды времени получали отъ 12 до 26 фунтовъ въ мѣсяць.

Кромѣ хлѣба по бронированнымъ пайкамъ полагались выдачи другихъ продуктовъ: крупъ 7,5 ф.; мяса — 4 — 7, 5 ф.; овощей — 15 — 25 ф.; сахару — 1 — 1, 5 ф. и соли — 1 — 0, 5 ф. Лѣтомъ 1921 г. бронированный паекъ былъ опредѣленъ въ 28 ф. муки; 7, 5 ф. мяса; 7, 5 ф. крупы; $\frac{1}{2}$ ф. сахару въ мѣсяць; 1 фунтъ соли въ мѣсяць; овощей 20 ф.; мыла $\frac{1}{4}$ ф.; спичекъ 2 коробки; сала $\frac{1}{2}$ ф. и $\frac{1}{4}$ фунта кофе въ мѣсяць (Эк. Ж. 22 іюля 1921 г. № 160).

Однако согласно признанію предсѣдателя Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства Рыкова (Эк. Ж. 5 ноября 1920 г.), фактическая выдача по бронированнымъ пайкамъ не превышала въ среднемъ: въ отношеніи хлѣба 30 — 40%, хотя мѣстами иногда доходила и до 100%. Въ отношеніи другихъ продуктовъ она составляла къ нормѣ: мяса — 2 — 3%; крупъ — 3% и сахара — 5%. Такимъ образомъ въ среднемъ по бронированнымъ пайкамъ выдавалось рабочимъ: хлѣба — 0,3 до 0, 4 ф.; крупъ и мяса по $\frac{1}{2}$ золотника и сахара по $\frac{1}{6}$ золотника въ день, т. е. немногимъ больше 400 калорій.

Указанныя выдачи разныхъ продуктовъ относятся къ наиболѣе благопріятному въ продовольственномъ отношеніи періоду Совѣтской Россіи, къ послѣдней четверти 1920 г. Послѣ этого началось сокращеніе фактическихъ выдачъ пайковъ. Въ началѣ 1921 года пайки были сокращаемы въ три приѣма.

Сколько выдавалось по нимъ фактически, сказать трудно, но, во всякомъ случаѣ, не свыше того, сколько выдавалось по нимъ осенью 1920 года, т. е. тридцать — сорокъ процентовъ. По сообщенію газеты „Правда“ въ Москвѣ паекъ рабочимъ цѣлыми недѣлями не выдавался вовсе. По частному сообщенію изъ Риги отъ 7 сент. сего года („Голосъ Россіи“ отъ 10 сент. сего года) въ Петербургѣ съ сентября установлены слѣдующіе пайки для высшихъ служащихъ: ежедневно выдается 6 золотниковъ чернаго хлѣба, ежемѣсячно 18 зол. крупъ, 18 зол. сахара, 9 зол. рыбы или мяса, 1 ф. соли, 18 ф. зелени и 1 коробка спичекъ.

Питаніе городского населенія и въ частности совѣтскихъ служащихъ и рабочихъ было при большевикахъ предметомъ троекратнаго обслѣдованія.

Первое обслѣдованіе было произведено въ мартѣ 1919 г., второе въ іюлѣ того же года, а третье — въ январѣ 1920 г.. Послѣднее обслѣдованіе охватило 29 губерній съ 56 городами. Въ нихъ было обслѣдовано 4038 семей съ 16184 душами и 160000 днями довольствія. Изъ общаго числа семей было:

Семей рабочихъ	1678	или 41,6 %
„ служащихъ	2014	„ 49,9 %
„ безработныхъ	17	„ 0,4 %
„ лицъ прочихъ категорій .	329	„ 8,1 %

Семьи совѣтскихъ служащихъ питались, вѣроятно, лучше семей рабочихъ, почему лучшее ихъ питаніе уравнивается съ избыткомъ, быть можетъ, нѣсколько худшее питаніе немногочисленныхъ семей безработныхъ и лицъ прочихъ категорій. Это даетъ намъ право полученные средніе размѣры питанія городского населенія считать за среднее питаніе рабочихъ.

По январскому обследованію 1920 года среднее дневное потребленіе (въ фунтахъ на душу) равнялось: муки — 0, 96 ф.; крупы — 0, 16 ф., а всего 1, 12 фунтовъ или 1477 калорій. Это для губерній какъ черноземныхъ, такъ и нечерноземныхъ. Между тѣмъ, большая часть промышленныхъ предприятий расположена въ губерніяхъ нечерноземныхъ, въ которыхъ среднее дневное потребленіе, по обследованію 1920 г., составляло: муки — 0, 89 ф.; крупы — 0, 1 ф.; итого 0, 90 ф. или 1152 калоріи.

Изъ указанныхъ цифръ потребленія обследованныя семьи получили отъ продовольственныхъ органовъ въ среднемъ по всѣмъ 29 губерніямъ: муки — 0,36 ф.; крупы — 0, 04 ф.; итого 0, 40 ф., а въ частности по губерніямъ нечерноземнымъ: муки — 0, 32 ф.; крупы — 0, 01 ф.; итого — 0, 33 ф.. Тѣмъ же обследованіемъ 1920 года было установлено, что въ городахъ на 2 работающихъ или служащихъ члена семьи приходится, въ среднемъ, по одному неработающему. Хотя неработающіе члены семьи получаютъ лишь 50% рабочаго пайка, тѣмъ не менѣе, изъ осторожности примемъ, что рабочій отъ продовольственныхъ органовъ получаетъ въ мѣсяцъ съ состоящимъ на его половинномъ попеченіи неработающимъ членомъ семьи хлѣба и крупы $0,4 + 0, 2 = 0, 6$ ф., а въ промышленномъ районѣ — $0, 33 + 0, 16 = 0, 49$ ф. въ день.

У. Обѣщаніе снабжать рабочихъ бесплатно „гражданской“ одеждой выполнено Совѣтскимъ правительствомъ не было. „Производственную“ одеждою на время работъ рабочіе снабжаются въ размѣрѣ совершенно ничтожномъ, напр., въ годъ выдается 1 пара сапогъ на 12 человекъ.

Совѣтское правительство, кромѣ снабженія продовольствіемъ, установило еще снабженіе населенія одеждою въ двухъ видахъ. Все вообще городское населеніе, въ томъ числѣ и рабочіе, должно было удовлетворяться „гражданской“ одеждою. Кромѣ того рабочіе при выполнении своихъ профессиональныхъ обязанностей д. б.

получать „производственную одежду“ („прозодежда“). Снабженіе гражданской одеждой осталось только въ идеалѣ, не осуществляясь на практикѣ. Производственной одеждой подлежали снабженію всѣ служащіе и рабочіе Совѣтской Россіи, на фабрикахъ, заводахъ, совѣтскихъ хозяйствахъ, на лѣсныхъ заготовкахъ, торфяники, плотовщики, желѣзнодорожные и пароходные служащіе „въ цѣляхъ охраны труда“ (въ мокрыхъ забояхъ, въ горячихъ цехахъ, работы на открытомъ воздухѣ или въ вредныхъ химическихъ производствахъ и т. п.).

Число такихъ рабочихъ и служащихъ, подлежащихъ снабженію производственной одеждой, исчисляется Экономической Жизнью въ 5,000,000, не считая конечно, семей ихъ (Экон. Ж. 9 февраля 1921 г. Отчетъ Сенюшкина). Производственная одежда, будучи передана рабочему, продолжала числиться собственностью государства и по окончаніи работъ подлежала возвращенію. Пользованіе ею внѣ службы запрещалось, но, конечно, запрещеніе это было только на бумагѣ. На обмундированіе указанныхъ 5 милліоновъ служащихъ и рабочихъ въ теченіе 1920 г. было выдано:

Таблица,

показывающая количество производственной одежды, выданной въ 1920 г.

Наименованіе обмундированія	Выдано предметовъ	% снабженія
Обуви кожаной	441.000	8,8
Валенокъ	281.000	5,6
Верхней одежды холодной и теплой	445.300	9
Полушубковъ	91.745	1,8
Кожанаго обмундированія	7.930	0,16
Рукавицъ кожаныхъ и брезентовыхъ	1.421.350	28
Рабочихъ костюмовъ	3.691.000	73
Бѣлья (штукъ)	1.132.000	22
Трикотажныя издѣлія	700.000	14

Приведенная таблица показывает, что удовлетворение рабочих производственной одеждою было совершенно ничтожно. Напр., из ста рабочих и служащих только 22 получили по одной штукѣ бѣлья; другими словами 4-5 аршинъ ситца приходилось на 5 человекѣ, одна пара сапогѣ — на 12 человекѣ и т. д.

VI. Вслѣдствіе ничтожной оплаты труда на фабрикахъ и заводахъ, рабочіе разбѣжались по деревнямъ, почему Совѣтское правительство оказалось вынужденнымъ ввести съ января 1920 г. принудительный трудъ въ формѣ трудовой повинности, подчинить рабочихъ военной дисциплинѣ и прикрѣпить ихъ къ опредѣленнымъ предпріятіямъ.

При изъясненныхъ оплатахъ труда и условіяхъ городского существованія совершенно понятнымъ становится разбѣгъ рабочихъ къ концу 1918 г. съ фабрикъ и заводовъ. Поэтому Совѣтское правительство декретомъ 23 января 1920 г. установило трудовую повинность и цѣлый рядъ красныхъ армій обратило въ трудовыя. Въ этой мѣрѣ рабочіе и населеніе увидѣли возвратъ къ старому крѣпостному праву: Теоретики возражали, что принудительный трудъ непроизводителенъ. Этимъ послѣднимъ Троцкій на третьемъ Всероссійскомъ Съѣздѣ профессиональныхъ союзовъ возразилъ: „если принудительный трудъ непроизводителенъ, то все социалистическое хозяйство обречено на сломъ, и на социализмъ ставьте крестъ“ (Экон. Ж. 14 апрѣля 1920 г. № 78). Въ порядкѣ обращенія 5 красныхъ армій въ трудовыя и цѣлаго ряда трудовыхъ мобилизацій Совѣтское Правительство получило, повидимому, довольно большое количество рабочихъ для разныхъ видовъ промышленности, транспорта и пр. Такъ напр., мобилизація въ 4 Приуральскихъ губерніяхъ будто бы дала 1.034.932 рабочихъ.(?)

Общая мобилизація всѣхъ родившихся въ 1886, 1887 и 1888 г. должна была дать 146621 рабочихъ (Эк. Ж. 12 марта 1921 г.).

Для того, чтобы заставить рабочих работать, Совѣтское Правительство ввело на фабрикахъ и заводахъ военную дисциплину, закрывъ рабочіе комитеты и поставивъ во главѣ предприятий директоровъ съ широкой дисциплинарною властью надъ рабочими. Опозданіе рабочаго на полъ-часа наказывается лишеніемъ рабочаго пайка на 1 день; опозданіе на часъ — лишеніемъ того же пайка на 3 дня. Въ случаѣ неявки на работу въ теченіе 3 дней требуется заявленіе высшей администраціи. При вторичной неявкѣ безъ уважительныхъ причинъ отсылаютъ въ рабочій домъ (концентраціонный лагерь), гдѣ къ концу 1920 г. собралось до 240 тысячъ провинившихся рабочихъ. (?) Переменная мѣста работъ безъ разрѣшенія администраціи не дозволяется. Возвращеніе рабочаго въ деревню воспрещается.

VII. Опыты натурального премированія, коллективнаго и индивидуальнаго снабженія, сдѣланные въ 1920 и 1921 г. не повысили количества предметовъ питанія, получаемыхъ рабочими отъ органовъ продовольствія по сравненію съ январемъ 1920 г.

Въ теченіе 1920 г., въ цѣляхъ усиленія упавшей производительности труда рабочихъ, былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ. Съ весны 1920 г. стали вводить „натуральное премированіе“.

По декрету о такомъ премированіи при условіи выработки свыше 100 0/0, а въ „образцовыхъ“ предприятияхъ 125 0/0 производственной программы, рабочіе получаютъ извѣстное вознагражденіе разными предметами первой необходимости. При этомъ было оговорено, что предприятия, премируемые натурой, могутъ снабжаться исключительно основнымъ пайкомъ, установленнымъ народнымъ комиссаріатомъ продовольствія, и всѣ прочія выдачи отменяются.

Въ „Экономической Жизни“ былъ опубликованъ максимальный размѣръ выдачъ въ мѣсяцъ хлѣбомъ на 1 человекъ въ порядкѣ натурального премированія осенью 1920 г. Размѣръ этотъ слѣдующій: ударно

транспортная промышленность — I группа — 17,12 ф.; II группа — 8 ф. 24 л., военныхъ заводовъ — 8 ф., военно-обмундировочная — 12 ф. Особо выдѣлена ударная группа рабочихъ въ Донецкомъ Бассейнѣ въ количествѣ 88896 рабочихъ изъ общаго числа 282531 рабочихъ бассейна. Для этой ударной группы высшій размѣръ установленъ: для забойщика — 36 ф., для подземнаго рабочаго — 18 ф., для поверхностныхъ — 12 ф. Члены семей получали по 12,5 ф. При этомъ надо отмѣтить, что Донецкій горнорабочій лишенъ всякой возможности „приработать“ гдѣ либо на сторонѣ. Рабочіе Донецкаго бассейна исключительно пришлые. Для того чтобы привлечь ихъ, Совѣтское правительство дозволяло ѣхать имъ на работы вмѣстѣ съ неработоспособными членами семьи. Поэтому въ Донецкомъ Бассейнѣ приходится на 2 рабочихъ не 1 нерабочій членъ семьи, а значительно больше. При 88896 рабочихъ Донецкой ударной группы состоятъ членовъ семей 224,700 душъ. По исчисленію, „Экономической Жизни“ отъ 25 ноября 1920 г. въ статьѣ „Продовольственное снабженіе Донецкаго Бассейна Арт. Халатова“, на каждого рабочаго названной ударной группы въ среднемъ съ членами семьи приходится муки на забойщика 20,8 ф., на подземнаго рабочаго — 18,3 ф. и на поверхностнаго рабочаго — 15,9 ф. Крупъ совсѣмъ не выдавалось.

На металлическихъ заводахъ правобережной Украины рабочіе, въ огромномъ большинствѣ, пайка совсѣмъ не получаютъ. Норма выдачи по отдѣльнымъ губерніямъ колеблется отъ полъ до четверти фунта въ день. Исключеніе составляетъ Одесса, гдѣ рабочіе частично снабжаются (Эк. Ж., 23 ноября 1920 г.).

Въ результатѣ примѣненія принудительнаго труда и натурального премированія получилось дальнѣйшее паденіе выработки продуктовъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности (ср. „Русская промышленность послѣ Революціи, Профессора Д. Пестржецкаго“). Ни по одной отрасли промышленности про-

изводственная программа на 1920 годъ не была почти выполнена. Исключеніе составляютъ очень немногія предприятия. По конецъ декабря 1920 г. было выписано всего 20 нарядовъ на получение натуральныхъ премій для 295 предприятий съ 510.730 рабочими (днями). 22 іюня 1921 года Э. Ж. пишетъ: „Въ февралѣ былъ изданъ декретъ о введеніи сдѣльныхъ оплатъ. Но декретъ изданъ, а заводы находятся въ состояніи оцѣпененія; рабочій по прежнему уныло и нехотя продолжаетъ свой трудъ. Причины унылости: натуральные преміи выдаются черезъ 2 мѣсяца. Присматриваясь къ практикѣ нашихъ тарифовъ, можно совершенно опредѣленно сказать, что они въ большинствѣ вліяли на психологію рабочаго въ обратномъ направленіи, слѣдовательно, понижали размѣры производства Производство падало. Рабочій говорилъ: въ мѣсяць получаю столько, что хватаетъ всего на одинъ фунтъ хлѣба. Того, что онъ получаетъ бесплатно, того онъ не подсчитываетъ. Онъ видитъ, что совѣтская власть даетъ всѣмъ бесплатно поровну.“

Такимъ образомъ, можно опредѣленно сказать, что послѣ введенія трудовой повинности и натуральныхъ премій размѣры вознагражденія рабочихъ, а равно ихъ питаніе не повысились. Такіе же результаты имѣлъ и сдѣланный весной 1921 г. опытъ „коллективнаго“ снабженія рабочихъ продуктами питанія по декрету 21 марта 1921 г. По этому декрету за предприятиями укрѣпляется количество, полученныхъ въ мартѣ 1921 г. предметовъ первой необходимости и не уменьшается въ случаѣ сокращенія числа рабочихъ въ предприятии, лишь бы производственная программа была выполнена. Такимъ образомъ, система коллективнаго снабженія была основана на предположеніи, что одна часть рабочихъ выкинетъ на улицу другую часть, и побѣдившіе въ борьбѣ не за излишки, а за кусокъ хлѣба, за сытость, будутъ больше работать, но зато лучше питаться. То количество продуктовъ, которое въ мартѣ 1921 г. было назначено на 1000 рабочихъ, будетъ потреблено 500 побѣдителями въ жизненной

борьбѣ. Каковы были результаты этой жестокой мѣры?

1 августа 1921 г. было созвано въ Москвѣ совѣщаніе изъ представителей предприятий, переведенныхъ на коллективное снабженіе. На этомъ совѣщаніи было выяснено, что введеніе коллективнаго снабженія только улучшаетъ положеніе немногихъ квалифицированныхъ рабочихъ въ ущербъ неквалифицированной массѣ, такъ какъ даже при нѣкоторомъ сокращеніи штатовъ, но при сохраненіи неизмѣнными фондовъ, снабженіе массы рабочихъ не улучшается. (Эк. Ж. 6 августа 1921 г. № 172). Столь же неудовлетворительные результаты далъ и опытъ „индивидуальнаго“ снабженія рабочихъ въ нѣкоторыхъ предприятияхъ горнозаводской промышленности, напр., въ Тульской губ. на Оболенскихъ копяхъ.

По этой системѣ, примѣненной въ іюнѣ 1921 г., забойщикъ выработывалъ всего въ мѣсяць по 7 съ половиной фунтовъ муки, т. е. меньше, чѣмъ рабочій получалъ отъ продовольственныхъ органовъ по обслѣдованію 1920 г.

VIII. Разницу между фактическимъ потребленіемъ и отпускомъ продуктовъ органами продовольствія рабочій не въ состояніи восполнить денежной заработной платой и вынужденъ восполнять ее спекуляціей, приработкомъ на сторонѣ или кражами.

Обслѣдованіемъ питанія рабочихъ въ январѣ 1920 г. установлена значительная разница между тѣмъ, что рабочій фактически потребляетъ и тѣмъ количествомъ продуктовъ питанія, которое онъ получаетъ отъ органовъ продовольствія (глава IV). Какъ восполняется эта разница? На полученное денежное вознагражденіе, при цѣнѣ хлѣба 4 тысячи за фунтъ, много не купишь. Очевидно, рабочій долженъ п р и р а б а т ы в а т ь, т. е., работать сверхъ 12 часовъ въ день. По статистическимъ матеріаламъ уполномоченнаго народнаго комиссаріата на Украинѣ этотъ „приработокъ“ въ бюджетѣ харьковскаго рабочаго составлялъ въ февралѣ 1920 г. при-

мѣрно 130% отъ основного заработка, причемъ расходъ на пищу неизмѣнно превышалъ заработокъ рабочаго. Въ цѣляхъ „приработать“ одни рабочіе ухитрялись спекулировать. Изъ Петербурга, Нижняго-Новгорода и другихъ раіоновъ сообщаютъ о побочныхъ заработкахъ рабочихъ въ кустарныхъ предпріятіяхъ и у „подрядчиковъ“. Тамъ отмѣчается чрезвычайное усиленіе вечернихъ работъ „на сторонѣ“, причемъ эти работы приняли массовый характеръ. Эк. Ж. сообщаетъ, что подрядчики очень хорошо организовали это дѣло и къ концу работъ въ націонализированныхъ предпріятіяхъ посылаютъ туда грузовики за рабочими. На другихъ заводахъ развита работа на заводскихъ станкахъ на сторону. Въ широкихъ размѣрахъ практикуется расхищеніе заводскаго имущества, грузовъ и фабрика-товъ. На желѣзныхъ дорогахъ расхищается 60% по-груженнаго угля, на текстильныхъ фабрикахъ до 30% выдѣланныхъ тканей и пряжи.

IX. Рабочій въ совѣтской Россіи получаетъ теперь въ мѣсяцъ въ переводѣ на валюту довоеннаго времени не болѣе 53—60 коп. На сельскихъ сдѣльныхъ работахъ онъ зарабатываетъ въ день, въ переводѣ на ту-же валюту, отъ $\frac{1}{10}$ копѣйки до 6 коп.

Теперь постараемся сравнить оплату труда рабочаго въ совѣтской Россіи съ оплатой его до революціи. Какъ было отмѣчено выше, въ іюнѣ 1920 г. денежная часть оплаты труда рабочаго составляла 4709 р. въ мѣсяцъ. Приѣхавшій на этихъ дняхъ въ Берлинъ Г. Ро-ръ въ іюлѣ этого года служилъ контролеромъ на Варшавской желѣзной дорогѣ въ Петербургѣ и получалъ въ мѣсяцъ 14 тысячъ рублей. Трудно предположить, чтобы денежный окладъ рабочаго превышалъ окладъ совѣтскаго служащаго. Поэтому остановимся на 14 тысячахъ въ мѣсяцъ какъ на теперешнемъ денежномъ содержаніи рабочаго. Цѣна 1 фунта хлѣба въ Петербургѣ 4 іюля этого года составляла 3 съ половиной

тыс. руб., 1 фунтъ масла 4 іюля стоилъ 24 тыс. рублей (Эк. Ж. 22 іюля 1921 года), 16 августа фунтъ чернаго хлѣба стоилъ уже 4000 руб., 1 фунтъ масла 29 тыс. руб. Такимъ образомъ, денежное довольствіе рабочаго за цѣлый мѣсяць соотвѣтствуетъ 4 фунтамъ чернаго хлѣба или полу фунту масла. Затѣмъ рабочій, вмѣстѣ съ состоящимъ на его половинномъ содержаніи нерабочимъ членомъ семьи, получалъ въ день 0,6 фунта хлѣба и крупъ, $\frac{1}{2}$ золотника мяса и $\frac{1}{6}$ золотника сахару; это составляетъ въ мѣсяць: 18 фунтовъ хлѣба и крупъ, 15 золотниковъ мяса и 5 золотниковъ сахару. Кромѣ того ему полагается еще въ мѣсяць: соли 1 ф.; овощей 20 ф.; мыла — $\frac{1}{4}$ фунта; спичекъ 2 коробки; сала $\frac{1}{2}$ фунта и кофе суррогатъ $\frac{1}{4}$ фунта. Мы читаемъ въ Эк. Ж., что снабженіе этими предметами рабочихъ носитъ случайный характеръ, но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ точной цифры снабженія ими рабочихъ.

Поэтому 0% фактическаго удовлетворенія рабочихъ этими предметами примемъ такой же, какой указанъ для хлѣба, т. е. 30% назначенной нормы.

Кромѣ продовольствія рабочій долженъ былъ получать еще „гражданскую“ одежду, но фактически онъ ее не получалъ. Рабочимъ выдавалось лишь „производственная“ одежда. Производственной одежды мы не учитываемъ по 2 причинамъ; — во первыхъ потому, что до революціи она выдавалась рабочимъ обычно помимо жалованія, — а во вторыхъ — потому что выдача ея столь ничтожна, что для одного рабочаго ее почти невозможно учесть. Напр., въ годъ выдается одна пара сапогъ на 12 рабочихъ. Единственно, что еще можно учесть это выдаваемый рабочимъ въ качествѣ производственной одежды ситець по 4—5 аршинъ на 5 человекъ въ формѣ рубашки или подштанниковъ. Затѣмъ съ цѣлью борьбы съ кражею фабрикатовъ на фабрикахъ и заводахъ было постановлено выдавать рабочимъ, ни разу въ теченіе года не попавшимся въ кражѣ, нѣкоторое количество собственныхъ произведеній фабрики. Въ частности на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ установле-

на выдача на рабочаго мужчину $7\frac{1}{2}$ аршинъ ситца, а на женщину 10 аршинъ. Стоимости квартиръ и отопленія мы не учитываемъ, т. к, теперь часть рабочихъ оплачиваетъ квартиры, а другая не оплачиваетъ. Что же касается до отопленія, то теперь въ совѣтской Россіи частныя квартиры вообще и квартиры рабочихъ въ томъ числѣ вообще не отапливаются даже зимой.

Подсчитаемъ теперь все полученное рабочимъ въ мѣсяцъ за 12 часовой трудъ вознагражденіе какъ натурой, такъ и деньгами.

Мы уже отмѣтили, что денежное довольствіе по 14 тыс. руб. въ мѣсяцъ составляетъ 4 ф. чернаго хлѣба. Фактически получаемый хлѣбный паекъ (по 0,44—0,6 фунта въ день) составляетъ въ мѣсяцъ 15—18 фунтовъ. 19—22 фунта хлѣба по довоенной цѣнѣ 2 коп. фунтъ составляетъ 38—44 коп., 15 золотниковъ мяса стоили 2 коп., 5 золотниковъ сахару — менѣе 1 коп.. 1 ф. соли, 20 фун. овощей., четверть фун. мыла, 2 коробки спичекъ, полфунта сала, четверть фунта кофе суррогату въ переводѣ на деньги въ довоенной валютѣ стоятъ по русскимъ цѣнамъ около 40—42 коп., а фактически выдаваемое количество въ размѣрѣ 30 % нормы — 12—13 коп. въ мѣсяцъ. Итого мѣсячная рабочая плата въ совѣтской Россіи, при условіи 12 часового рабочаго дня, — составитъ всего 53—60 копѣекъ, вмѣсто довоенной платы 22 рубля въ мѣсяцъ въ среднемъ. Если присоединить къ этому 7 съ половиной аршинъ ситца въ годъ, то это повыситъ мѣсячный заработокъ на 7 коп. Таково положеніе рабочаго при современной оплатѣ труда.

Въ „Экономической Жизни“ отъ 27 іюля 1921 г. напечатаны установленныя совѣтскимъ правительствомъ сдѣльныя цѣны на нѣкоторыя работы и издѣлія. Такъ за уборку 1 десятины луга или поля уплачивается на выборъ слѣдующее количество предметовъ первой необходимости:

Наименованіе предметовъ, которыми производится расчетъ	За уборку 1 десятины луга	За уборку 1 десятины поля
Ситца	3 аршина	2 аршина
Нитокъ	$\frac{1}{4}$ катушки	$\frac{1}{4}$ катушки
Соли	3 фунта	2 фунта
Керосина	5 фунтовъ	5 фунтовъ
Спичекъ	3 коробки	2 коробки
Махорки	$\frac{1}{10}$ фунта	$\frac{1}{10}$ фунта

За выработку 100 паръ лаптей разрѣшено уплачивать однимъ изъ перечисленныхъ ниже продуктовъ въ количествѣ: соли 6 ф.; керосина 2 ф.; ситца — $\frac{3}{4}$ арш., нитокъ — $\frac{1}{4}$ катушки.

Косьба одной десятины луга требуетъ 2 — 3 рабочихъ дней, а ржи или овса — не менѣе 4 дней. Для того чтобы просушить и скидать въ копны 1 десятину сѣна и связать въ снопы 1 десятину ржи или овса — нужно еще на каждую работу не менѣе 3 дней. Такимъ образомъ, рабочій день въ Россіи расцѣнивается теперь въ $\frac{1}{20}$ — $\frac{1}{28}$ катушки нитокъ; $\frac{5}{5}$ — $\frac{5}{7}$ фунта керосина; $\frac{2}{5}$ — $\frac{3}{7}$ аршина ситца; $\frac{2}{5}$ — $\frac{1}{7}$ коробки спичекъ или $\frac{1}{50}$ — $\frac{1}{70}$ фун. махорки. Въ переводѣ на деньги дореволюціоннаго времени это составляетъ отъ $\frac{1}{6}$ коп. до 4 коп., такъ какъ до революціи катушка нитокъ стоила 7 к., 1 ф. керосина 4 коп., аршинъ ситца 10 коп., коробка спичекъ 2 коп. и 1 ф. махорки — 8 коп. Такъ какъ до революціи лаптей въ Россіи не носили, то я затрудняюсь расцѣнить работу одной пары лаптей. Но, по дѣтскимъ воспоминаніямъ, я припоминаю, что на базарѣ пара лаптей продавалась по 10 коп.

Если половину стоимости лаптей отнести на трудъ, а половину на матеріалъ, то вмѣсто 5 руб. за работу 100 паръ лаптей теперь уплачивается не дороже 8 коп., т. е., оплата труда упала больше чѣмъ въ 60 разъ.

Х. Заработокъ и условія жизни германскаго рабочаго не идутъ ни въ какое сравненіе съ оплатой труда и питаніемъ русскаго рабочаго въ совѣтской Россіи.

Сравнимъ теперь заработокъ и условія жизни нѣмецкаго рабочаго съ описанными выше условіями труда въ Россіи.

На 1 января 1914 г. средній дневной заработокъ взрослоаго рабочаго въ Stadtkreis Berlin составлялъ 4 марки („Reichs-Arbeitsblatt“ 1914, 58). Недѣльный прожиточный минимумъ для одного человѣка къ этому времени составлялъ 16,75 М.; для мужа съ женой 23,30 М.; для семьи изъ 4 душъ 28,80 М. (К. Kuczynski „Das Existenzminimum“ 126). Расцѣнку труда нѣмецкаго рабочаго на августъ 1921 г. мы беремъ изъ „Reichs-Arbeitsblatt“ № 22 отъ 31 августа 1921 г., въ которомъ опубликовано содержаніе заключенныхъ въ самое послѣднее время тарифныхъ договоровъ между работодателями и рабочими. На 31 августа 1921 г. отмѣчены слѣдующіе размѣры оплаты 1 часа труда; металлисты получали отъ 6 М. 55 пф. до 6 М. 90 пф., строительные рабочіе 6 М. 65 пф., цементный рабочій 6 М. 63 пф., опытные подмастерья 6 М. 58 пф., штукатуры 6 М. 82 пф., Tiefbauarbeiter 6 М. 50 пф., Mineure 6 М. 53 пф. — 6 М. 90 пф. Въ кожевенной промышленности, рабочій часъ оплачивался отъ 5 М. 10 пф. до 5 М. 45 пф. Такимъ образомъ, оплата часа труда колебалась между 5 М. 10 пф. и 6 М. 90 пф. Если мы примемъ среднюю цифру — 6 М., то, работая 12 часовъ въ сутки, какъ теперь долженъ работать русскій рабочій для полученія полного рабочаго пайка, при 26 рабочихъ дняхъ въ мѣсяцѣ, германскій рабочій будетъ имѣть въ мѣсяцъ 1872 М. Въ переводѣ на хлѣбъ это составляетъ 1165 нѣмецкихъ фунтовъ, вмѣсто 23 — 25 русскихъ фунтовъ, которыя зарабатываетъ теперь въ мѣсяцъ русскій рабочій. По ежемѣсячному изданію Indexziffern über die Kosten der Lebenshaltung einer vierköpfigen Arbeiterfamilie недѣльное содержаніе такой семьи въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Берлинѣ стоило 324 марки. Изъ этой цифры

расходовалось на пищу — 209 М. 89 пф., на одежду — 23 М. 05 пф., на жилье — 10 М. 80 пф., отопление и освѣщеніе — 18 М. 10 пф.

По другому періодическому изданію „Die Kosten des Ernährungs-Bedarfs“ No. 9 за 1921 г. на 1 сентября этого года недѣльное продовольствіе одного рабочаго обходилось 61 М. 58 пф., причемъ онъ потреблялъ количество пищи, которое нельзя сравнивать съ голоднымъ питаніемъ русскаго рабочаго послѣ революціи, описаннымъ выше, а именно: хлѣба — 1900 гр., пшеничной муки — 200 гр., сахара — 423 гр., жира — 75 гр., мяса — 250 гр., маргарина — 350 гр., овсянки — 500 гр., овощей — 2500 гр., рыбы — 500 гр., бобовъ, гороха и пр. — 1000 гр., риса — 500 гр., картофеля 3500 гр., кофе Ersatz — 125 гр. Приведенное количество пищи развиваетъ 3006 большихъ калорій, т. е. количество, которое въ 3 раза превышаетъ теперешнее питаніе русскаго рабочаго. Продовольствіе 1 рабочаго съ женою на 1 сентября 1921 г. въ Берлинѣ исчисляется по тому же изданію въ 112 М. 56 пф., а вмѣстѣ съ ребенкомъ, т. е., рабочей семьи изъ 3 человекъ, въ 137 М. 47 пф. въ недѣлю.

Такимъ образомъ, работая столько, сколько теперь работаетъ русскій рабочій, т. е. не менѣе 12 часовъ въ день, нѣмецкій рабочій на свой заработокъ (1872 М, въ мѣсяцъ) можетъ существовать прилично не только самъ, но въ состояніи содержать еще три неработающихъ члена семьи. На все это онъ израсходуетъ 1390 М, и ему останется еще, сверхъ того, 482 М.

О такомъ положеніи русскій рабочій не можетъ даже и мечтать. Руководитель промышленной политики въ совѣтской Россіи, Ларинъ, 19 мая 1921 г. въ „Экономической Жизни“ откровенно заявилъ, что досыта накормить рабочихъ совѣтская власть не въ состояніи до электрофикаціи земледѣлія въ Россіи!

Профессоръ Д. Пестржецкій.

Берлинъ
3 сентября 1921 г.

У разбитаго корыта.

(Письмо къ русской интеллигенціи).

Интеллигенція любитъ гордо называть себя мозгомъ націи. Во всякомъ случаѣ мозги бываютъ разные: сильные и слабые, здоровые и больные, а кромѣ того, какъ рука можетъ и дѣятельно вести плугъ, и писать всякія гадости на заборѣ, такъ точно и мозгъ можетъ дѣлать дѣло серьезное и нужное и заниматься глупостями. Событія заставляютъ насъ признать, что мозгъ русскаго народа, русская интеллигенція, своего гордаго назначенія не выполнилъ. У этого мозга опредѣленно не хватило силы объять сложную, глубокую и многогранную жизнь и сдѣлать изъ анализа ея точные и полезныя выводы. Мы больше любили предаваться мечтамъ о томъ «чего не бываетъ, чего не бываетъ никогда, никогда», увѣряя себя, что это небывалое мы тѣмъ не менѣе заставимъ быть. Мы, въ сущности, ходили въ рубищѣ мысли, но, какъ безумные, воображали, что на насъ царская мантия. Въ результатѣ: Россія въ развалинахъ, а среди развалинъ съ безумьемъ въ глазахъ бродитъ одичавшее, озвѣрѣвшее, страшное существо, когда-то хозяинъ этого стараго дома, и тысячи и тысячи гордыхъ пророковъ будущаго погибли подъ мрачными сводами чрезвычайекъ, и тысячи и тысячи ушли отъ голода, холода и звѣринаго рева новыхъ владыкъ жизни въ

длительное и тяжелое изгнаніе. Въ окна уютныхъ, чужихъ коморкахъ, въ которыхъ мы пріютились, свинцовыми глазами, мучая душу, смотритъ голодное завтра и грызетъ сердце тоска: не хочется вѣрить и нельзя не вѣрить, что разбита прежняя наивная вѣра въ человека, въ жизнь, въ то, что представлялось намъ ея высшей правдой. И долгими безсонными ночами — и на родинѣ, среди прямо апокалипсическихъ бѣдствій когда-то великой страны, и въ изгнаніи, на чужбинѣ, среди потухшихъ маяковъ прежнихъ вѣрованій, — начался медленный, мучительный пересмотръ прежней идеологии..

I.

Мы видѣли всю жизнь, какъ въ кривомъ зеркалѣ потому, что мы не желали видѣть человека такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Во всѣхъ нашихъ выкладкахъ и построеніяхъ мы всегда живого человека подмѣнивали какимъ-то придуманнымъ нами гомункулусомъ, сдѣланнымъ изъ умныхъ книгъ и «идейныхъ» газетъ и журналовъ. Намъ казалось, что всѣ люди въ существѣ своемъ добры — не сказалъ ли Тертуллианъ, что всякая душа человѣческая христіанка? — что требованія разума для всякаго человека стоятъ въ жизни на первомъ мѣстѣ, что всѣ люди чрезвычайно озабочены справедливымъ устройствомъ жизни, которому мѣшаетъ только небольшая «кучка насильниковъ» — такъ говорилъ намъ Толстой, такъ говорилъ старый Крапоткинъ, такъ говорили социалисты съ парламентскихъ трибунъ и со страницъ «передовыхъ» газетъ и журналовъ. Если мы видѣли проститутку, то, конечно, это была или Соня Мармеладова, или Катюша Маслова, которая не замедлитъ «воскреснуть», какъ только мы дадимъ ей прочесть послѣдній номеръ «Журнала для всѣхъ» или нѣсколько книжекъ «Донской Рѣчи». Если въ судъ приводили человека, который зарѣзалъ цѣлую семью для того, чтобы похитить восемь рублей, то мы, присяжные, считали жертвой не зарѣзанныхъ, а его —

жертвой общественной несправедливости, — и старались всячески оправдать его и отъ всякаго наказанія освободить, а когда мы въ лицѣ «Александра Федоровича», пробрались къ власти, мы гордымъ жестомъ всеобщей амнистіи, широко распахнули двери всѣхъ тюремъ, выпустили на свободу тысячи преступниковъ и, конечно, они не замедлили всю Россію залить кровью: достаточно одного Махно вспомнить!.. Если къ намъ приходилъ лоботрясъ-студентъ съ пачкой идиотскихъ прокламашекъ въ карманѣ, мы не стыдили неуча, но видѣли въ немъ борца за народъ, «благороднѣйшую личность»...

Препятствія къ установленію царствія Божія на землѣ представлялись намъ совершенно ничтожными. Великое русское дитя, Левъ Толстой, такъ прямо и говорилъ: «стоитъ только людямъ одуматься, какъ...» и проч. Дѣло за пустяками: стоитъ только 1,500,000,000 двуногихъ существъ, населяющихъ землю, темныхъ, глупыхъ, злыхъ, развратныхъ, «одуматься», какъ на землѣ установится свѣтлое царство Божіе, «ближайшей же весной», какъ подтверждала предъ тысячными толпами полусумасшедшая Маруся Спиридонова и — ей изступленно апплодировали! Тотъ фактъ, что добродушное приглашеніе «одуматься» раздавалось изъ вѣка въ вѣкъ уже тысячелѣтія, а люди продолжаютъ свой хороводъ сумасшедшихъ, кровяня землю своею кровью, застилая небо дымомъ неугасимыхъ пожаровъ, ничуть насъ не смущалъ: именно мы — мессіи-освободители, именно мы откроемъ глаза слѣпымъ, именно мы силою слова своего въ «Донской Рѣчи» и въ «Журналѣ для всѣхъ», свершимъ чудо торжественнаго преображенія челоуѣчества!..

И вотъ, благодаря стеченію исключительныхъ обстоятельствъ, «кучка насильниковъ» полетѣла въ кровавыя бездны безумной войны, всѣ рогатки пали, открылись безбрежные и свѣтлые горизонты, — вотъ еще мгновеніе и встанетъ изъ закопченныхъ развалинъ стараго міра сіяющая Весь Господня, вотъ придетъ новый челоуѣкъ, челоуѣкъ-братъ, челоуѣкъ-творецъ, челоуѣкъ-первосвященникъ въ бѣлой ризѣ и съ умашенной на праздникъ жизни главой. И въ дикихъ ревахъ урага-

новъ пришелъ — страшный горилла въ матросской шапочкѣ съ тяжелымъ браунингомъ въ окровавленной рукѣ, сврекающей драгоцѣнными перстнями, и учредилъ чрезвычайки, о какихъ не слыхалъ — или, по крайней мѣрѣ, уже забылъ, — мѣръ, и изнасиловалъ тысячи дѣвушекъ, и съ легкостью невѣроятной размоталъ вѣтками скопленные народныя богатства, и обрекъ огромный народъ такой нищетѣ, такимъ бѣдствіямъ, какихъ и въ старыхъ сказаніяхъ не скоро найдешь... Встали изъ глубинъ народныхъ тысячи и тысячи страшнѣйшихъ преступниковъ, для которыхъ не было ничего святого, и — что еще страшнѣе, — встали миллионы трусовъ и предателей, которые молча терпѣли все и тѣмъ способствовали этимъ преступникамъ. Мы узнали, что человекъ прежде всего и болѣе всего любить свою шкуру, что онъ трусливъ, подлъ, жаденъ, лживъ, что жалкій умишка его весь во власти буйныхъ страстей, съ которыми онъ не умѣетъ справиться, что ничто такъ мало не интересуется его, какъ тѣ возвышенные лозунги, которыми мы думали зачаровать его, лозунги свободы, равенства, братства. Да не только массы — о, Богъ съ ними, несчастными!... — самые вожди-то наши, гордые «буревѣстники», которые такъ гордо бичевали зло, такъ горячо обѣщали намъ близкое торжество добра, и тѣ съ невѣроятной быстротой превратились въ жадную орду мерзавцевъ, которые распаленно полѣзли во дворцы, въ чужіе автомобили, стали жрать бѣлорыбицу, запивая ее шампанскимъ, и своихъ мимолетныхъ подругъ засыпали крадеными брилліантами.

Я долгіе годы провелъ среди революціонеровъ. Я слишкомъ хорошо знаю, что не мало было среди нихъ людей съ широкимъ и горячимъ сердцемъ, которые были готовы отдать и отдавали все, чтобы сдѣлать жизнь людей болѣе свободной, справедливой и теплой. Но по мѣрѣ того, какъ развивалось революціонное дѣйство послѣднихъ десятилѣтій, все болѣе и болѣе подъ флагъ этихъ наивныхъ, чистыхъ душою идеалистовъ, людей не отъ міра сего, собиралось всякихъ озлобленныхъ неудачниковъ, оскорбленныхъ самолюбій, ловкихъ карьеристовъ, которые верхнимъ чутьемъ схватили, что и въ

этомъ лагерѣ можно «хорошо устроиться». Въ концѣ концовъ революція перестала быть для нихъ средствомъ улучшить міръ, — она стала довлѣть себѣ сама. Появились среди насъ люди, къ имени которыхъ приставлялся газетами странный титулъ: «въ Берлинѣ пріѣхалъ знаменитый русскій революціонеръ Раздобиловъ», «въ Парижѣ скончался извѣстный русскій революціонеръ Лавровъ», «на митингѣ выступила знаменитая французская революціонерка Луиза Мишель». Толстой — писатель, Рѣпинъ — художникъ, Корниловъ — генераль, Марѳа — кухарка, о. Богоявленскій — священникъ, Иванъ — плотникъ, а г. Раздобиловъ — революціонеръ! Революція стала профессіей, промысломъ, средствомъ кормленія...

Вотъ эти-то революціонеры-профессіоналы и взяли всюду и вездѣ первую скрипку въ революціи.

Пока они были не въ силѣ, въ меньшинствѣ, они всѣ усилія свои напрягали на то, чтобы всячески вредить правительству, вредить во что бы то ни стало, вредить даже тогда, когда оно дѣлало полезное для народа дѣло, вредить даже во вредъ этому народу. У насъ самый яркій примѣръ такого рода дѣятельности былъ въ отношеніи Раздобиловыхъ къ знаменитому закону 9 ноября. Крестьянину порожденію, очень близко знающій деревню, я былъ пораженъ: въ то время, какъ все лучше крестьянство, самое толковое, самое энергичное, самое хозяйственное, радостно привѣтствовало эту колоссальную реформу, значеніе которой я ставлю наравнѣ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ то время, какъ преодолевая тысячи тяжелыхъ препятствій, оно радостно устремилось на устроеніе своей новой жизни, такъ называемая революціонная демократія мобилизовала всѣ свои силы для того, чтобы оплевать этотъ законъ, высмѣять его, внушить темному и инертному крестьянству недоувѣріе къ нему, запугать его. Почему это такъ дѣлалось? Очень просто: этимъ закономъ въ Россіи быстро и вѣрно создавалось новое, сильное, устойчивое крестьянство, которое, получивъ этимъ мирнымъ путемъ землю на очень выгодныхъ — чтобы тамъ ни болтали эсъ-эры — условіяхъ, тѣмъ са-

мымъ ушло бы изъ рукъ революціонеровъ-профессіоналовъ, для которыхъ революція есть прежде всего средство кормленія, путь къ личной карьерѣ, а безъ крестьянства какая же революція въ крестьянской Россіи? И вотъ сознательно и жестоко крестьянство было принесено въ жертву революціи. Конечно, не обрушьяся на насъ эта несчастная война, профессіоналамъ революціи не удалось бы побороть великой реформы, ибо тѣ новые, сытые хутора, которые стали на мѣсто старой, нищей, златовратской, готовой къ революціи общины были слишкомъ сильнымъ средствомъ пропаганды и козелъ революціи ломалъ о нихъ свои рога очень исправно. Но судьба не дала достаточно времени для проведенія въ жизнь геніальнаго, раскрѣпощающаго мужика мѣропріятія, вспыхнула пугачевщина и — замѣчательно! — всюду и вездѣ эти цвѣтушіе хутора были разрушены темной массой подъ руководствомъ безотвѣтственныхъ вожаковъ въ первую голову, раньше даже панскихъ имѣній: сытый, довольный крестьянинъ мѣшалъ, его надо было устранить. И устранили, и обрекли крестьянство всѣмъ ужасамъ гражданской войны, и отбросили его во всѣхъ областяхъ его жизни на добрую сотню лѣтъ назадъ: въ школахъ нѣтъ ни учебниковъ, ни тетрадей, ни чернилъ, ни честнаго учительскаго персонала, нѣтъ у крестьянина ни одежды, ни сапогъ, крестьянинъ уже ѣздитъ, какъ во времена Владиміра Краснаго Солнышка, на мочальной самодѣльной сбруѣ, нѣтъ у него ни сахара, ни спичекъ, ни керосина, ни кожи, ни земледѣльческихъ машинъ, ни гвоздей, ни сѣмянъ, нѣтъ у него ничего и вымираетъ крестьянство тысячами, какъ мухи...

Разгулявшаяся буря пугачевщины всѣхъ этихъ господъ закинула за границу — одни изъ первыхъ они очутились въ пріятномъ отдаленіи отъ любезнаго ихъ сердцу «возставшаго народа», часто съ очень хорошими деньгами, повидимому. Они не унываютъ, они издають большія газеты, они ведутъ свою прежнюю линію и съ еще большимъ чѣмъ прежде рвеніемъ: они успѣли уже вкусить отъ сладости шампанскаго, спанья въ царскихъ кроватяхъ, ѣзды въ царскихъ поѣздахъ и изступленно рвутся ко всему этому вновь и вновь, безъ конца повторяя

ерническія фразы о своей любви беззавѣтной къ народу, о справедливости, о свободѣ. Но теперь ерникамъ никто не вѣритъ—мы узнали, что все это красноглаголаніе лишь очень непрочный лакъ, который слетаетъ при первомъ же искушеніи. Когда въ Зимнемъ Дворцѣ жилъ царь, потомокъ династіи, въ тягчайшихъ трудахъ создавшей изъ худосочнаго, раздираемаго смутой Московскаго царства великую, богатѣйшую Россію, предъ которой раскрывались величайшія возможности, это было несправедливо, а когда во дворецъ забрался адвокатъ-неврастеникъ, за которымъ даже нарѣмскаго стажа не было, — ловокъ!.. — это стало справедливо, это было «завоеваніемъ революціи», отъ этого народъ страшно выигралъ. Когда грозныя рати русскія водили испытанные боевые вожди на защиту родной земли, это было несправедливо, это было варварство, а когда безграмотныхъ чувашей и башкиръ повелъ вахмистръ Буденный за какой-то идиотскій интернаціональ — онъ по безграмотности передѣлалъ слово это въ «интерцентралъ», — это стало справедливо, это стало «планетарно». Когда зернистую икру ѣлъ фабрикантъ Морозовъ, создавшій русскій Манчестеръ, всю Россію одѣвавшій своимъ дешевымъ прекраснымъ ситцемъ, это было несправедливо, это былъ грабежъ, а когда сталъ ѣсть икру комитетъ изъ безграмотныхъ лоботрясовъ, разрушившихъ это гигантское, прекрасное дѣло и выбросившій на улицы десятки тысячъ рабочихъ съ семьями, то это стало справедливо, то рабочіе отъ этого страшно выиграли!.. Но — обманъ раскрывается все больше и больше. На всякій независимый голосъ господа этиревутъ: «а, реакція!..», они безстыдно пляшутъ свой канканъ на еще свѣжихъ могилахъ патріотовъ, сложившихъ голову за погубленную ими Россію, они не останавливаются ни предъ какой клеветой, ни предъ какою ложью, ни предъ какимъ преступленіемъ, но пѣсенка ихъ все же спѣта. Имъ больше не вѣрятъ. На кровавомъ опытѣ люди узнали всю правильность опредѣленія такой демократіи Наполеономъ, который говорилъ, что «демократъ это человѣкъ, которому хочется быть аристократомъ», или, какъ сказалъ бы онъ въ нашихъ условіяхъ, демократъ это человѣкъ, которому очень хочется если не

быть Морозовымъ, — это трудно, — то сѣсть хотя на время на мѣсто Морозова.

Въ упоеніи собою и своею блестящей ролью въ исторіи рода человѣческаго, мы не вдумывались въ жизнь до дна — мы были подобны тому человѣку, о которомъ такъ четко сказалъ Жанъ Поль: «жизнь подобна книгѣ: дураки поверхностно перелистываютъ ее, мудрый же читаетъ ее со вниманіемъ, ибо онъ знаетъ, что только одинъ разъ дано ему прочесть ее». И, просмотрѣвъ ея серьезныя и опасныя глубины, мы старались только объ одномъ: какъ бы поскорѣе нашими брошюрками и общедоступными газетками «пробудить сознаніе» народа, освободить его изъ-подъ власти тысячелѣтнихъ вѣрованій и «предразсудковъ». Вѣщія слова Гетэ о томъ, что «все, что освобождаетъ нашъ духъ, не давая въ то же время намъ власти надъ собой, погибельно», мы просмотрѣли, а тѣ, кто успѣли прочесть это, не обратили, конечно, вниманія... Освободить-то народъ отъ «предразсудковъ» мы освободили, но волшебной власти надъ собой мы ему не дали и результатомъ было разрушеніе всего и прежде всего нашего наивнаго вѣрованія въ человѣка, въ вождей революціи, въ разумъ и сердце массъ, въ возможность нѣсколькими декретами осуществить всеобщее счастье людей. И теперь, въ тайнѣ голодныхъ и холодныхъ ночей этихъ, многіе изъ насъ уже спрашиваютъ себя: да возможно ли такое всеобщее счастье вообще, хотя бы чрезъ милліоны лѣтъ? И честные и безстрашные уже отвѣчаютъ: не знаемъ—во всякомъ случаѣ и нашъ личный опытъ, и вся исторія человѣческая не только не даетъ въ этомъ ни малѣйшей увѣренности, но напротивъ, милліонами голосовъ кричитъ намъ въ уши холодное и страшное: нѣтъ!....

II.

Родина!.. Для огромнаго большинства интеллигенціи это было что-то до такой степени низменное, ничтожное, презрѣнное, что слова «патріотъ» или «націоналистъ» были для нихъ, всечеловѣковъ, ругательными. Правда,

тѣ тяжелыя обязательства, которыя накладываетъ Родина на человѣка, тѣснили человѣчество уже давно, правда, эти наскоки и протесты противъ самаго понятія Родины начались чуть не на самой зарѣ мысли человеческой. Правда, еще тысячи лѣтъ тому назадъ люди мечтали расковать мечи на серпы и орала и слиться въ одну огромную семью, гдѣ не было бы ни эллина, ни іудея, но точно также тысячелѣтній опытъ человѣчества, опытъ тяжкій, кровавый, долженъ былъ бы доказать намъ, какъ беспочвенна эта мечта, какъ мало надежды на ея осуществленіе даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Но чужой опытъ не учить и мы съ высоты сверхчеловѣка, какими мы себя воображали, смотрѣли на отечество, на Россію, созданную тысячелѣтними усиліями нашихъ предковъ, какъ на какую-то случайную неприятность въ нашемъ бытіи. О томъ, что можно любить Россію, что надо беречь ее, что надо упорно, хотя и незамѣтно, трудиться для нея, — о, это намъ и въ голову не приходило! Въ лучшемъ случаѣ намъ она была нужна лишь какъ трибуна, съ которой мы могли обращаться ко «всему человѣчеству», не меньше, конечно.

Поразительно было замѣчаніе, которое я по этому поводу слышалъ еще во время войны отъ одного плѣннаго германца. Я спросилъ его, что поразило его въ русскомъ народѣ наиболѣе ярко и сильно изъ всего видѣннаго имъ у насъ. И германецъ сказалъ, что прежде всего поразили его наши чудовищныя пространства — ѣдешь и ѣдешь, и все нѣтъ конца, съ какимъ-то даже страхомъ говорилъ онъ, — а во-вторыхъ, нашъ національный характеръ. Весь во власти своего Vaterland 'a, германецъ съ удивленіемъ говорилъ мнѣ: «мнѣ все кажется, что русскіе только вчера пришли въ Россію неизвѣстно откуда и завтра снимутся и уйдутъ неизвѣстно куда. И потому имъ не стоитъ обращать вниманія ни на что. Если, на примѣръ, мы, нѣмцы, строимъ у себя мостъ, то мы строимъ его изъ желѣза и камня на тысячу лѣтъ, — вы набросаете бревнышекъ и дощечекъ, которые первымъ паводкомъ уносятъ къ черту; если намъ нужна дорога, то и дорогу строимъ мы на тысячу лѣтъ, — у

васъ дороги это какое-то чистилище для лошадей и людей; неизвѣстно только, попадаете ли вы потомъ за всѣ эти мученія въ рай. Не стоитъ заботиться, чтобы вывести изъ избы клоповъ или таракановъ — все равно, завтра мы уйдемъ...»

Въ народѣ это происходитъ отъ лѣни, распущенности, недостатка культуры, въ насъ отъ тѣхъ же причинъ, а кромѣ того, и главнымъ образомъ и потому, что, дѣйствительно, не стоитъ: какая Россія? Что такое? Вѣдь завтра мы уходимъ въ интернаціональ, завтра всѣ границы рухнутъ и мы сольемся всѣ въ одну семью. Зачѣмъ буду я тратить силы на какой-то тамъ мостъ между Голодаевкой и Разуваевкой, когда всѣ силы свои мы должны отдать устроению «всего человѣчества»? Зачѣмъ тихой, тяжелой, упорной работой совершенствовать жизнь этой Голодаевки и Разуваевки и всей Россіи, когда завтра все это должно быть разрушено и начнется наше ослѣпительное «творчество» новой жизни? И мы восторженно привѣтствовали всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе высмѣивалъ, разрушалъ государство, правительство, націю. Гоголь свистѣлъ на всю Россію своимъ «Ревизоромъ» и «Мертвыми Душами», не желая знать, что въ числѣ чиновниковъ были не одни только Сквозняки и Земляники и среди помѣщиковъ не одни только Собакевичи и Ноздревы, Салтыковъ специализировался на «помпадурахъ», какой-то дрянной Гусевъ-Оренбургскій зашаль все духовенство и Церковь, Купринъ мазалъ грязью все офицерство, хулиганъ Горькій плевалъ въ лицо всей интеллигенціи, Островскій живописалъ купца-звѣря... А правительство, правительство — отъ кого только ни доставалось ему!... Какая-нибудь дрянь, которая и въ писцы уѣзднаго полицейскаго управленія не годилась, и та пицала въ какой-нибудь «Тмутараканской Зарѣ» — непременно «Зарѣ», за которой, конечно, идетъ солнце!.. — противъ правительства. Наша литература была по преимуществу обличительной и изъ совокупности обличеній ея получалось впечатлѣніе, что Россія это одинъ сплошной ужасъ, одно сплошное «темное царство», въ которомъ единственный «свѣтлый лучъ» это мы, да еще, пожалуй, сочиненные нами себѣ на потѣ-

ху товарищи сознательные рабочіе да златовратскіе мужики...

Всѣ въ этомъ ерническомъ усердіи обличить во что бы то ни стало не замѣтили одинъ колоссальный фактъ — слона не примѣтили! — что еще въ началѣ XVII вѣка, то есть только вчера, Россія была небольшимъ, раздираемымъ смутами Московскимъ царствомъ, что за 300 только лѣтъ она выросла въ колоссальную имперію, въ границахъ которой оказались несмѣтныя богатства, о какихъ **ни одинъ народъ въ мірѣ** не смѣлъ и мечтать, что мы могли жить и жить богато, если бы всѣ остальные народы земного шара провалились бы въ преисподнюю. Если бы мы дали себѣ трудъ замѣтить этотъ фактъ, то мы поняли бы, что вся энергія и правительства и народа ушли въ эту колоссальную экстенсивную работу, въ это **неизбѣжное** дохожденіе до нашихъ естественныхъ границъ и что поэтому создавшіе это гигантское цаство совсѣмъ не всѣ Сквозники, Николаи Палкины, Титы Титычи, что кто-то тамъ былъ еще, кто этотъ подвигъ совершилъ, кто Россію велъ, кѣмъ была она жива. Если работѣ интенсивной не отдавалось столько силъ, какъ это было бы нужно, то на это есть свои историческія причины въ дивномъ, граничащемъ съ чудомъ ростѣ этого колосса, что если многое въ немъ далеко еще отъ совершенства, такъ надо было не свистѣть и улюлюкать, а работать, не разрушать, а совершенствовать несовершенное. Мы этого не поняли, просмотрѣли и оказались въ дуракахъ, въ рабствѣ у Лейбы Бронштейна и латышей или въ унижительномъ положеніи приживальщиковъ въ Сербіи.

Теперь мы на своей шкурѣ поняли, что отечество это не «отжившій предразсудокъ капиталистическаго періода» а страшная реальность, такая же, какъ для рыбы — вода.

Идею отечества если не поняли, то чрезвычайно остро почувствовали даже коммунисты-интернационалисты, которые **вынуждены** были разграничиваться и спорить съ Финляндіей, **вынуждены** были биться за русскую землю съ Польшей, **вынуждены** были кричать: «то-

варищи, социалистическое отечество въ опасности!..» «Социалистическое отечество» это абракадабра, это полная бессмыслица, но они **вынуждены** были пойти и на бессмыслицу: отказаться отъ себя, честно признать, что они заврались, не было еще силъ у трусовъ, — отсюда «социалистическое», — но не оказалось силъ отказаться и отъ Родины, отъ которой на словахъ такъ легко они отреклись, — отсюда «отечество въ опасности». Но великій учитель нашъ Писаревъ сказалъ: «слова и иллюзіи гибнуть, — факты остаются.» «Социалистическое» слово отпадетъ, а фактъ, Родина, останется и будетъ теперь у русскихъ людей отношеніе къ ней иное: своимъ домомъ не играютъ, а берегутъ его пуще глаза, ибо безъ него жить нельзя, ибо просто безъ него жить негдѣ. Въ Канаду уѣхать, въ Парижъ, въ Сербію, — такъ это тоже чье-то отечество, но тутъ ты чужакъ вѣдь, а дома ты — хозяинъ. Раньше съ какой язвительной ироніей говорили мы о пріятномъ дымѣ отечества, — теперь, когда, переѣхавъ русскую границу, мы впервые вернемся на Родину, тысячи, сотни тысячъ при первомъ дымѣ русскомъ будутъ рыдать навзрыдь. Раньше какъ подсмѣивались мы надъ этими тупыми нѣмцами съ ихъ фатерляндомъ über alles — теперь мы будемъ съ восторгомъ, съ яростью говорить, что über alles для насъ — **Россія!**

III.

У великаго Гетэ есть одно четверостишіе:

Frankreichs traurig Geschick die Grossen mögen's
bedenken,
Aber bedenken fürwahr sollen es Kleine noch mehr.
Grosse gingen zu Grunde, doch wer beschützte
die Menge
Gegen die Menge? Da war Menge der Menge
Tyranne...

Раньше на такое четверостишіе рядовой русской интеллигентъ и вниманія, конечно, не обращалъ: онъ *авансомъ* былъ выше такихъ соображеній, а *тѣмъ*

болѣе, если эти соображенія были высказаны дѣйстви-
тельнымъ тайнымъ совѣтникомъ Гетэ, который какъ-то
тамъ примазался къ какому-то герцогу и вообще не за-
нималъ никакого «славнаго поста» вродѣ Михайловска-
го или Короленки. Но теперь опять-таки на жестокомъ
опытѣ, на своей шкурѣ мы узнали, что снимать узду съ
народа, съ его подонковъ, съ черни нельзя, потому что,
хотя «всякая душа человѣческая и христіанка», но
никакой все же тиранъ не сравнится въ жестокости сво-
ей съ этимъ многоголовымъ и тупымъ тираномъ, улицей,
толпой. На опытѣ мы узнали, другими словами, что на-
сильственная государственная организація массъ необхо-
дима не только для нашего, но и для ихъ же собственна-
го блага. Вспомнимъ Ходинку: тысячи людей погибли
только оттого, что во время въ нужныхъ мѣстахъ не бы-
ли выставлены солдаты со штыками, которые могли бы
«не пушшать», а когда нужно, то и «ташшить». Я ви-
дѣлъ своими глазами нашихъ плѣнныхъ, которые без-
умными лавинами неслись изъ Австріи: они штурмо-
вали поѣзда, они разрушали послѣдніе вагоны, они раз-
страивали всякое движеніе и оставляли города безъ про-
довольствія, они убивали желѣзнодорожниковъ ни за
что, они гибли морозными ночами на крышахъ, они гиб-
ли отъ тифа, они цѣлыми гирляндами, окоченѣвъ, вали-
лись подъ колеса, — до тѣхъ поръ, пока не нашлись
энергичные люди, которые, взявъ пулеметы, разомъ вве-
ли безумныхъ въ рамки дисциплины и уже организо-
ванно, спокойно, безопасно направили ихъ по домамъ,
спасая отъ нихъ и ихъ самихъ, и желѣзныя дороги, нуж-
ныя и имъ, и всему государству. И когда получаетъ боль-
шой пароходъ пробоину въ океанѣ, то первое, что дѣла-
етъ администрація, это съ револьверами въ рукахъ ста-
новится къ шлопкамъ. Власть нужна и власть сильная
и не только въ Россіи, но вездѣ, ибо вездѣ толпа —
звѣрь, страшный тиранъ безъ разума и безъ совѣсти.

Конечно, всѣ наши симпатіи мы авансомъ, «безъ
тоски, безъ думы роковой» отдаемъ республикѣ — ужь
очень все въ ней хорошо выходитъ по книжкѣ: соберется
народъ, умно и толково разсудить обо всемъ, выберетъ са-

мыхъ подходящихъ, умныхъ и честныхъ, людей и все пойдеть у нихъ по маслу «ко все большей и большей свободѣ, ко все большему и большему свѣту, ко все большей и большей справедливости», какъ говорилъ этотъ наивный Золя въ своихъ наивнѣйшихъ «Четырехъ Евангеліяхъ», тотъ Золя, который, судя по его прежнимъ книгамъ, такъ хорошо изучилъ человѣка во всѣхъ его слабостяхъ, во всемъ безсиліи предъ своими же собственными страстями, предъ своими же собственными недостатками. По книжкѣ выходило у насъ, дѣйствительно, все чрезвычайно складно, но хорошо говоритъ старая севастопольская солдатская пѣсня:

Какъ писали по бумагѣ,
То забыли про овраги,
А по нимъ ходить . . .

И вотъ, когда мы оторвались отъ бумаги и вздумали-было пройтись эдакъ форсисто по жизни на удивленіе всѣмъ, мы сразу же налетѣли на «овраги» и — сломали себѣ шею: народъ собрался, разсудилъ и выбралъ управлять Россіей сумасшедшую истеричку Марью Спиридонову, авантюриста Виктора Чернова, болтуна Керенскаго, Либера, Дана, Гоца, Бронштейна и проч., и проч., и проч., а теперь въ результатѣ миллионными толпами мечется, охваченный ужасомъ по разоренной Россіи, и ищетъ какого-то «царя индѣйскаго», и — погибаетъ миллионами...

Скажутъ: да существуютъ же республики? Конечно, но Боже мой, какъ далеки онѣ отъ того, что было изображено на бумагѣ! Прочтите о французской республикѣ хотя бы «*La Série Contemporaine*» Анатоля Франса, вспомните о панамахъ, дрейфусіадахъ и пр., загляните за кулисы американской республики, гдѣ все продается и покупается, познакомьтесь хотя поверхностно съ тѣмъ кровавымъ канканомъ, въ который превратилась человѣческая жизнь въ южныхъ республикахъ Америки: президентъ Каррамба свергнутъ — власть захватилъ генералъ донъ-Хіо-де-ла-Наваха . . . генералъ де-ла-Наваха свергнутъ, къ городу подходятъ войска претендента,

бывшаго президента Санта-Круць-да-Розарена . . . — и это ежегодно, ежегодно, ежегодно! . . .

А загляните внимательно, своими глазами, а не глазами ищущихъ популярности профессоръ и публицистовъ въ исторію древней Греціи, этой зернистой икры изъ всевозможныхъ республикъ. Вся страна по пространству это одинъ уѣздъ Вологодской губерніи, но «государствъ» въ ней — не перечесть. И вся исторія ихъ сводится къ невѣроятной, неизбывной потасовкѣ: Аѣины съ Мегарой, Коринѣъ съ Керкирой, Аѣины съ Самосомъ, Спарта съ Аѣинами, Аѣины съ Ѳивами, дорическіе города съ іоническими и все закончилось двадцатисемилѣтней пелопонесской войной, въ которой обезумѣвшіе люди изошли кровью и обезсилѣли до конца. То же и у насъ: возьмите съ одной стороны царствованіе Александра III, когда миръ царилъ отъ Варшавы до Владивостока въ теченіе долгихъ лѣтъ, а съ другой стороны всю эту идиотскую склоку разныхъ «республикъ»: со вѣтской, Польской, Литовской, Азербейджанской, Грузинской и проч. Среднему человѣку, — а онъ вѣдь и составляетъ огромное большинство народа, не всѣ вѣдь Милюковы . . . — жилось при Александрѣ III въ миллионъ разъ лучше, чѣмъ при Петлюрѣ или Азербейджанѣ.

Съ другой стороны взгляните попристальнѣе въ то, что дѣлалось въ этихъ пресловутыхъ греческихъ республикахъ внутри. Отличительная черта ихъ внутренней жизни это завистливое равненіе по толпѣ. Стоить только кому-нибудь подняться головой надъ толпой, какъ эта голова уже кажется опасной и — слетаетъ съ плечъ. Біографіи всѣхъ великихъ грековъ того времени неизбѣжно заканчиваются или изгнаніемъ или даже чашей съ цикутой. Павзаній, Кимонъ, Ѳемистокль, Аристидъ, Перикль, Демосѣенъ, Ѳокіонъ, Сократъ — всѣ они хорошо знаютъ, что значитъ «власть демократіи»! Тѣ изъ нихъ, кто былъ посердитѣе, бѣжали и въ изгнаніи начинали озлобленно вредить своему милому отечеству, а кто покротче — тѣ покорно испивали цикуту. Демократія, не стѣсняясь, расправлялась со своими «великими», — точь въ точь какъ наши большевики. Анархистъ

Толстой мирно благоденствовалъ при императорахъ Александрѣ II, Александрѣ III, Николаѣ II, а какой-нибудь либераль, газетчикъ третьяго сорта, совѣтской республикѣ уже кажется страшной опасностью и — погибаетъ въ чрезвычайкѣ.

И есть одно общее соображеніе, которое заставляетъ насъ быть очень осторожными съ нашими восторгами по адресу республикѣ. Вѣдь, если бы блага республики были такъ очевидны и несомнѣнны, то, конечно, республики эти цвѣли бы все болѣе и болѣе, все болѣе и болѣе ширились бы ихъ предѣлы, все большее и большее количество людей увѣровало бы въ нихъ, а на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что приходитъ какой-нибудь Александръ Македонскій и однимъ ударомъ ноги отправляетъ всю эту икру народоправствъ въ небытіе, и всюду и вездѣ республики смѣняются монархіями и монархіи республиками.

Историческій опытъ совершенно ясно говоритъ намъ, что до сихъ поръ не придумано еще людьми совершенной формы организаціи человѣческихъ стадъ, что всѣ формы государственнаго устройства полны недостатковъ и что недовольство правительствомъ можно назвать врожденнымъ человѣку, какъ зубная боль или инфлюэнца. Но тотъ же опытъ точно также ясно говоритъ намъ, что почти вездѣ и всюду — а объ огромной, полудикой Россіи и говорить не приходится, — наиболѣе разумной, наиболѣе прочной и даже наиболѣе дешевой *)

*) Маленькій, но очень характерный фактикъ: недавно одна газета, органъ организованныхъ крестьянъ-штирійцевъ, помѣстила ядовитую статейку о количествѣ государственныхъ автомобилей при императорскомъ режимѣ въ Австріи и при режимѣ теперешнемъ, федеративно-республиканскомъ. Газета пишетъ, что при послѣднихъ императорахъ Австро-Венгрии казенныхъ автомобилей въ Вѣнѣ было менѣе 20, а теперь ихъ стало болѣе 1000 (точные цифры я, къ сожалѣнію, не помню). И прибавьте, что это только въ одной Вѣнѣ, а если вы возьмете всѣ столицы теперешней федеративной Австріи, Грацъ, Зальцбургъ, Инсбрукъ и проч., — то получится уже нѣчто совсѣмъ головокружительное. Почему это — спрашиваетъ крестьянская газета, — великая императорская Австро-Венгрия умѣла довольствоваться ничтожнымъ количествомъ машинъ, а жалкая, ни,

формой правленія является умѣренная Монархія. Конечно, недостатки есть и тутъ, какъ и во всемъ человѣческомъ, — при хорошемъ государѣ они сказываются меньше, при менѣе удачномъ — больше, но во всякомъ случаѣ для рядового человѣка они не тяжелѣе, но легче, чѣмъ въ республикѣ съ ея постоянными смѣнами главы государства, съ ея обостренной борьбой партій за власть, съ ея надоѣдливымъ своей явной бесплодностью шумомъ, который нуженъ только рвущимся къ власти политиканамъ...

Но свобода, свобода!.. — кричатъ намъ неупрыгавшіеся.

Во первыхъ, извѣстная разумная доля свободы возможна и при Монархіи, а во-вторыхъ, право, декламация эта хороша лишь въ томикѣ Шиллера, а въ дѣйствительности — отвѣтите, господа, по совѣсти, что вы сдѣлали со свободой? Во что она при васъ вылилась? На что она вамъ, главное, нужна?

Вѣдь всѣ вы, когда кричите о свободѣ, вы подразумеваете свободу только для себя. Вѣдь вы не можете терпѣливо выслушать человѣка, который хоть чуточку не согласенъ съ вашими канонами! Вѣдь анаѳема у васъ тотъ, что смѣетъ думать не по указкѣ!.. Вѣдь теперь, послѣ четырехлѣтняго царствованія въ Россіи социалистовъ, времена Плеве кажутся царствомъ лучезарнѣйшей свободы!..

Вы требуете абсолютной свободы печати. Простите, но мы не согласны отравлять дѣтей французской и отечественной порнографіей, — слѣдовательно, какая-то

чтожная современная Австрійская демократическая республика требуетъ ихъ отъ народа такую массу?

Мы, русскіе люди, можемъ подтвердить, что и у насъ та же картинка. И если когда осуществится дурной сонъ о русской федераціи, то мы будемъ имѣть тысячу автомобилей въ Петроградѣ, тысячу въ Кіевѣ, тысячу въ Томскѣ, тысячу въ Казани, тысячу въ Тифлисѣ, тысячу въ Баку, тысячу на Дону, тысячу въ Екатеринодарѣ, тысячу во Владивостокѣ, тысячу въ Симферополѣ... Боюсь, что очень скоро и наши мужички, какъ штирійцы, попросятъ: нельзя ли какъ устроить, чтобы демократія каталась на ихъ счетъ поменьше?..

узда на мерзавцевъ, спекулирующихъ свободой печати, должна же быть, должны же быть какія-то разумныя ограниченія этого бумажнаго принципа въ его приложеніи къ жизни дѣйствительной, гдѣ столько «овраговъ». Вы кричите: свобода слова! Извините, не для всѣхъ. Вотъ только на дняхъ явилась ко мнѣ какая-то симбирская татарка, г-жа Гусейнова, которая сладостно мечтаетъ о созданіи великой мусульманской республики отъ Ганга и Инда до Казани — что, вы согласны предоставить ей свободу проповѣдывать это въ центрѣ Россіи полуграмотнымъ татарамъ, черемисамъ, чувашамъ, согласны дать ей снова и снова зажечь огонь въ сердцѣ Россіи, согласны вы бросить эти орды невѣжественныхъ людей на ваши города и села? Толстой гдѣ-то говоритъ о силѣ слова: въ наполненный людьми театръ одинъ человѣкъ бросить только одно слово: «пожаръ!» и въ результатѣ сотни убитыхъ и искалѣченныхъ. Слово — страшное оружіе и всякому въ руки дать его нельзя... Вы требуете свободы собраній, — нѣтъ, махновцы свободой собраній не могутъ пользоваться, ибо ничего кромѣ грабежа и кровопролитія такая свобода народу не дастъ.

Все это хорошо, но въ государственно-допустимыхъ, въ разумныхъ, въ полезныхъ предѣлахъ. Эти «великіе» принципы вашихъ брошюрокъ должны быть пересмотрѣны серьезными людьми самымъ внимательнымъ образомъ, хотя все же прямо надо сказать: то, что десять лѣтъ назадъ представлялось опаснымъ, теперь будетъ только смѣшно.

Разъ на Кубани сидѣлъ я у одного большого генерала. Входитъ одинъ общественный дѣятель и говоритъ:

— А къ намъ гостья, господа, ѣдетъ...

— Кто такое?

— Бабушка русской революціи... Приѣхала уже въ Константинополь и ждетъ парохода выѣхать сюда.

Генераль моментально схватился за телефонъ, а гость — его за руку.

— Вы это что?

— Распорядиться, чтобы не давали визы...

Тотъ такъ и ахнулъ.

— Да вы съ ума сошли!.. — воскликнулъ онъ. — Немедленно же отправьте за ней экстренный миноносецъ, а здѣсь велите приготовить салонъ-вагонъ съ паровозомъ — пусть ѣздитъ всюду, проповѣдуетъ, собираетъ собранія, пусть окончательно дискредитируетъ себя, свое дѣло, революцію... Боже, да когда же вы поумнѣете?!..

Этотъ генераль отъ вѣка опредѣленно отсталъ. Бабушки уже не страшны. Эсъ-эры должны получать серьезныя субсидіи для продолженія своей необходимой государству дѣятельности по дискредитированію революціи. Керенскій долженъ получать не меньше любого министра — только бы не молчалъ, только бы говорилъ!..

Все это теперь совершенно не страшно. Ну, а если найдутся охотники очень ужъ размахивать руками, правительство, исполняя глухую волю измученнаго народа, сумѣетъ, конечно, использовать въ борьбѣ съ ними революціонный опытъ: Ленинъ съ Троцкимъ научили, какъ надо управлять. Даромъ эти уроки не пройдутъ. Да и въ обществѣ отношеніе къ освободителямъ теперь будетъ другое: раньше Савва Морозовъ, не считая, давалъ милліоны на революцію, основывалъ за-границей революціонныя газеты, — теперь такихъ дураковъ среди толстосумовъ уже не найдется и нелегальный Красный Крестъ для нарымскихъ пенсіонеровъ теперь много не наберетъ. Народъ же послѣ «опыта», конечно, опять будетъ ловить «сицилистовъ» для представленія по начальству. Времена измѣнились. Надо отдохнуть, надо пообчиститься, надо устроить домокъ похозяйственнѣе, а безъ хозяина домъ, конечно, сирота и, — конечно, мужички, нравится намъ это или нѣтъ, хозяина надъ Русью поставятъ и хозяина «сурьознаго»...

IV.

Въ нашемъ огромномъ дѣдовскомъ домѣ, Россіи, кромѣ державнаго народа Русскаго въ лицѣ трехъ основныхъ развѣтвленій его, Великороссовъ, Малороссовъ и Бѣлоруссовъ, живетъ не мало и другихъ, мелкихъ народовъ, ко-

торые постепенно вошли въ Россію въ величавомъ процессѣ ея государственнаго роста. Раньше въ вопросѣ національномъ мы склонны были къ нѣкоторой маниловщинѣ, но за время революціи латыши, окровавившіе всю русскую землю, Азербейджаны всякіе, тысячи евреевъ-комиссаровъ и проч. заставили насъ смотрѣть на это дѣло нѣсколько иначе.

Эсъ-эры завопятъ: федерація, федерація! Но такъ какъ не эсъ-эры строили Россію, то не эсъ-эрамъ и дѣлать ее. Только Россія національная рѣшитъ судьбы своихъ окраинъ и какъ она ихъ рѣшитъ, теперь въ этомъ никакихъ сомнѣній быть не можетъ.

У читателя, конечно, уже вертится безпокойный вопросъ: а какъ съ евреями? До сихъ поръ еврейскій «вопросъ» у насъ считается однимъ изъ важныхъ. Еще недавно я получилъ письмо отъ одного виднаго общественнаго дѣятеля, который, вслѣдъ за В. Соловьевымъ, пишетъ, что еврейскій вопросъ это с а м ы й б о л ь н о й н а ш ь в о п р о с ь. Это старый, отжившій предразсудокъ. Для насъ, русскихъ, единственно важный вопросъ это вопросъ русскій. Важенъ для насъ вопросъ земельный, вопросъ устройства нашихъ финансовъ, вопросъ возстановленія нашей промышленности, вопросъ церковный, а еврейскій вопросъ, какъ вопросъ азербейджанскій, это лишь частность, маленькая подробность нашего государственнаго устройства и придавать ему то прямо сверхъестественное значеніе, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, благодаря усиліямъ еврейской печати, это значитъ бродить впотемкахъ.

Мы не должны позволить себѣ руководиться въ рѣшеніи этого вопроса тупымъ озлобленіемъ и мстительностью къ цѣлому народу за подвиги кроваваго негодяя Лейбы Бронштейна и нѣсколькихъ тысячъ мерзавцевъ-комиссаровъ, мы должны разобратъся въ дѣлѣ спокойно, памятуя только объ одномъ: объ интересахъ Россіи прежде всего и послѣ всего.

Многіе евреи настойчиво признаютъ себя русскими — лишь іудейскаго вѣроисповѣданія. Мы не можемъ со-

гласиться съ этимъ. Другіе народы, какъ казанскіе татары, напримѣръ, вошли въ составъ Россіи вмѣстѣ со своей территоріей, — евреи пришли извнѣ. Это народъ чуждый Россіи и по крови, и по вѣрѣ, и по быту. Это лишь бѣженцы, которыхъ Великая Россія приютила у себя и которые, благодаря стеченію историческихъ обстоятельствъ, загостились въ чужой странѣ. Мы сами были бѣженцами, мы сами просили о приютѣ — пусть и они живутъ у насъ, пусть трудятся, пусть кормятся, но только какъ бѣженцы, какъ гости, а совсѣмъ не какъ коренные и равноправные хозяева страны.

Еврейскій народъ рѣзко раздѣляется на двѣ неравныхъ части: масса, вѣрная своей религіи, завѣтамъ своихъ отцовъ, трезвая, работающая, и верхи, безнаціональные, безрелигіозные, безликіе, безпринципные, всюду чужіе и всюду свои, всѣ эти банкиры, адвокаты, ростовщики, приватъ-доценты, газетчики. Дѣятельность этой численно ничтожной группы еврейства чрезвычайно вредна и Россіи, и всякой странѣ, гдѣ бы только они ни поселились, всюду въ коренномъ населеніи они вызываютъ къ себѣ дикую ненависть, раздражающуюся отъ времени до времени яростными погромами. Раньше мы были увѣрены, что погромы эти работа «царскаго правительства и его агентовъ», но послѣ погромовъ въ республиканской Польшѣ, послѣ возникновенія даже въ либеральнѣйшей Англіи спеціальнаго журнала «*Jewry, Jewry über Alles!*», послѣ бѣшенныхъ погромовъ въ Яффѣ, Іерусалимѣ и Назаретѣ, эти подлая сказки можно уже оставить. Ненависть народная къ нимъ есть вездѣ. Отъ мести народной истинные виновники всегда ускользаютъ — они достаточно ловки, — и за мерзости ихъ приходится передъ темной толпой отвѣчать несчастному сапожнику Янкелю, у котораго куча дѣтей и имущества всего одна грязная перина. Эти приватъ-доценты и газетчики орутъ всюду и вездѣ противъ погромовъ, но главная причина погромовъ это все же они сами, которые ушли отъ своего народа и отъ которыхъ ихъ народъ отвернулся и часто проклиналъ, какъ проклиналъ онъ Лейбу Бронштейна. Они

ушли отъ своихъ и не вошли въ другой народъ и не борются съ ними нельзя, нельзя ихъ не обезвредить.

Я знаю теперь безконечныя тысячи русскихъ, готовыхъ вырѣзать все еврейство. Я былъ противъ и остаюсь противъ всякихъ жестокихъ мѣръ. Виновные должны быть наказаны и на будущее время обезврежены, но невиновные пусть живутъ и трудятся мирно. Но какъ мы въ годы этого нашего бѣженства не пользовались никакими гражданскими правами ни въ родственныхъ намъ Сербіи и Болгаріи, ни въ Германіи, ни въ Австріи, точно также мы не имѣемъ возможности предоставить права гражданъ евреямъ-бѣженцамъ. Они у насъ — иностранные подданные. Они имѣютъ право на нашу гуманность и милосердіе, но никакого права не имѣетъ присяжный повѣренный Розенблюмъ класть мнѣ ноги на столъ, выступать отъ имени Россіи, *) вмѣшиваться въ ея національныя дѣла. Евреи должны быть уравниены въ Россіи въ правахъ съ англичаниномъ, нѣмцемъ, туркомъ, итальянцемъ, финляндцемъ и пр. тѣмъ болѣе, что у нихъ есть теперь своя Палестина, находящаяся къ тому же подъ могущественнымъ покровительствомъ Великобританіи. Это не только не принесетъ ни малѣйшаго ущерба еврейской массѣ, — напротивъ, она вздохнетъ съ величайшимъ облегченіемъ, ибо одно избавленіе отъ воинской службы чего стоитъ!.. А если закричитъ тутъ присяжный повѣренный Діамантенпрахтъ, пусть кричитъ! Громъ не изъ тучи....

Намъ говорятъ, что нельзя переводить въ иностранное подданство никого безъ личнаго волеизъявленія. Право личнаго волеизъявленія въ Россіи прежде всего принадлежитъ Россіи и ея волеизъявленіе заключается въ томъ — болѣе 150,000 жертвъ еврейскихъ погромовъ на югѣ Россіи доказываетъ это достаточно ярко, — что она желаетъ быть русской и не желаетъ, чтобы гости клали ей ноги на столъ: у насъ это болѣе не принято. Насъ пугаютъ иностраннымъ вмѣшательствомъ. Ничего:

*) Какъ это дѣлали въ эмиграціи Гольдштейны, Брейтманы, Гиллерсоны, Коппы, Винаверы, и пр., а въ Россіи Бронштейны, Нахамкесы, Апфельбаумы и пр.

мы будемъ учиться у большевиковъ — они вообще прекрасные учителя, — не обращать вниманія на эти угрозы. Россія велика, ее не укусишь и едва ли пойдетъ на Москву дорогая Антанта для защиты еврейскихъ правъ и преимуществъ въ Россіи. У всѣхъ своихъ хлопотъ полонъ ротъ. Насъ пугаютъ, что безъ международнаго — т. е. въ значительной степени еврейскаго — капитала намъ не возстановить скоро Россіи — ничего, будемъ возстанавливать дольше. Мы достаточно богаты. Только бы во главѣ народнаго хозяйства стали умные люди, а то вывернемся. Но указывать пути Россіи мы иностранцамъ-бѣженцамъ болѣе не дадимъ!..

Собравшіеся въ Парижѣ благодушные интеллигенты, назвавши себя съѣздомъ Національнаго Объединенія, всячески расшаркивались передъ еврействомъ и увѣряли «великія западныя демократіи» въ томъ, что никакой ненависти къ еврейству ни въ русскомъ народѣ, ни въ русской арміи нѣтъ. Мы не скажемъ, что это была завѣдомая ложь, — мы скажемъ, что это былъ *ria fraus*, подлогъ съ благочестивой цѣлью, подлогъ, за который тому же еврейству придется платиться жестоко. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы замолчать, скрыть эту несомнѣнно существующую и въ арміи, и въ самыхъ широкихъ кругахъ націи ненависть, дѣло наше, культурныхъ людей, въ томъ, чтобы не дать этой ненависти проявиться въ звѣриныхъ формахъ, чтобы нежеланіе русскаго народа еврейскаго вмѣшательства въ его дѣла ввести въ какія-то культурныя, законныя рамки, въ томъ, чтобы спасти тысячи и тысячи въ самомъ дѣлѣ ни въ чемъ неповинныхъ Янкелей и Мошекъ, которые, конечно, нисколько не отвѣтственны за преступленія Гольдштейновъ, Либеровъ, Дановъ, Гоцевъ, Бронштейновъ и другихъ нахаловъ и преступниковъ. Но — я боюсь, что все же мы опредѣленно опоздали. Недавно въ одной неглупой компаніи говорили о еврейскомъ вопросѣ. И одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ :

— Господа, да вѣдь всѣ эти проекты теперь болтовня одна! Когда мы съ вами вернемся въ Россію, еврейскій вопросъ будетъ уже рѣшенъ . . .

— Какъ?.. — спросилъ кто-то.

Тотъ только выразительно посмотрѣлъ на спрашивающаго и у меня мурашки пробѣжали по спинѣ: какъ это ни страшно, а кажется, онъ былъ правъ...

Спасти еврейство въ Россіи могло бы только очень сильное русское правительство, но его нѣтъ и скоро не будетъ и какъ разъ преступная дѣятельность всѣхъ этихъ Гольдштейновъ и Діамантенпрахтовъ больше всего и мѣшаетъ установленію такого правительства. Все несчастье только въ томъ, что за эту дѣятельность будутъ жестоко и кроваво расплачиваться не они, — они достаточно ловки, чтобы вернуться, — а мы и несчастная еврейская бѣднота, которой некуда дѣваться...

Этотъ ужасъ, несомнѣнное слѣдствіе, несомнѣнное «завоеваніе» нашей проклятой, безграмотной, подлой революціи... И никакихъ средствъ избавиться отъ него — нѣтъ.

Отстраненіе евреевъ отъ всякаго вмѣшательства въ наши дѣла необходимо и съ русской педагогической точки зрѣнія. Теперь, какъ только мы сдѣлаемъ какую глупость или гадость, мы кричимъ: жидъ виноватъ! Проморгали, напримѣръ, Россію — виноваты, конечно, не мы, а какіе-то идіотскіе сіонскіе мудрецы, числомъ семьдесятъ. Это — малоопрятный трюкъ. А гдѣ же вы были, милые люди? Вѣдь евреевъ-то пять милліоновъ въ Россіи, а насъ 150.000.000. Чего же вы спали?.. А теперь вы хотите за всѣ безлорядки въ вашемъ домѣ сдѣлать отвѣтственными вашихъ гостей... И этотъ поводъ сваливать свою вину на голову чужого дяди надо отнять разъ навсегда, чтобы мы во всѣхъ своихъ глупостяхъ, ошибкахъ и преступленіяхъ пріучались винить себя и въ себѣ искать опору и силы для ихъ исправленія. Что роль еврейства въ нашей смутѣ достаточно гнусна, съ этимъ спорить не приходится, но нельзя сказать, чтобы и мы выглядѣли очень ужъ красиво...

IV.

Безконечные годы мы, интеллигенція, жили въ какомъ-то дьявольскомъ очумѣніи. Мы не видѣли того, что было у насъ подъ глазами, и осязали руками то, чего совсѣмъ не было. Я выросъ какъ разъ въ томъ краѣ, въ которомъ жилъ и фантазировалъ на тему «мужикъ-соціалистъ» извѣстный народникъ Златовратскій, выдававшій намъ свои бредни за непреложную реальность. И мы не вѣрили реальности, но вѣрили бреднямъ. Это было, конечно, не такъ удивительно со стороны интеллигенціи, которая видала мужичка только на «идейныхъ» картинахъ у передвижниковъ да на сценѣ Малаго Театра во «Власти тьмы», но даже я, я, выросшій вмѣстѣ съ златовратскими героями, вѣровалъ непреложно въ ихъ златовратскія добродѣтели! Такова была сила литературно-общественнаго гипноза, сила какой-то особой, интеллигентской одури! . . .

Мы искренно воображали себѣ, что мужикъ . . . тае . . . тае . . . только о томъ и думаетъ, какъ бы устроить жизнь на землѣ по правдѣ да по справедливости, мы въ проклятой общинѣ видѣли зачатки свѣтлаго и святого рая Маруси Спиридоновой, мы были увѣрены, что нечесанный, сопливый, безграмотный, лѣнивый, пьянствующій безпросыпу — до войны мы пропивали вѣдь 2,000,0000 рублей золотомъ ежедневно! . . . — мужикъ нашъ призванъ сказать міру какое-то новое слово . . . На дѣлѣ мужики, слава Богу, оказались совсѣмъ не златовратскими святителями, а парнями совсѣмъ не промахъ. Главною цѣлью мужика въ революціи оказалось прежде всего приумножить, набить свою личную мошну, мужичокъ показалъ себя прежде всего кулачкомъ, который въ пышно-керенской фантазмагоріи увидалъ только новый, до сихъ поръ ему неизвѣстный способъ выгодно эксплуатировать народныя богатства въ своихъ интересахъ. Это, конечно, утѣшительно, ибо если бы мужикъ на самомъ дѣлѣ оказался въ душѣ златовратски-керенскимъ соціалистомъ, Россія была бы промотана и мы погибли бы какъ нація. Онъ оказался хозяиномъ, скопидомомъ и потому Россія жить будетъ, и будетъ жить сыто и твердо.

Революція показала намъ, что мужикъ нашъ — прямо стыдно говорить!.. — крайне невѣжественъ. Онъ не только совершенно не понимаетъ нашихъ газетъ и прокламацій, но часто онъ не понимаетъ даже своихъ собственныхъ нуждъ и бѣдъ. Эта темнота его — исторически вполне объяснимая и потому оправдываемая, — уже обрушила на насъ величайшія бѣдствія, но можетъ обрушить несчастія и еще большія. Презрѣнные болтуны орали, что мы идемъ въ авангардъ народовъ, указывая міру новые пути. Это вздоръ: въ нашей странѣ еще плаваютъ три кита, въ нашей странѣ живетъ еще Анчутка, въ нашей странѣ все еще возможно. Омскій совѣтъ въ прошломъ году назначалъ 2,000,000 рублей награды тому, кто живымъ или мертвымъ доставитъ ему самозванца, который бродилъ тогда по Западной Сибири, выдавая себя за будто бы спасагося Государя. Это говоритъ намъ, что насъ ждутъ еще, можетъ быть, самозванцы. Мы совершенно навѣрное знаемъ, что вырѣзанные за революцію на югѣ Россіи болѣе 100.000 евреевъ только ничтожная часть того колоссальнаго жертвоприношенія, котораго потребуетъ отъ еврейства Анчутка, и зарубежные профессионалы революціи съ нерусскими именами съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличиваютъ эту чудовищную голокосту. Насъ ждутъ, вѣроятно, ужасные погромы интеллигенціи — недаромъ говоритъ уже теперь крестьянство, что царя и Россію предали, въ сущности, «баринишки», недаромъ объявляетъ Махно всю интеллигенцію врагами народа. Вѣдь очень еще недавно истреблялъ народъ докторовъ за отравленіе колодцевъ, — теперь достанется не однимъ докторамъ. Платить за разбитые горшки мы будемъ несомнѣнно: Анчутка богъ страшный и своего не упускаетъ *).

Я полагаю и полагаю, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ у мужика земли было довольно, что не хватало ему не земли, а желанія и умѣнія ее обрабо-

*) Когда эти строки были уже написаны, большевистскія газеты принесли страшное извѣстіе о бунтѣ въ Астрахани, гдѣ темной толпой вырѣзаны всѣ доктора и очень много интеллигенціи вообще.

татъ. Главной виной тутъ была наша треклятая община, съ которой интеллигенція, не выдавъ никогда этой общины и издали, носилась какъ дурень съ писаной торбой. Но теперь такъ или иначе мужикъ землю оттягаль — исторія никогда вѣдь не считается съ доводами разума и строится игрою страстей человѣческихъ, — и я думаю, что земля за нимъ и останется, и не потому, что придетъ какое-то правительство и декретомъ ли, манифестомъ ли землю за мужикомъ закрѣпить, а просто потому, что новыя условія деревенскаго хозяйничанія заставятъ огромное большинство землевладѣльцевъ земли свои продать крестьянамъ. Причинъ невозможности вести теперь хозяйство въ деревнѣ много: первая — всѣ частныя хозяйства болѣе или менѣе основательно разрушены, нѣтъ ни строеній, ни мертваго, ни живого инвентаря и нѣтъ капиталовъ, на которые можно было все это оборудовать съизнова; вторая — современный крестьянинъ, прошедшій пугачевскую академію, никакъ не можетъ быть признанъ психологически-годной рабочей силой въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ; третья — если крестьянство въ массѣ и успокоится и вляжетъ въ рабочій хомутъ свой, — оно только и ждетъ возможности этого, — то элементъ хулиганскій въ деревнѣ все же теперь весьма многочислененъ и господа эти, конечно, за зарядомъ картечи не постоятъ, и потому пребываніе помѣщика въ деревнѣ будетъ просто невозможно по соображеніямъ личной безопасности и онъ охотно, — какъ это было въ районѣ Добровольческой Арміи, — будетъ продавать свои земли и еще охотнѣе крестьяне будутъ покупать ихъ, какъ это тоже было въ добровольческомъ районѣ, гдѣ мужики платили бѣшенныя деньги землемѣрамъ и сманивали ихъ одна деревня у другой, только бы поскорѣе размежеваться и закрѣпить въ собственности свою пріобрѣтенную у помѣщика землю.

Мы въ нашихъ редакціяхъ и кабинетахъ плановали съ землей и такъ, и эдакъ, — и социализація, и Генри Джорджъ, и всякія другія премудрости, — и ничего у насъ не выходило. И умные мужики прекрасно изъ всей нашей болтовни чувствовали, что у насъ ничего не выходитъ.

Меня весьма тянули въ учредилку. Я отказывался, чувствуя, какая это дешевая вещь въ его тогдашнемъ пролетарско - интеллигентско - еврейско - социалистическо - грузинско - бездѣльничьемъ составѣ. Разъ бесѣдовалъ я на эту тему съ однимъ умнымъ мужикомъ.

— Что же вамъ тамъ всѣмъ и квартиры отведутъ, что ли? — спросилъ онъ.

Я удивился: зачѣмъ? Всякій можетъ самъ устроиться.

— Это не мадель... — потрянулъ тотъ головой — Вотъ ты, къ примѣру, человѣкъ семейный, — что же ты такъ и будешь околачиваться съ семьей незнамо гдѣ? Нѣтъ, правительство должно васъ удоблетворить...

— Я не понимаю, Иванъ Терентьичъ, на что это нужно...

— Какъ на что? — сказалъ онъ. — Ну, рѣшить дѣло, быть царю или тамъ республикѣ этой вашей, можно и въ день, думать тутъ больно не о чемъ, ну, а какъ, братецъ ты мой, до земли вы дойдете, такъ и начнется приставленіе. Проспорите лѣтъ пятнадцать, на шашнадцатомъ году подеретесь, — вы хоша и образованные, а тоже иногда любите въ рыло-то заѣхать не хуже нашего, читывалъ я въ газетахъ... — а послѣ драки и скажете: ну, ребята, ничего не подѣлаешь, — давай оставимъ все по старому!.. Тутъ, братъ, дѣло сурьезное, завинчено на совѣсть и выходовъ нѣту никакъ...

Это было очень умно, — въ одномъ только Иванъ Терентьичъ ошибался: выходъ былъ — тотъ, на который указалъ П. А. Столыпинъ, т. е., разрушеніе треклятой общины, хутора, постепенный выкупъ помѣщичьей земли крестьянами. Я видалъ самъ, своими глазами, эти новые, цвѣтушіе хутора, этого новаго, сильного, разумнаго хозяина-мужика, такъ не похожаго на прежнее, пьяное, ко всему равнодушное быдло. Но злая судьба не дала завершить геніальной реформы: война и затѣмъ революція разрушили начатое дѣло, но — злая пронія судьбы! — революція какъ разъ и закончится тѣмъ, противъ чего такъ орали революціонеры: созданиемъ сильного, крѣпкаго мелкаго землевладѣльца...

Какъ-то разъ, во времена гетмана Скоропадскаго шель я съ однимъ поумнѣвшимъ эсъ-эромъ — ихъ несравненно больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ, — по Крещатику, какъ разъ мимо думы. Памятникъ Столыпину былъ, конечно, сломанъ: фигуру затащили куда-то, а знаменитыя слова его: «вамъ нужны великія потрясенія, а намъ нужна Великая Россія», были чѣмъ-то замозаны, но все же прочесть ихъ было можно.

— Ну, что же, милый другъ, какъ вы думаете: скоро мы памятникъ этотъ возстановлять будемъ? — спросилъ я.

— Да, надѣюсь, что ужъ не долго ждать осталось...

— А умный вѣдь человекъ былъ Петръ Аркадьевичъ?

— О, да!.. Онъ умѣлъ слышать голосъ жизни — въ этомъ и заключается геній государственнаго дѣятеля...

Намъ говорятъ, что убытки Россіи отъ уничтоженія помѣщичьяго хозяйства будутъ колоссальны. Да, но новые цвѣтушіе хутора съ успѣхомъ замѣнятъ ихъ. Я видалъ уже на этихъ хуторахъ и американскія пасѣки, и великолѣпно ухоженные сады, и породистый скотъ, и травосѣяніе, и машины. Нѣсколько лѣтъ, конечно, скрипѣть будемъ, а потомъ все наладится. И во всякомъ случаѣ гражданская война слишкомъ дорогое удовольствіе и никакія выгоды отъ помѣщичьяго хозяйства не покроютъ и $\frac{1}{10}$ доли ея стоимости. А главное, просто **не могутъ** помѣщики возстановить своего хозяйства и **не захотятъ** жить подъ постоянной угрозой, тѣмъ болѣе, что Россію, конечно, ожидаетъ богатый расцвѣтъ промышленности, въ которую они могутъ вложить свои капиталы, вырученные за землю, и будутъ получать отъ нихъ доходы, о которыхъ имъ въ ихъ имѣніяхъ и не снилось.

Желаніе мудраго П. А. Столыпина видѣть въ фундаментѣ Россіи довольнаго, крѣпкаго мужика исполнится, и, если раньше Россія была колоссомъ на глиняныхъ ногахъ, теперь она быстро станетъ колоссомъ на гранитѣ, великая, не боящаяся болѣе «великихъ потрясеній»...

Рабочій вопросъ въ нашей земледѣльческой Россіи не имѣетъ такого значенія, какое имѣетъ онъ на промыш-

шленномъ западѣ. До революціи у насъ было едва 3,000,000 рабочихъ, т. е. 1½ % всего населенія, а теперь, за разрушеніемъ промышленности социалистами, значительно меньше, и, разумѣется, въ угоду этой кучкѣ рабочихъ ломать и корезить хозяйство гигантской страны намъ не приходится: не Россія должна подчиниться имъ, но они Россіи. Для того, чтобы рѣшить вопросъ этотъ удовлетворительно, мнѣ кажется, нужно избрать иные методы, чѣмъ тѣ, къ которымъ прибѣгаль до сихъ поръ нашъ «мозгъ націи».

Прежде всего нужно перестать идеализировать рабочаго и боготворить его, какъ это дѣлала интеллигенція до сихъ поръ, а для этого надо отдать просто себѣ отчетъ, откуда, какъ формируется рабочая армія у насъ въ Россіи. У насъ потомственныхъ почетныхъ рабочихъ почти что нѣтъ, у насъ рабочей классъ отсѣивается въ города изъ деревни непрерывно, но въ рѣшетѣ, въ деревнѣ, остается большею частью мука, а на фабрики попадаютъ отруби: «заболтался парень, теперь вонъ въ фабришныя попалъ. А народъ фабришный, извѣстно, какой...» — вотъ какъ думаетъ мужикъ о томъ пролетаріи, котораго мы, неизвѣстно зачѣмъ мороча ему голову нелѣпой лестью, называли пышно Его Величествомъ пролетаріемъ всероссійскимъ. Конечно, иногда гнала людей на фабрики и земельная тѣснота, но далеко не всегда: какъ разъ на моей родинѣ, во Владимірскомъ уѣздѣ, мы были надѣлены землей въ совершенно достаточномъ количествѣ, но дѣдовскія пашни наши заросли частымъ ельничкомъ и березничкомъ, а народъ ударился въ города и на фабрики, на болѣе легкую, какъ ему казалось, работу. Рабочіе въ Россіи это никакъ не цвѣтъ націи, это — уже побѣжденные въ жизненной борьбѣ, которые въ одиночку борются не умѣютъ и дѣйствуютъ только «скопомъ», какъ научили ихъ по книжкамъ заботливые господа. Они придумали средство, какъ этихъ ослабѣвшихъ, темныхъ, пьющихъ, зараженныхъ сифилисомъ людей сдѣлать господами жизни, строителями прекраснаго храма будущаго.

Волшебное средство это называется социализмомъ.

Если мы внимательно присмотримся къ этимъ соціалистическимъ рабочимъ организаціямъ для дѣйствія скопомъ, мы съ удивленіемъ узнаемъ въ нихъ — нашу треклятую деревенскую общину, хотя община придумана россійскою жизнью, а организаціи эти стряпаются по берлинскому рецепту доктора Карла Маркса. Завелся въ деревнѣ толковый, трезвый мужикъ. Онъ хочетъ пустующую усадьбу свою, представляющую изъ себя питомникъ крапивы, засадить садомъ — чрезъ три дня саженцы лежатъ вверхъ корнями: «ишь, сволочь, яблоковъ захотѣль!...»; онъ хочетъ завести хорошую молочную корову — нельзя, кормовъ не хватаетъ, не сѣютъ, скотину гоняютъ на безводную вырубку за 8—10 верстъ, пастухи калѣчатъ скоть; мужикъ понялъ безсмыслицу трехполки — «а, дьяволь, умнѣе всѣхъ быть захотѣль...»; онъ хочетъ использовать пропадающую зря на выгонѣ прекрасную глину, построить маленькій кирпичный заводъ, себѣ заработать кое-что, а всей округѣ дать дешевый кирпичъ: «ишь, чертище, въ купцы захотѣль, — нѣтъ на то нашего согласу! Жили наши отцы и дѣды и безъ кирпича, не глупѣе насъ были!...» И нѣтъ смысла ему беречь послѣдній лѣсокъ — хозяинъ лѣсу міръ, т. е. сборище горлопановъ, и нѣтъ ему смысла навозить свои полосы, — все равно завтра отберутъ, на зло отберутъ, и нѣтъ смысла бороться съ заболочиваніемъ покоса — никто его не поддержитъ. Всѣ его усилія разбиваются о каменную стѣну злопыхательства, невѣжества, лѣни. Работа теряетъ всякій смыслъ, ибо не даетъ никакихъ результатовъ. И одна мечта въ душѣ живетъ у мужика: «какъ, куда бы вырваться ото всей этой сволоты?»

Совершенно точно то же и въ рабочихъ организаціяхъ. Серьезный, толковый рабочій желаетъ выбиться, стать на ноги, купить себѣ за городомъ небольшой домикъ съ садикомъ и огородомъ, завести ребятамъ коровенку, пообчиститься, стать «похожимъ на 'человѣка», — нельзя: сдѣльные работы запрещены, сверхъ-урочныя запрещены, — обязательно иди въ ногу съ митингующимъ дармоѣдомъ, не желающимъ работать. Онъ не желаетъ бастовать — не смѣешь, бастуй! Они желаютъ строить

баррикады, онъ видитъ, что идетъ на гибель, — строй! Они экспроприруютъ заводъ, онъ понимаетъ, что они идиоты, которые разрушаютъ кормящее ихъ дѣло, — врешь, иди вмѣстѣ! Руководятъ всѣмъ горлопаны, шпана, и хорошій работникъ задушенъ. Результаты этой мудрой борьбы «за право свое» описываетъ большевистская «Красная Газета» въ 1921 г. такъ: «рабочіе приходятъ на заводъ, сядутъ къ печкѣ и сидятъ до 10 час. утра, а съ 10 идутъ въ столовую за обѣдомъ. Приходятъ за обѣдомъ со своими котелками, садятся кто куда, кончаютъ обѣдать уже въ 3 часа: пора шабашить. Повернутся и уже въ половинѣ четвертаго берутъ номера и идутъ домой. Вотъ какъ, товарищи, поднимается производительность!...» — восклицаетъ красный писака, даже не понимающій того ужаса, что онъ и ему подобные сдѣлали надъ рабочимъ человѣкомъ. Они думаютъ, что производительность можно поднять жалкими словами — поднять ее можно только свободной конкуренціей, тѣмъ, чтобы дать усердному работнику осязать своими руками результаты своего труда, постояннымъ, хотя бы и медленнымъ, накопленіемъ собственности.

П. А. Столыпинъ, освободившій мужика изъ тисковъ общины, далъ крестьянству законъ 9 ноября, актъ, который я ставлю наравнѣ съ реформой Императора Александра II, освободившей мужика отъ крѣпостной зависимости. Теперь время рабочему получить свое 9 Ноября, разбить цѣпи крѣпостной зависимости отъ шпаны, отъ всѣхъ этихъ горлопановъ, пропойцъ и лежебоковъ. Цѣпи насильственныхъ скоповъ должны быть разбиты государственной властью и желающему работать должна быть обеспечена государствомъ полная возможность работать сколько и какъ онъ только хочетъ. Рабочій такой же человѣкъ какъ и всѣ. Какъ свободно работаетъ крестьянинъ, художникъ, купецъ, артистъ, священникъ, промышленникъ, писатель, и рабочій долженъ въ свободной конкуренціи развивать максимумъ вложенныхъ въ него силъ. Хорошъ былъ бы фабрикантъ, если бы онъ равнялся по прогорѣвшему фабриканту! Хорошъ былъ бы Гетэ, если бы изъ чувства товарищества онъ не желалъ бы опередить простого газетнаго хроникера! Хо-

рошъ былъ бы Бетховенъ, если бы изъ чувства профессиональной солидарности онъ взялъ бы мѣсто барабанщика въ ресторанномъ оркестрѣ! Жизнь идетъ впередъ и совершенствуется только въ свободной и напряженной борьбѣ...

Но этого мало. Я зналъ одну крупную промышленную фирму до революціи, — конечно, теперь она разрушена сознательнымъ пролетаріатомъ, — въ которой честному хорошему рабочему были открыты всѣ возможности. Долго и честно прослужившій на фабрикѣ рабочій въ день своихъ юбилеевъ получалъ обыкновенно вмѣстѣ съ поздравленіями отъ правленія и паи фирмы въ подарокъ и становился такимъ образомъ хозяиномъ дѣла. Одинъ изъ рабочихъ ея сталъ постепенно даже крупнымъ пайщикомъ фирмы и однимъ изъ ея директоровъ. Вотъ тотъ умный путь, по которому должны были пойти всѣ промышленныя предпріятія. Но большинство нашихъ промышленниковъ это тоже люди туполобые, которые не понимаютъ ни своихъ интересовъ, ни интересовъ государственныхъ и думаютъ, что городской это главная ось производства, — пусть въ такихъ случаяхъ вмѣшается государство и заставитъ ихъ закономъ дать ходъ на пользу Родины всему даровитому и трудолюбивому*).

V.

Теперь я долженъ сказать нѣсколько словъ и на модную тему о «демократіи»: этимъ словомъ, какъ волшебнымъ «Сезамъ, Сезамъ, отворись», думаемъ мы до сихъ поръ открыть себѣ доступъ къ сокровищамъ жизни или къ тому, что намъ сокровищами представляется.

Демократія, демократіи, демократію... — прекрасно, но что это такое? Вѣдь единой демократіи ни въ Россіи и ни въ какой другой странѣ прежде всего нѣтъ, ибо вездѣ и всюду демократія **враждебно** разслоена и инте-

*) На торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Парижѣ этимъ лѣтомъ П. П. Рябушинскій выразилъ какъ разъ эти мысли — слава Богу, начинаютъ понимать...

ресы этихъ различныхъ слоевъ ея часто совершенно непримиримы. Крестьянство желаетъ какъ можно дороже получать за свои продукты и какъ можно дешевле платить за нужные ему фабрикаты и потому оно не только противъ всякихъ социалистическихъ опытовъ, но яростно ненавидитъ даже восьмичасовой рабочій день и всюду и вездѣ колетъ глаза рабочимъ упреками въ невѣроятно высокой заработной платѣ, говоря, что «они ограбили хозяевъ», погубили дѣло. Рабочему, напротивъ, нуженъ дешевый хлѣбъ и высокая заработная плата. Интеллигенту важна общая дешевизна жизни, конечно, но важны ему и политическія права, къ которымъ пока что совершенно равнодушно крестьянство у насъ и даже въ значительной степени и рабочія массы, которыя въ Россіи при всей своей «сознательности» мало чѣмъ отличаются отъ крестьянъ.

Кромѣ того, и крестьянство, и рабочіе, и интеллигенція опять-таки совсѣмъ не однородныя, компактныя группы, а и они въ свою очередь очень разнообразно разслоены, и часто эти групповые слои враждебны одинъ другому. Крестьяне по существу своему собственники, монархисты и націоналисты, но есть теперь среди нихъ и довольно значительная группа пугачевцевъ, всѣ эти тысячи развращенныхъ войною, революціей, бездѣльемъ, кровью, преступленіями людей. Есть рабочіе, которые хорошо пропитались прочитанными — хотя и перевранными ими — книжками «Донской Рѣчи», но огромная масса рабочихъ болѣе всего любятъ покой и «трынку», а въ нашемъ владимірскомъ краѣ среди рабочихъ не мало суровыхъ старовѣровъ, искренно преданныхъ своей вѣрѣ и старымъ устоямъ русской жизни. Интеллигенція расколота на цѣлый рядъ взаимно ненавидящихъ другъ друга партій, секцій и подсекцій.

То-есть, другими словами, демократіи, какъ единой и согласно и разумной творящей силы, нѣтъ. А если мы слышимъ съ трибуны или съ газетнаго листа надоѣвшіе всѣмъ вопли и декламацию на тему демократія, то всегда ораторъ или газетчикъ подѣ демократіей, для которой онъ требуетъ какихъ-то особыхъ правъ и преимуществъ, разумѣетъ прежде всего себя и своихъ пріятелей. Но

если намъ немножко смѣшно, что Людовикъ смѣшивалъ государство со своей особой, то еще болѣе смѣшонъ присяжный повѣренный Діамантенпрахтъ, когда онъ думаетъ, что въ волшебномъ словѣ демократія онъ и его интересы сливаются въ одно съ многомилліоннымъ русскимъ крестьянствомъ и его интересами. Конечно, если ему такъ ужъ хочется называться демократіей, «пусть называется», но не надо думать и вѣрить ему, что за нимъ стоитъ какая-то большая сила: за нимъ нѣтъ рѣшительно ничего, что блестяще и доказали большевики, безпрепятственно загнавъ эту демократію за Можай.

Конечно, въ строеніи Русской Земли должно будетъ принять участіе и то, что у насъ называется такъ неопредѣленно и пышно демократіей, но во-первыхъ, не демократія во что бы то ни стало, а только ея здоровая, умѣлая, хозяйственная, національная часть, а во-вторыхъ, не одна демократія, а и демократія. Ибо если смѣшно было назначать министромъ или членомъ законодательной палаты человѣка только за то, что у него отецъ былъ князь, то точно также смѣшно отдавать судьбы государства въ руки человѣку только потому, что у него отецъ — слесарь, только вчера пропившій послѣднія штаны и полѣномъ отвозившій въ пьяномъ видѣ жену. И во всякомъ случаѣ совершенно ясно всякому, что армію долженъ устраивать не писатель Савинковъ, демократъ, а скорѣе графъ Кутузовъ, аристократъ, прогнавшій изъ Москвы французовъ, что министромъ финансовъ долженъ быть не врачъ Шингаревъ, очень симпатичный человѣкъ и демократъ, а кто-то другой, кто занимался раньше финансами, а не касторкой, и занимался плодотворно.

Если дядя Яфимъ не можетъ быть редакторомъ «Русскихъ Вѣдомостей», а тетка Матрена не можетъ управлять Морозовской мануфактурой или казенной палатой, то тѣмъ болѣе не могутъ они безграмотно вертѣть судьбами великой страны, гдѣ тысячи редакцій, тысячи фабрикъ, тысячи сложнѣйшихъ вопросовъ жизни, къ которымъ можно подпустить только людей большого знанія и большого опыта. А избирательный бюллетень «для всѣхъ» и есть неограниченная довѣренность на без-

контрольное управление государствомъ, т. е. тѣмъ, чего я не понимаю. Жалкій предразсудокъ революціоннаго времени, что сапоги шить можетъ только сапожникъ, а государствомъ можетъ управлять всякій, долженъ быть заброшенъ. И глупѣйшая русская поговорка «сто головъ — сто умовъ» должна быть забыта, ибо на страшномъ опытѣ мы узнали, что 150,000,000 темныхъ головъ въ итогѣ даютъ колоссальнѣйшую глупость.

Привлечено къ государственному труду должно быть все, что есть въ націи здороваго, хозяйственнаго, разумнаго, національнаго, отъ свѣтлѣйшаго князя до умнаго рязанскаго мужика, — и въ Государственной Думѣ, и въ земствѣ, и въ Церкви, и въ администраціи, и всюду, — а въ первую голову должны быть отмечены отъ нея тѣ, кто кричатъ намъ въ уши о демократіи, только о демократіи, ибо они интересы демократіи, то есть свои, ставятъ выше интересовъ государства, какъ цѣлаго. Понятно, и автомобиль, и министерская квартира, и хорошенкій окладъ, все это вещи пріятныя — ну, что же, докажите, что вы ихъ стоите, и мы дадимъ вамъ ихъ, не спрашивая о вашей родословной, но **докажите**, а не кричите. Красными словами теперь больше никого уже не обманешь!... Въ этомъ — важнѣйшее завоеваніе революціи...

Мы восторженно орали вездѣ и всюду, что огромныя возможности скрыты въ глубинахъ демократіи и что какъ только рухнуть «препятствія», такъ мы немедленно ослѣпимъ міръ, какимъ-то необыкновеннымъ «творчествомъ». «Препятствія» рухнули и — предъ нами раскрылось такое убожество, такая нищета, что стало страшно даже и самымъ восторженнымъ. Оказалось, что въ тяжкомъ процессѣ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ — факторъ всякаго прогресса, всякаго богатства, — все, что было въ народѣ дѣйствительно цѣннаго какимъ-то таинственнымъ, неуловимымъ путемъ **уже** отсѣялось въ общую сокровищницу націи. Мы всѣ знаемъ, что часто изъ самыхъ глубинъ народныхъ съ великими усилиями поднимались писатели, ученые, энергичные промышленники, инженеры, врачи, іерархи, художники, государственные дѣятели, твердые строители лучшей «жизни для всѣхъ», — я подразумеваю подъ этимъ, конечно,

не рай Маруси Спиридоновой, а того же Морозова, на-примѣръ, который далъ Россіи дешевую и практичную одежду, врача, спасаго тысячи жизней отъ дифтерита или оспы, инженера, построившаго тысячи верстъ нашей когда то дешевой и когда-то хорошей желѣзной дороги и проч. Тяжкій млатъ жизни безъ конца дробилъ хрупкое стекло, чтобы выковать нѣсколько драгоцѣнныхъ булатовъ. Стекло попыталось скопомъ замѣнить собою булаты и — жизнь развалилась.

И народъ смутно почувствовалъ это, а иногда и понималъ. «Идейная» интеллигенція скомпрометтирована въ его глазахъ безповоротно, начиная съ невинной, казалось бы, коопераціи и кончая пышнымъ, планетарнымъ совнаркомомъ. Мои владимірцы уже въ 1918 г. говорили злобно: «камитетъ, камендантъ, камисаръ, капиративъ— все поливай карасиномъ и запаливай со всѣхъ концовъ. Будя, поиграли, сволочи!...» Народъ выйдетъ изъ революціи болѣе хозяйственнымъ и практичнымъ, чѣмъ вошелъ въ нее, и онъ потребуетъ себѣ и интеллигенціи со-отвѣтственной: не эсъ-эровъ, а серьезныхъ врачей, не эсдековъ, а техниковъ, не кадетовъ, а агрономовъ, не толстовцевъ, а хорошихъ учителей въ школы, не «славныхъ постовъ», а дѣла. Слушать прежнія «лала» онъ уже не будетъ — «будя, голова распухла!...»

Въ крайнихъ правыхъ кругахъ теперь начали травить интеллигенцію, возлагая на нее всю отвѣтственность за русскую катастрофу. Съ этимъ надо изъ всѣхъ силъ бороться. Что интеллигенція виновата, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ, но виноваты и ея гонители, слѣпые люди, не понимающіе, что интеллигенція это богатство страны. Наши земельныя богатства колоссальны, но безъ ученыхъ агрономовъ имъ цѣна невелика. Безмѣрны сокровища Урала, Сибири, Кавказа, но мы не достанемъ ихъ безъ помощи инженеровъ. Новой Россіи нужны въ первую голову хорошіе учителя, врачи, писатели, земцы... Безъ интеллигенціи можно не надолго, — до очередного взрыва, — сдѣлать изъ Россіи одну огромную чайную Союзъ Русскаго Народа, но построить безъ нея Великую Россію — невозможно. Тѣмъ изъ нихъ, которые поняли, что невозможное — невозможно, и готовы приняться за

полезную, не заоблачную, какъ прежде, а земную работу для своего народа, почетное мѣсто обеспечено.

Какъ то въ 1918 г. познакомился я съ однимъ чрезвычайно поучительнымъ агрономомъ. Учился онъ, конечно, «чему-нибудь и какъ-нибудь», а получивъ дипломъ и мѣсто въ земствѣ, сталъ, конечно, разводить въ деревнѣ не агрономію, а революцію, какъ и полагалось въ то доброе старое время. И поразило его: вмѣсто того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ обрѣтать въ борьбѣ право свое, наши владимірцы всякій разъ, какъ появлялся онъ въ деревнѣ, чуть что не прятались отъ него въ конопляники. Кончилась его дѣятельность тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день мужики вышибли ему нѣсколько реберъ. И вотъ, лежа въ больницѣ, агрономъ, человекъ, видимо, все же способный думать и понимать, сталъ раздумывать, какъ дошелъ онъ до жизни такой. Врачи отходили его и, поправившись, онъ снова вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей, но уже не эсъ-эра, а агронома. Сталъ онъ работать серьезно и съ нимъ случилось чудо: раньше прятавшійся отъ него мужикъ не только пересталъ отъ него бѣгать, но напротивъ, все больше и больше сталъ ходить къ нему со своими нуждами: какъ и откуда лучше выписать молотилку, не посѣять ли по горямъ клеверку, гоже ли, въ самомъ дѣлѣ, кормить корову свеклой, какъ то рекомендуется въ отрывномъ «численникѣ»? И агрономъ съ переломанными за программу эсъ-эровъ ребрами сталъ понемногу въ деревнѣ человекомъ нужнымъ и даже своимъ...

Вся интеллигенція выйдетъ изъ революціи съ переломанными ребрами — и не только въ чрезвычайкахъ, — но, если захочетъ, она можетъ стать, какъ агрономъ, деревнѣ и нужной, и дѣйствительно полезной: для этого нужно показать мужику теперь дѣло, простое дѣло, рѣшительно безъ всякаго «творчества», ибо отъ «творчества» онъ уже опредѣленно сытъ и въ недалекомъ будущемъ всякихъ «творцовъ» будетъ бить смертнымъ боемъ.

Но весь ужасъ въ томъ, что даже многіе, даже, повидимому, трезвые головы не понимаютъ этого, — примѣръ тому недавно состоявшійся съѣздъ Національнаго Объединенія въ Парижѣ. Въ то время, какъ тамъ, въ голод-

ной, окровавленной Россіи ужасъ жизни дошелъ уже до того, что люди, какъ триста лѣтъ назадъ, стали живьемъ сжигать себя и своихъ близкихъ, тутъ, озаренные багровыми отблесками этихъ огней, въ которыхъ сгорали живые люди, интеллигенты застѣнчиво — потому что стыдно повторять эти трюизмы, — говорили другъ другу и, конечно, «великимъ западнымъ демократіямъ» о томъ, что для спасенія Россіи теперь прежде всего нужна свобода слова, свобода союзовъ, свобода собраній, неприкосновенность личности и почетъ и уваженіе къ правамъ «новообразованій». Въ Россіи гвоздь, сапогъ, лопата, штаны стали рѣдкостью, которую можно видѣть только въ музеѣ, въ Россіи каждая школа превратилась уже въ публичный домъ, гдѣ рожаютъ четырнадцатилѣтнія дѣвочки, въ Россіи неистовствуютъ безчисленные разбойничьи шайки, въ Россіи отъ ужаса сжигаютъ себя живьемъ люди, — оказывается, первое что намъ нужно, это свобода для газетъ... хотя газетъ этихъ не на чемъ печатать!...

Многихъ изъ этихъ парижскихъ шамановъ, старающихся «заговорить» ужасъ свершающагося, я знаю лично, я знаю, что они не думаютъ того, что говорятъ — совершенно правильно подмѣтили наблюдательные люди, что настроеніе въ залѣ тамъ было совсѣмъ не то, которое отразилось въ резолюціяхъ, какъ это было и въ Рейхенхаллѣ. Это они шаманятъ для «великихъ демократій» — они думаютъ этими жалкими словами обмануть ихъ, вызвать снова интервенцію. Но если планъ ихъ удастся и снова организуется новая жалкая попытка поугатъ большевиковъ, то, опираясь на ихъ же резолюціи, «великія демократіи» снова пойдутъ въ Россію подъ тѣми демократическими лозунгами, подъ которыми и благодаря которымъ погибли А. В. Колчакъ, А. И. Деникинъ, Сѣверное «правительство» Чайковскаго, Юденичъ, баронъ П. Н. Врангель. Да сохранить насъ Господь отъ такихъ «демократическихъ» интервенцій!..

Отъ чего сжигаютъ себя заживо тамъ люди, темные, безконечно несчастные люди? Изъ опасеній за автономію Литвы? Изъ страха за участь республики Азербейд-

жанъ? Отъ того, что «Русскія Вѣдомости» закрыты? Нѣтъ, не отъ того, а отъ голода, холода, моровыхъ повѣтрій, отъ ужаса окровавленной и разбитой жизни, отъ глухого и тѣмъ болѣе тяжкаго сознанія паденія человѣческаго, отъ того, что погибло все, чѣмъ раньше жилъ темный человѣкъ. Пашня зарастаетъ волчцемъ и крапивою, ибо нечѣмъ и не зачѣмъ засѣять ее, въ монастырь анадысь пріѣхали изъ города комиссары и надругались надъ святыми мощами, на мѣсто царя стали какіе лохматые разбойники, которые незнамо что дѣлаютъ съ Россіей, въ разбитыя окна жуткими глазами глядитъ голодъ и не во что одѣтъ дѣтей. И нѣтъ никакого просвѣта впереди, и не видать ни откуда спасенія, Господь прогнѣвался, впереди гибель и— жаркимъ полымемъ загорается набитая народомъ изба.. Ужасъ предъ жизнью превозмогъ ужасъ предъ такою смертью!

Спасеніе наше не въ томъ, чтобы понравиться «великимъ демократіямъ» и успокоить г. Пасманика за равноправіе евреевъ въ Россіи, — спасеніе наше въ томъ, чтобы мужественно сказать вслухъ то, что безсонными ночами грызетъ душу, въ томъ, чтобы пойти жизнью не съ «великими демократіями», не съ симпатичнымъ Пасманикомъ, не съ французскими рабочими-соціалистами, а съ своимъ собственнымъ народомъ, темнымъ и несчастнымъ, въ томъ, чтобы прислушаться къ его волѣ, ибо въ концѣ концовъ, какъ ни извивайся, какъ ни вертись, **противъ нея не пойдешь**. Скажутъ: и Махно со своими приспѣшниками тоже народъ. Нѣтъ, махновцевъ и другихъ разбойниковъ немного, не на пугачевцевъ опереться зову я, а на самого обыкновеннаго средняго мужика, самаго обыкновеннаго средняго простолюдина вообще, какихъ въ Россіи 100,000,000. Возьмите съ собою резолюціи парижскаго съѣзда, будто бы, Національнаго Объединенія и поѣзжайте съ ними въ одну изъ такихъ вотъ бунинскихъ, приготовившихся къ самосожженію деревень, соберите вокругъ себя этотъ измученный народъ съ голыми душами и сумасшедшими глазами и скажите: вотъ что мы придумали для твоего спасенія! Прежде всего люди эти просто-на-просто не поймутъ васъ, ибо не знаютъ они Латвіи, ни Азербейджана, далеки имъ «Рус-

скія Вѣдомости», совершенно чуждъ добрый Пасманикъ, а если вы спросите ихъ прямо: чего бы они теперь хотѣли, они съ большими затрудненіями, — не привычны говорить они, — косноязычно, пожалуй, изложатъ свою программу вамъ такъ:

— Желательно намъ, чтобы не гнали насъ больше на убой одни противъ другихъ, чтобы не отнимали у насъ для солдатъ послѣдней коровенки, чтобы окоротили каторжниковъ и не давали имъ безобразничать надъ иконами и мощами, чтобы купцу дали торговать, какъ хочетъ, потому что безъ него ни фика не достанешь, чтобы поставили скорѣе габернатура построже, потому отъ разбойниковъ житья не стало. Ну, и знамо дѣло, хозяина надъ землей ставить надо — потому безъ хозяина домъ сирота. И какого построже, подѣльнѣе надо выбирать, чтобы всѣхъ поставилъ разомъ на свое мѣсто...

Вотъ что скажетъ рядовой россійскій гражданинъ, босой, въ заплатанной рубахѣ и порткахъ, съ вшивой головой, ибо мыла давно уже нѣтъ, и съ дикою жутью въ глазахъ.

Недавно въ социалистической газеткѣ «Воля Керенскаго и К-о», которая называется почему-то «Волей Росіи», милые люди эти обронули замѣчательнѣйшія слова: «товарищи, изъ Россіи идутъ страшныя вѣсти: рабочіе требуютъ возстановленія частной собственности!..» Ничто этимъ буквоѣдамъ такъ ни страшно, какъ разрушающій ихъ безсмысленныя книжныя мечтанія голосъ подлинной жизни: они хотятъ социализаціи, а рабочіе требуютъ хозяина-фабриканта, ибо сытъ рабочій ихъ «опытами»! Вѣдь, имъ-то въ ихъ кабинетахъ и редакціяхъ «не дуется», а терпѣть приходится ему да его ребятамъ, а они живые люди, имъ больно... Онъ кричитъ, а имъ — «страшно»... Отсюда же и жгучая ненависть г. Горькаго къ крестьянству: мужикъ не хочетъ, каналья, слушаться г. Горькаго, онъ смѣетъ, мерзавецъ, думать по своему!..

Совершенно точно также страшно стало бы и парижскимъ печальникамъ, если бы въ ихъ собраніе явился настоящій орловскій или полтавскій или костромской

мужикъ. Но страшно было бы тутъ не то, что сказалъ бы этотъ мужикъ,—онъ сказалъ бы вещи совсѣмъ не страшныя и разумныя, — а то, что отъ такихъ вещей заботливымъ господамъ дѣлается «страшно». И дѣйствительно, жуткая это вещь, эта отъединенность отъ своего народа, отъ условій времени и мѣста, эта угодливость предъ какими-то совершенно намъ чужими и ненужными демократіями въ ущербъ тѣмъ, кто строилъ и держалъ нашу Россію вотъ уже тысячу лѣтъ...

Господа, опомнитесь, ради всего святого!..

И в. Н а ж и в и н ъ.

На столахъ.

Это было въ Новороссійскѣ. Добровольческая Армія доживала свои послѣдніе дни. Городъ былъ переполненъ бѣженцами почти со всей Россіи. Люди жили въ вагонахъ, въ подвалахъ, на пристаняхъ, на бульварахъ, на подоконникахъ. Мнѣ судьба улыбнулась: я жилъ на столѣ въ огромной конторѣ одного большого торговаго предпріятія. Кромѣ меня въ конторѣ ночевало и еще нѣсколько человѣкъ: одна почтенная учительница, нѣсколько конторщиковъ, два кооператора-крестьянина, мальчикъ-армянинъ, Карапетъ, страстный ненавистникъ большевиковъ, и газетчикъ эсъ-эрь, который всѣмъ надоѣдалъ нестерпимо. Днемъ мы должны были всѣ уходить, чтобы не мѣшать занятіямъ, а къ вечеру всѣ снова размѣщались по своимъ столамъ, пили чай, разговаривали и, наконецъ, засыпали и мерзли всю ночь нестерпимо: топлива не было.

На сосѣднемъ со мною столѣ жилъ какой-то странный субъектъ, лѣтъ сорока съ небольшимъ, невысокаго роста, коренастый, съ простымъ, но умнымъ и пріятнымъ лицомъ, одѣтый всегда въ короткій вонючій полушубокъ. Скоро мы познакомились. Это былъ бывшій бухгалтеръ одного очень крупнаго сахарнаго завода, человѣкъ, много на своемъ вѣку видѣвшій, выбившійся изъ крестьянъ и очень неглупый.

Онъ узналъ изъ разговора, что я писатель, и послѣ нѣкотораго молчанія, вздохнувъ, тихонько въ сѣрыхъ холодныхъ сумеркахъ проговорилъ:

— Да, братья - писатели, надѣлали вы дѣловъ, нечего сказать!...

— Ну, не мы же одни. Всѣ... — сказалъ я.

— Конечно, всѣ... Но только виноватѣе всѣхъ все же вы... Возьмите меня, на примѣръ, — что я такое? Прежде всего, я жертва прессы...

— Это какъ? — удивился я.

— А такъ... — снова тихонько вздохнулъ онъ. — Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, что пробивался я въ жизнь своими силами. И такъ какъ работы я не боюсь, работать умѣю — не социалистъ!... — и головой Господь словно не обидѣлъ, и сталъ я потихоньку становиться на ноги. Предъ войной у меня была уже хорошенькая квартирка недалеко отъ Скорбященскаго монастыря, сынъ въ университетѣ былъ, дочь на курсахъ. И оба вышли эдакіе работники — насчетъ этихъ завиральныхъ идей ничего ни у того, ни у другого... Отработаешь свое, придешь домой, — пообѣдаешь, прогуляешься, считаешь, все честь-честью. А въ праздникъ въ театръ тамъ или пріятели соберутся: и винца хорошенькаго выпьемъ, и закусимъ по совѣсти, все, какъ слѣдуетъ. Да, да: и мадерки попили, и сырку со слезой или ветчинки отъ Елисеѣва, всего было. Жили слава Тебѣ Господи!.. И надо сказать вамъ, что газетъ я какъ - то въ молодости не любилъ. Ну, а какъ пошелъ я потихоньку вверхъ, сталъ бывать больше на людяхъ, оказалось, что безъ газетъ дѣло тоже не рука: люди говорятъ о томъ, о семъ, а ты сиди да помалкивай. Вижу, дѣло не складно. И сталъ я газеты почитывать. Дальше-больше и до того я къ этому бездѣлью пристрастился, что и сказать вамъ не могу: ѣдешь, бывало, на службу, такъ у Сухаревой газетчикъ знакомый такъ сразу мнѣ цѣлую пачку и суетъ, заранѣе заготовилъ: и „Русскія Вѣдомости“, и „Новости Дня“, и „Русское Слово“, и еще тамъ всякія, — одной ужъ не хватало!

И чѣмъ дальше, тѣмъ все больше пропитывался я этимъ самымъ газетнымъ ядомъ — вродѣ, какъ алкоголикъ . . . И вотъ потихоньку и полегоньку, изо дня въ день, убѣдили меня газеты, что самая на свѣтѣ паскудная страна это наша Россія, а самый несчастный человѣкъ въ ней — я. И все постепенно опротивѣло мнѣ. Раньше, бывало, вырвешься лѣтомъ въ отпускъ, — сейчасъ на Волгу, прокатиться до Астрахани, или на Валаамъ тамъ, помолиться, въ Кіевъ. Что тогда это стоило — гроши! . . . А удобства то! За какіе-нибудь двадцать цѣлковыхъ отдѣльная каюта второго класса до самой Астрахани, за цѣлковый обѣдъ изъ четырехъ блюдъ: и соляночка съ осетриной, и жаркое, и компотъ тамъ, и кофій . . . А то сойдешься съ какимъ, и водочки холодненькой съ икоркой, съ калачикомъ полбутылочки раздавишь . . . А теперь, какъ отравился я этими самыми газетами, ничего стало мнѣ не мило: Россія самая послѣдняя страна, страмота одна, а я — несчастнѣйшій человѣкъ. Д-да-съ . . . И ежели прибѣжить какой студентъ на нелегальный Красный Крестъ тамъ — пожалуйста, со всѣмъ нашимъ усердіемъ . . . Запрещенныя книжки сталъ добывать и раздавать другимъ. Соберемся вмѣстѣ — первое удовольствіе правительство ругать да страмить. И вотъ, достукались — все полетѣло вверхъ тормашками и попалъ я изъ своей хорошенькой квартирки вотъ на этотъ самый столъ. И это бы еще бѣда не большая: по дѣламъ дуракамъ и мука! Да вотъ пришлось платить и другимъ, ни въ чемъ неповиннымъ ребятамъ. Какъ началось все это наше похабство да безобразіе, ребята мои — души-то у нихъ какимъ-то чудомъ оказались не вывихнутыми, не отравленными, — ни слова ни говоря, къ добровольцамъ: Гриша — офицеромъ, а Саня, дочка, сестрой. Такъ съ Корниловымъ въ степи и ушли на страданіе, на муку за насъ, дураковъ . . . И вотъ . . . — голосъ его пересѣкся и сталъ глуше, — дѣло кончилось тѣмъ, что . . . что . . . случайный, дурашный снарядъ разомъ выбилъ изъ жизни обоихъ: Саню оглушило и она упала безъ памяти и . . . обѣ руки себѣ отморозила . . . пришлось отнять

... обѣ ... а Гришу тяжело въ голову ранило ... Отходить-то его, отходили, ну, а человѣкъ ужъ конченный: не въ себѣ ... сумасшедшій ... такъ и сидитъ теперь въ больницѣ ... Старуха съ горя померла, а я вотъ съ вами живу на столѣ въ нетопленномъ сараѣ, во вшахъ и въ блохахъ ... И кто знаетъ, можетъ, завтра, тифъ и потащутъ въ больницу, а оттуда за ноги въ мертвецкую ... И все это дѣло вашихъ рукъ — вы убѣдили меня, что я несчастный человѣкъ, вы научили насъ не любить, не беречь нашу Россію, а ненавидѣть и презирать ее ... Надо, конечно, говорить по совѣсти: не все ладно было у насъ, это вѣрно, ну, все же за дѣло братья надо было съ умомъ, осторожно, а не зажигать свой домъ только потому, что въ одной комнатѣ обои нѣсколько загрязнились или, скажемъ, завелся на кухнѣ тараканъ. Таракана-то надо было вывести, а Россію-то беречь пуще глаза: вѣдь, теперь-то, когда уже поздно, всѣ мы узнали, что совсѣмъ въ ней не такъ плохо и было, какъ насъ, дураковъ, газеты ваши увѣряли .. Эхма, вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ помрешь ... Ну, мы-то такъ еще, а вотъ молодежь-то, невинные - то, за что такъ страдаютъ? За наши грѣхи ... Да, бить надо всѣхъ, но — начинать съ писателей ...

— Да вѣдь и бьютъ уже ... — тихонько сказалъ я. — И намъ отъ жизни досталось ...

— Понимаю. И вы, конечно, не всегда на чужомъ столѣ жили ... — сказалъ онъ. — Но насъ съ вами по грѣхамъ, а вотъ Саня-то ... съ отрѣзанными руками какъ же ? .. А Гриша? ...

Я молчалъ. Въ комнатѣ было сыро и холодно. Въ запыленные окна тупо смотрѣли зимнія сумерки. Гдѣ-то на окраинахъ грохали безсмысленные выстрѣлы. И — не было никакого просвѣта впереди ... Жизнь словно кончилась совсѣмъ, прежняя, человѣческая жизнь.

— Только одно скажу ... — тихонько продолжалъ мой сосѣдъ вдумчиво, сосредоточенно. — Ежели Господь жжалится надъ Россіей и пошлетъ ей человѣка, который снова поставитъ все на ноги, то ...

то . . . горло перегрызу своими зубами теперь всякому сукину сыну, который противъ Россіи слово дурное сказать посмѣеть! Вотъ читываль я въ старину, какъ еще по-человѣчьи жилъ, что царь Николай I говариваль, что онъ спитъ спокойно, потому у него сорокъ тысячъ жандармовъ стоитъ по деревнямъ, — помѣщиковъ онъ, будто, такъ называль. Ну, а когда придетъ теперь царь, у этого будетъ ужъ не сорокъ тысячъ жандармовъ, а сто пятьдесятъ милліоновъ: день и ночь караулить будемъ, вѣтерку на него дыхнуть не дадимъ, вотъ какъ! . . . Господи, только сжался надъ нами, только избави насъ отъ этой муки поскорѣе.. И не думайте, что опять пружинной, чистой кровати захотѣлось, каюты на волжскомъ пароходѣ, икорки зернистой съ калачикомъ, что изъ-за этого душа на дыбы подымается — это наплевать, прямо скажу, а не терпитъ душа, что насъ, дураковъ, такъ обманули, что надъ нами такъ насмѣялись, что затоптали насъ въ грязь, что Гришу и Саню на муку вѣчную обрекли. Ни икры, ни кровати пружинной, ничего мнѣ не надо — ты только дай мнѣ хоть до того же Керенскаго добраться, только добраться до него дай, а тамъ ужъ я . . .

Онъ скрипнулъ зубами и его блѣдное въ сумракѣ лицо исказилось въ нѣмомъ бѣшенствѣ.

— Не увидимъ мы спасенія Россіи, не увидимъ — погибель наша вотъ она . . . — тихонько продолжалъ онъ. — Ну, а если бы Господь привелъ дожить Какъ вотъ подумаю я безсонной ночью — въ холодѣ-то не спится, — обо всемъ этомъ, и представится мнѣ наша Москва, не теперешняя, опоганенная, а настоящая, русская . . . И вотъ видится день солнечный, и ревутъ всѣ ея колокола, и залиты улицы народомъ, а отъ Триумфальныхъ воротъ, изъ Петровскаго парка, на бѣломъ конѣ ѣдетъ онъ . . . — вѣрите ли, виски вотъ ужъ сѣдые, а я реву какъ мальчишка отъ радости, отъ счастья! . . . И только бы дожить, только бы своими глазами увидеть былую силу Россіи, былую славу ея, бывшее богатство ея . . .

Гдѣ-то совсѣмъ близко вдругъ затрещали винтовки, послышался дикій крикъ, топоть грубыхъ сапоговъ . . .

Всѣ затихли, прислушиваясь.

— Грабятъ, должно, кого-то . . . — замѣтилъ одинъ изъ ночлежниковъ.

— Не закрыть ли ставни? . . . — опасно посоветовалъ кто-то въ темнотѣ.

— Ну, чего тамъ . . . — равнодушно отозвался другой. — Ставни, братъ, теперь не спасутъ . . .

И снова всѣ тоскливо замолчали. Было холодно. Тяжело пахло дешевымъ табакомъ. За дверью возился молоденькій Карпетъ съ самоваромъ, который упорно не закипалъ: углей не было . . .

М. Булановскій.

Письмо въ редакцію „Дѣтинца“*)

Милостивый Государь, г. редакторъ, —

Я — убѣжденный монархистъ и именно это обстоятельство и понуждаетъ меня обратиться къ Вамъ съ этимъ письмомъ: глубокой тревогой полна душа моя. Я боюсь, что много ошибокъ уже сдѣлано и дѣлается монархистами, ошибокъ роковыхъ, можетъ быть, непоправимыхъ... И мнѣ хотѣлось бы поднять мой скромный, предостерегающій голосъ, — можетъ быть, Вы дадите мнѣ немного мѣста въ Вашемъ сборникѣ, чтобы подѣлиться моими сомнѣніями съ Вашими читателями...

Заслуга Рейхенхалля передъ Россіей огромна, — за пять лѣтъ нашей смуты тамъ впервые было громко сказано, что спасеніе великой Россіи не въ «завоеваніяхъ революціи,» а въ возстановленіи Монархіи. Но, отдавая должное Рейхенхаллю, преклоняясь предъ его мужественнымъ патріотическимъ выступленіемъ, мы не долж-

*) Редакція мыслить свои «Сборники», какъ свободную трибуну для всѣхъ теченій Монархической и Національной мысли. Съ особой охотой удѣляемъ мы мѣсто предлагаемому письму, потому что оно касается, дѣйствительно, важныхъ и большихъ вопросовъ Монархическаго и Національнаго дѣла, вопросовъ замалчивать которые — въ этомъ мы вполне согласны съ почтеннымъ авторомъ — было бы преступленіемъ предъ Родиной.

Ред.

ны закрывать глаза на тѣ большія ошибки, которыя тамъ были сдѣланы — напротивъ, чѣмъ выше въ нашихъ глазахъ дѣло Рейхенхалля, тѣмъ болѣе обязываетъ это насъ къ безпристрастному, даже строгому отношенію къ этому дѣлу.

Первая, основная ошибка Рейхенхалля была въ самой организаціи съѣзда: монархическая Россія была представлена тамъ очень не полно, очень узко. Монархія нужна въ Россіи не одной знати, не одной гвардіи, не однимъ лэндлордамъ и сановникамъ, — она нужна всей Россіи, и возстановить ее можно только силами всей Россіи. Тотъ общественный фундаментъ, который подводили подъ монархію въ Рейхенхаллѣ, слишкомъ тонокъ, слишкомъ непроченъ, ибо только та монархія, только та Россія будетъ сильна и долговѣчна, которая станетъ на гранитномъ основаніи крестьянства. А тутъ не только совершенно не было крестьянства, но очень слабо представлены были и лѣвыя теченія монархической мысли: много монархистовъ опредѣленно испугались именъ, ставшихъ во главѣ движенія, и на съѣздъ не явились.

Этотъ основной недостатокъ въ организаціи съѣзда неизбежно повлекъ за собой и другіе недостатки, отразившись на всей работѣ его, на всѣхъ принятыхъ имъ рѣшеніяхъ, какъ идеологическаго порядка, такъ и чисто тактическихъ, и отбросилъ свою тѣнь на всю послѣдующую работу впервые въ Рейхенхаллѣ сьорганизовавшихся монархическихъ силъ. Будь монархисты представлены въ Рейхенхаллѣ полнѣе, совершенно несомнѣнно, романтическихъ нотокъ тамъ было бы слышно менѣе, но усилились бы теченія жизненныя, практическія, «ближе къ дѣлу,» не было бы этихъ постоянныхъ — и совершенно бесплодныхъ — усилій во что бы то ни стало реабилитировать наше ближайшее прошлое и его дѣятелей и героевъ, не было бы этихъ постоянныхъ срывовъ отъ черной повседневной работы въ области пышныхъ идеологическихъ построеній. Говоря коротко, въ Рейхенхаллѣ было взято невѣрное направленіе и это отражается на всей работѣ монархистовъ и теперь еще.

Въ самомъ дѣлѣ, войти теперь въ любое собраніе монархистовъ — что услышите вы тамъ? Вы услышите

прежде всего безконечныя посрамленія революціи — дѣло совершенно безплодное, ибо посрамить революцію болѣе, чѣмъ это сдѣлали революціонеры, совершенно невозможно; вы услышите восхваленія старой монархіи за послѣдніе годы — дѣло не менѣе безплодное, потому что всѣ мы слишкомъ хорошо помнимъ это ужасное, безотрадное, безвыходно-трагическое время, эти роковыя и тяжкія ошибки и грѣхи старой монархіи, которые привели ее къ гибели, а насъ всѣхъ въ изгнаніе и въ Рейхенхалль; вы услышите горячія идеологическія воспаренія въ облака — дѣло совершенно излишнее, ибо слишкомъ много предъ нами черной работы, работы, которая не ждетъ, чтобы мы могли позволить себѣ роскошь вышиванія этихъ узоровъ монархической мысли. Мы очень охотно смѣемся надъ революціей, потонувшей въ морѣ словъ, но мы усердно подражаемъ ей и топимъ живое и неотложное дѣло въ безконечныхъ разливахъ краснорѣчія. Но самое замѣчательное во всѣхъ этихъ монархическихъ собраніяхъ это не то, о чемъ тамъ говорятъ, но то о чемъ тамъ молчатъ, о чемъ тамъ рѣшаются говорить лишь пугливо на ушко, да и то не всегда, точно боясь, что всѣ эти секреты полишинеля станутъ достояніемъ непосвященныхъ, улицы... которая давнымъ давно говоритъ объ этомъ совершенно открыто!

Самая большая бѣда монархистовъ, которую они особенно стараются скрыть, это фактъ, что у Россіи нѣтъ закона царя.

Смѣшно сказать, но, стоя твердо на буквѣ закона, легитимисты тѣмъ не менѣе съумѣли разбиться на цѣлый рядъ маленькихъ котерій, которыя упорствуютъ каждая на своемъ кандидатѣ, котораго другія котеріи яростно отвергаютъ.

Но и этого мало: даже тѣ, которые твердо вѣрують въ законность правъ своего кандидата, и тѣ въ ужасѣ шепчуть: «ну, хорошо... А вдругъ явится Государь или Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ, — вѣдь недаромъ же такъ упорно говорятъ, что они живы?... Что тогда будемъ дѣлать? Вѣдь въ этомъ случаѣ предъ нами снова открывается ужасающая смута, уже монархическая...»

Выходъ изъ всей этой легитимистской путаницы, казалось бы, совершенно простъ: повтореніе 1613 г., т. е. свободный выборъ Монарха. Но, несмотря на то, что опытъ такой уже имѣлъ мѣсто въ Русской исторіи, несмотря на то, что онъ далъ прекраснѣйшіе результаты, монархисты боятся его и упорно лѣзутъ на стѣну невозможности. Вѣдь только такой Монархъ, Монархъ Божьею милостью и волею народною, — какъ Михаилъ Федоровичъ, — можетъ избавить насъ отъ всякихъ претендентовъ, отъ всякихъ *revenants*, отъ всякихъ Пугачевыхъ. И не правительствующимъ Сенатомъ указанный, какъ говорилось въ Рейхенхаллѣ, а именно только всѣмъ народомъ свободно избранный и Богомъ вѣнчанный царь сможетъ бороться съ этими призраками, которые неизбежно встанутъ изъ близкаго прошлаго нашего.

Легитимисты, не стѣсняясь прибѣгать даже къ мало-симпатичной демагогіи, иронизируютъ: «что же это будетъ за царь, котораго мы «выберемъ» изъ своихъ знакомыхъ? Въ лучшемъ случаѣ это будетъ какой-то всероссійскій староста...»

Я не знаю, умышленно или неумышленно затемняется тутъ національное дѣло. Легитимизмъ, законъ долженъ непременно указывать на какое-нибудь одно, вполне опредѣленное лицо. А что, если это лицо явно непригодно для великаго и тяжкаго дѣла спасенія Россіи? Что, если это лицо или малолѣтній ребенокъ, или чело-вѣкъ очень ограниченный, или чело-вѣкъ явно опороченный? Что же тутъ должны мы, ради вѣрности отвлеченному принципу, завѣдомо идти на новое преступленіе противъ несчастной Россіи? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Это значило бы великое и святое національное дѣло превратить въ сомнительную авантюру, отъ которой отшатнутся безконечныя тысячи честныхъ монархистовъ и націоналистовъ!

Но отсюда до выбора, «знакомаго», конечно, огромный путь: отвергая легитимное лицо, — тѣмъ болѣе, что совершенно безспорныхъ съ точки зрѣнія закона кандидатовъ и нѣтъ, — мы всѣ можемъ согласиться на выборъ Монарха изъ легитимной династіи, какъ это сдѣлали наши прадѣды въ 1613 г., избравъ Россіи

царя изъ родственниковъ послѣдняго безусловно законнаго царя. Можемъ ли мы ихъ упрекнуть за это? Явился ли вслѣдствіе этого Михаилъ Ѳеодоровичъ «старостой» изъ «знакомыхъ»? «Легитимисты» зовутъ насъ отречься отъ родной исторіи, — мы не пойдёмъ за ними!

Противъ этого избранія царя возражаютъ: какъ вы теперь организуете эти выборы? Разумѣется, дѣло это очень трудное и скоро онъ не сдѣлается, но тѣмъ не менѣе все же это единственный выходъ для Россіи при создавшихся обстоятельствахъ. Правда, кучка легитимистовъ въ Берлинѣ можетъ скорѣе выбрать себѣ царя, но очень, очень большой вопросъ, приметъ ли такое «избраніе» Великая Россія, — хотя бы потому одному, что на эти «выборы» ихъ рѣшительно никто не уполномочивалъ. Я подчеркиваю это слово выборы, ибо идетъ борьба, ибо они, дѣйствительно, выбираютъ: безусловно законнаго царя у нихъ — нѣтъ.

Но это не одна бѣда наша, эта лишь главная. Есть и другія...

До сихъ поръ монархическое движеніе, сбитое съ русла смутой, шло одной широкой мутной рѣвкой, но наступаетъ все ближе и ближе моментъ его неизбежнаго расслоенія. Главныя его теченія — увы, старыя! — намѣчаются уже теперь:

1. — парламентарное, «какъ въ Англии», — группа незначительная теперь и не только не имѣющая никакихъ корней въ толщахъ народныхъ, но, напротивъ, рискующая встрѣтить тамъ очень враждебное отношеніе къ себѣ. Въ странѣ безграмотныхъ мужиковъ мечтать объ англійскихъ порядкахъ это значитъ прежде всего ничего не понять и ничему не научиться.

2. — Жизненнѣе, а потому и сильнѣе, группа умѣренныхъ конституціоналистовъ, за которыми пойдутъ наиболѣе культурные круги крестьянъ, буржуазіи и рабочихъ и вся протрезвѣвшая отъ революціоннаго угара интеллигенція, и которые должны теперь же готовиться къ жертовному подвигу раздѣлить съ избраннымъ царемъ всѣ прямо нечеловѣческія тяготы возстановленія раззорен-

ной Россіи; именно этой группѣ придется грудью защищать Монархію отъ натиска темной вражьей силы.

3. — Наконецъ, идетъ немногочисленная, но чрезвычайно для Россіи и монархіи опасная группа сторонниковъ абсолютной монархіи. У нея будетъ очень сильный союзникъ въ лицѣ темныхъ массъ. Опираясь на эти массы, на эти милліоны раздраженныхъ, измученныхъ людей, эта группа легко можетъ использовать въ свою пользу моментъ острой и совершенно неминуемой реакціи и захватить власть, но это будетъ лишь новымъ тяжелымъ потрясеніемъ Россіи, потрясеніемъ совершенно безплоднымъ, такъ какъ не только «творческихъ», но даже просто рабчихъ силъ ни у этой группы, ни у темныхъ массъ, конечно, нѣтъ и у власти ей поэтому не удержаться, но окровавить всю Россію еще разъ, разорить ее еще болѣе они, конечно, могутъ, и потому они чрезвычайно опасны.

Таковы три основныхъ теченія въ монархической эмиграціи. Къ сожалѣнію, среди нихъ не представлено еще одно, — можетъ быть, главнѣйшее: к р е с т ь я н с к о монархическое, важнѣйшее потому, что только опираясь на крестьянство, можетъ установиться въ Россіи монархія прочно, какъ это было прекрасно понято П. А. Столыпинымъ. Недавно въ одной изъ «русскихъ» газетъ Берлина были помѣщены статьи К. П. Крамаржа, въ которыхъ онъ между прочимъ выражалъ удивленіе по поводу того, что, несмотря на страшный разгромъ Россіи, говорящей прежде всего о какой-то громадной ошибкѣ въ идеологіи ея старыхъ политическихъ партій, эти старыя партіи продолжаютъ до сихъ поръ сохранять и свои прежнія программы и даже свои прежнія названія, хотя совершенно очевидно, что въ новой обстановкѣ и программы должны быть совершенно новыя, да и старыя названія всѣ безнадежно скомпрометтированы. Къ сожалѣнію, эту, казалось бы, совершенно простую и для всѣхъ, казалось бы, очевидную истину понимаютъ только очень немногіе, а между тѣмъ понять ее и провести въ жизнь — очередная задача для всѣхъ партій и въ томъ числѣ и для монархистовъ всѣхъ направленій. И имъ необходимо пересмотрѣть свои положенія и программы основательно, введя въ нихъ тѣ новыя данныя, которыя властно вы-

двинуты жизнью за послѣдніе годы и отъ которыхъ ни отмолчаться, ни отговориться пустяками нельзя. Безъ мужика новой монархіи не построить, это совершенно безспорно. Но мужикъ бываетъ разный: есть мужикъ, который вырѣзываетъ своихъ докторовъ и агрономовъ, и есть мужикъ, который дѣлать этого не будетъ, который понимаетъ, что не пугачевскимъ ножомъ надо строить новую Россію. Мы можемъ равняться и по мужику-погромщику, по мужику-махновцу, но это демагогія и неизбежный провалъ въ концѣ концовъ, но можемъ мы работать и съ тѣмъ мужикомъ, который родился въ Россіи за послѣдніе 30—40 лѣтъ и который является силой культурной, національной и весьма хозяйственной, силой, которую онъ теперь, послѣ «опыта», уже не отдастъ ни Керенскимъ, ни Чхеидзе, ни ихъ бабушкамъ и дѣдушкамъ. Не включить этой новой силы уже нельзя, невозможно, — это и есть подлинное завоеваніе демократіи — но нельзя ее и включить чисто механически и формально. Включить ее можно только путемъ уступокъ, путемъ равенія по равнодѣйствующей. Включая ее, нельзя, напримѣръ, никакъ обойти проклятаго земельного вопроса въ Россіи. Я думалъ и думаю, что просто отмахнуться отъ рѣшенія земельного вопроса нельзя, что что-то тутъ надо сдѣлать и что-то серьезное. Съ другой стороны возьмите резолюціи Рейхенхалля по національному вопросу: совершенно ясно, что подлинныхъ настроеній съѣзда они не отразили, что продиктованы или, во всякомъ случаѣ, скорректированы онѣ были боязнью, что скажетъ бабушка русской революціи. Крестьянство, на своемъ горбу испробовавшее евреевъ-комиссаровъ, крестьянство, узнавшее штыки латышей и китайцевъ, крестьянство, которое было спугнуто съ своихъ насиженныхъ мѣстъ какиминибудь паршивыми киргизами или сартами—соціалисты называютъ это «деколонизаціей» — крестьянство, видѣвшее подвиги всякихъ азербейджанцевъ, литовцевъ, поляковъ и проч., едва ли теперь будетъ склонно къ маниловщинѣ въ національномъ вопросѣ и въ рѣшенія того же Рейхенхалля, конечно, внесетъ теперь весьма суровыя поправки. И вотъ разработка этихъ новыхъ основаній для монархической партіи, это включеніе въ нее новыхъ силъ,

это подведение подъ нея широкаго, гранитнаго основанія есть очередная практическая задача, разрѣшенія которой властно требуетъ моментъ.

Входъ въ Россію можетъ открыться для насъ каждую минуту — мы не смѣемъ войти туда съ нашими неоконченными спорами, т. е. съ пустыми руками. Если судьба отнеслась къ намъ благосклонно, если она дала намъ возможность ѣсть каждый день, не слышать латышско-китайскихъ залповъ, разстрѣливающихся національную Россію въ совѣтскомъ раю, то мы нравственно обязаны за это привилегированное положеніе наше отплатить и все наше время, всѣ наши силы направить не на воскуреніе ненужныхъ ѳиміамовъ прошлому — о, далеко не все было тамъ достойно ѳиміама! — не на пареніе въ облакахъ героическо-патріотической идеологіи, не на добиваніе уже издыхающей революціи, а на практическое рѣшеніе практическихъ задачъ момента. Огромное большинство монархистовъ согласны, на примѣръ, въ томъ, что земельный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ интересахъ одновременно и крестьянства, и землевладѣльцевъ, и государства, сама жизнь и само крестьянство подсказываетъ намъ рѣшеніе этого проклятаго вопроса: столыпинская реформа 9 Ноября, т. е. покупка земли у помѣщиковъ государствомъ и насажденіе сильнаго мужика - хуторянина, — въ этомъ согласны болѣе или менѣе всѣ, но готовы ли у насъ практическая рѣшенія этой колоссальной задачи? Нѣтъ! Мы совершенно не представляемъ себѣ, на примѣръ, ни какими деньгами будетъ расплачиваться мужикъ въ случаѣ покупки земли непосредственно отъ землевладѣльца, ни на какихъ основаніяхъ возьметъ ее у него тотъ же Крестьянскій Банкъ. Мало того: землемѣровъ не хватало уже Столыпину, а теперь, когда ихъ потребуется въ сто разъ больше, ихъ стало въ десять разъ меньше. Какъ же приступимъ мы къ дѣлу, не имѣя подъ руками совершенно необходимыхъ рабочихъ силъ по проведенію реформы? И вотъ вмѣсто того, чтобы тратить время на фантастическіе переговоры съ какимъ-то опереточнымъ полковникомъ Василько Вышиваннымъ или дѣлать въ Вѣстникѣ В. М. С. еженедѣльную сводку о настроеніяхъ

крестьянства, которыхъ отсюда не видно,—можетъ быть, для Россіи было бы полезнѣе, если бы руководители монархическаго движенія, кооптировавъ специалистовъ, разработали практическія подробности этой важной реформы и даже организовали бы курсы землемѣровъ: масса молодежи мужской и женской, офицеровъ, толковыхъ солдатъ томится въ эмиграціи безъ дѣла—отчего не подготовить изъ нихъ кадры будущихъ работниковъ по н е и з б ѣ ж н о м у землеустройству ?

Вопросъ, чѣмъ будетъ расплачиваться крестьянство за землю, приводитъ насъ къ вопросу величайшей важности о возстановленіи финансовъ Россіи, потрясенныхъ безумной войной сперва и окончательно разрушенныхъ еще болѣе безумными социалистами потомъ. Есть у насъ, монархистовъ и государственниковъ, готовое рѣшеніе этого важнѣйшаго вопроса? Нѣтъ! И не только нѣтъ, но ни въ органѣ В. М. С., ни въ другихъ монархическихъ газетахъ вопросъ этотъ даже и не затрагивается: это не важно, это подождетъ... Чего подождетъ? Неизвѣстно...*)

Огромное число монархистовъ считаетъ необходимымъ какой-то избранный народомъ органъ управленія при монархѣ — Дума, Земскій Соборъ, называйте какъ хотите.. — но съ другой стороны всѣ монархисты понимаютъ, что знаменитая красная четыреххвостка провалилась съ позоромъ навсегда, что съ одной стороны, не мѣсто въ управленіи великой Россіи ни Марусъ, ни Чхеидзе, ни матросу Желѣзняку, ни Керенскому, ни его бабушкѣ, а съ другой стороны, нельзя теперь и не нужно устранять отъ выборовъ монархически-настроенное, національное и хозяйственное крестьянство. Такъ вотъ какъ же организуемъ мы выборы, которые судьбы Россіи отдадутъ въ руки разумныхъ и честныхъ русскихъ людей, хозяевъ? У насъ рѣшенія этого важнаго вопроса нѣтъ — опять мы все чего-то ждемъ.

Какъ будетъ организована національная армія? На чемъ мы поѣдемъ отсюда къ себѣ въ Москву, въ Сара-

*) Въ Парижѣ основалось, напримѣръ, не давно одно довольно крупное монархическое издательство, которое обѣщаетъ отдать всѣ свои силы... изученію архивнаго матеріала недавняго прошлаго! Самое подходящее время для занятія въ архивахъ...

товъ, въ Иркутскъ, на чемъ повезуть намъ иностранцы товары, какъ будетъ бороться безъ путей сообщенія армія съ безчисленными бандами пугачевцевъ и грабителей? Вѣдь въ этой области разрушено все. Какъ же приступимъ мы къ возстановленію путей сообщенія, безъ которыхъ современное культурное государство немислимо? Ясно, что безъ иностранцевъ тутъ намъ не обойтись, но на какихъ основаніяхъ сдадимъ мы имъ эту колоссальную работу — расплатимся ли мы займами, отдадимъ ли мы эти разрушенныя дороги имъ на откупъ, дадимъ ли имъ какія другія концессіи? Все это не разработано, все это даже не затронуто, какъ не затронуты сотни другихъ важныхъ, жизненныхъ вопросовъ. Въ изгнаніи сотни тысячъ, милліоны русскихъ людей, среди нихъ много людей высокой культуры, знаній, государственнаго опыта, специалистовъ, но всѣ они сидятъ гдѣ-то по закоулкамъ бесплодно, а дѣло не дѣлается, хотя, казалось бы, руководители монархическаго движенія должны были бы всѣ силы эмиграціи использовать и силами этими, если ужъ не разрѣшить, то хотя поставить на обсужденіе тѣ коренные вопросы русской жизни, безъ рѣшенія которыхъ намъ — не жить, а Россіи — не быть.

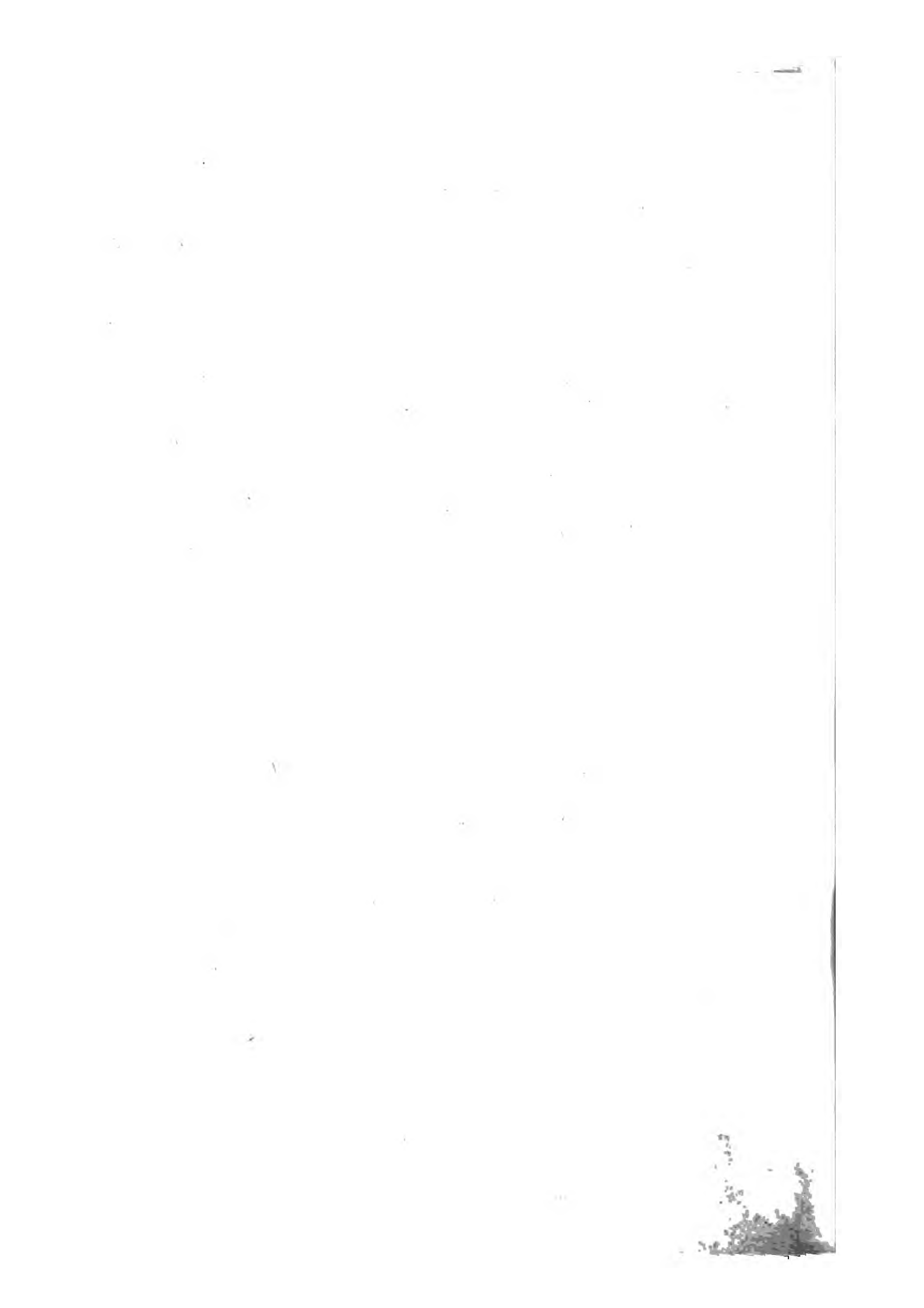
Рейхенхалльскій съѣздъ предоставилъ избранному имъ Высшему Совѣту право кооптаціи нужныхъ людей — къ сожалѣнію, право это Высшій Совѣтъ совершенно не использовалъ. Скажутъ: на это нужны средства и средства большія. Совершенно вѣрно, — такъ надо эти средства найти. Если же онѣ не находятся, то значитъ, что мы не пользуемся достаточнымъ довѣріемъ. Причина же этого недостатка довѣрія, на мой взглядъ, совершенно ясна: это какъ разъ то, съ чего я началъ свою статью, — недостаточно широкая база Рейхенхалля и вытекающее отсюда избраніе такого Высшаго Монархическаго Совѣта, который можетъ опираться лишь на очень незначительный секторъ монархическихъ силъ. Только раздвинувъ основаніе, развернувъ во всю ширину нашъ монархическій фронтъ и соотвѣтственно возглавивъ его, выйдемъ мы изъ этого тупика, найдемъ нужныя сред-

ства — а онѣ, дѣйствительно, нужны большія, — найдемъ и сьорганизуемъ мы нужныя силы и сдвинемъ, наконецъ, дѣло съ той мертвой точки, на которой оно застыло со временъ Рейхенхалля.

Рейхенхаллецъ.

Оглавленіе.

	Стр.
М. Волошинъ. — Заклятіе о Русской Землѣ . . .	3
Ив. Наживинъ. — Федеративный социалистъ Васютка	6
П. П. Извольскій. — Къ вопросу о соединеніи Церквей	70
Проф. Т. В. Локоть. — Большевизмъ и культура	83
П. Н. Красновъ. — Задачи Россійской Арміи .	109
Проф. Д. Пестржецкій. — Оплата труда рабо- чаго въ совѣтской Россіи осенью 1921 .	132
Ив. Наживинъ. — У разбитаго корыта	154
М. Булановскій. — На столахъ	196
Рейхенхаллецъ. — Письмо въ редакцію „Дѣтинца“	202

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУСЬ“ ВЪ ВЪНЪ

НОВАЯ КНИГА:

ИВ. НАЖИВИНЪ, —

**„ЗАПИСКИ О
РЕВОЛЮЦИИ“.**

21 ПЕЧАТНЫЙ ЛИСТЪ

ЦѢНА 35 ГЕРМ. МАР.

ВЪ СТРАНАХЪ СЪ ВЫСОКОЙ
ВАЛЮТОЙ НАДБАВКА 100 ПРОЦ.

ГЛАВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО:

РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

J. PERSKY, WIEN VII

MECHITARISTENGASSE 4

Тел. 30-2-68.

ИЗДАТЕЛЬСТВО РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ
Е. А. ГУТНОВА

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

*ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ*

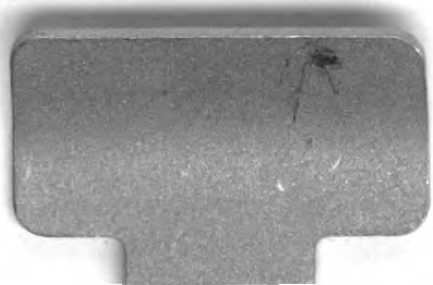
СПОЛОХИ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ПОЧТОВЫХЪ
ОТДѢЛЕН. ГЕРМАНИИ, А ТАКЖЕ ВЪ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ
РЕДАК. АЛ. ДРОЗДОВЪ. ИЗДАТЕЛЬ Е. А. ГУТНОВЪ
ПОДРОБНОСТИ ВЪ ЖУРНАЛѢ «СПОЛОХИ»

АДРЕСЪ ДЛЯ ПРИЕМА ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ
BERLIN S. 14, DRESDNER STR. 82 — 83
ТЕЛЕФОНЪ: MORITZPLATZ 2916 и 3315
ТЕЛЕГР. АДРЕСЪ: IRONDRUCK BERLIN

К-во „ДЪТИНЕЦЪ“

Серія I.

- № 1. Проф. Т. В. Локоть. — „Завоеванія революціи“.
№ 2. Герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій. — Воспоминанія объ „Украинѣ“.
№ 3. Проф. Д. И. Пестржецкій. — Около земли.

Серія II.

- № 1. Н. И. Костомаровъ. — Царь Михаилъ Теодоровичъ.
№ 2. „ — Спасители Россіи въ XVII в.
№ 3. „ — Гетманъ Богданъ Хмельницкій.
№ 4. „ — Герои Смутаго Времени.
№ 5. „ — Дѣтели русской церкви въ старину.

Серія III.

- № 1. Ив. Наживинъ. — Во мглѣ грядущаго. — (Повѣсти).
№ 2. „ — Каменная баба. — (Разказы).
№ 3. „ — Передъ катастрофой.

СБОРНИКИ „ДЪТИНЦА“:

Сборникъ первый. — Статьи П. Н. Краснова, проф. Д. И. Пестржецкаго, П. П. Извольскаго, И. Ф. Наживица, Рейхенхильда и др.

Печатается:

- Н. И. Костомаровъ. — Странички изъ исторіи Россіи.
Свѣтл. кн. А. П. Ливенъ. — Записки.
Проф. бар. М. А. Таубе. — Лига Націй.
Б. Холлъ. — Много ли человѣку земли нужно (съ англ.).
Проф. Е. Ф. Шмурло. — Исторія Россіи.
Ив. Наживинъ. — Зелена (для дѣтей).

Отмѣченныя звѣздочками изданія находятся на складѣ у
Я. М. Перскаго, Wien VII, Mechitaristengasse 4.

Всѣ же остальные въ книжномъ магазинѣ „ГРАДЪ КИТЕЖЪ“,
Lützowstr. 80, Berlin W. 35.